

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»

На правах рукописи

ПАНКРАТОВА Елена Владимировна

**ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАТЕГИЯ САМИЗДАТСКОГО ЖУРНАЛА «ЧАСЫ»:
КОНЦЕПЦИЯ НЕЗАВИСИМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Специальность: 10.01.01 – русская литература

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент Валиева Юлия Мелисовна

Санкт-Петербург – 2019

Оглавление

Введение	3
Глава 1. «Неофициальное культурное движение» как форма литературного объединения независимых ленинградских авторов в 1970–1980-е годы.....	22
1.1. Определение понятия «самиздат»	22
1.2. Литературный самиздат и культурная политика СССР.....	45
1.5. Альманах «Лепта» как переход от стратегии «второй литературной действительности» к «неофициальному культурному движению».....	72
1.6. Литературная стратегия «неофициального культурного движения»	84
Глава 2. «Часы» как литературно-общественный журнал «неофициального культурного движения»	110
2.1. Принципы издания журнала «Часы».....	112
2.2. Идеология журнала «Часы»	125
2.3. Сопоставление концепции «неофициального культурного движения» Б. Иванова с теорией соцреализма	153
Глава 3. Конфликт «герой и коллективный антагонист» как выражение концепции независимой литературы журнала «Часы»	164
3.1. Влияние литературно-критических взглядов Б. Иванова на особенности формирования раздела прозы журнала «Часы»	164
3.2. Варианты реализации конфликта «герой и коллективный антагонист» в произведениях Б. Дышленко.....	175
Заключение.....	221
Список литературы.....	224

Введение

В СССР во второй половине XX века самиздат стал формой существования русской независимой литературы. Исследование литературного самиздата наряду с официальной литературой должно способствовать построению полной картины историко-литературного процесса.

В середине 1970-х годов в Ленинграде в среде литературного андеграунда появляется новая форма объединения независимых авторов, построенная на идее создания общественно-культурной жизни вне официальных институтов. Эта концепция получила название «неофициальное культурное движение» («неофициальная культура»)¹ и выразилась в первую очередь в появлении толстых самиздатских журналов. Одним из таких машинописных журналов стал журнал «Часы». Он издавался с 1976 по 1990 год и выдержал 80 выпусков. Журнал «Часы» взял на себя функцию главного издания всего «неофициального культурного движения» и выполнил принятую на себя роль, публикуя художественные и философские произведения отечественных и зарубежных авторов, публицистические статьи, описывающие и анализирующие события в неофициальной литературно-художественной среде, и пр. Именно на страницах «Часов» в статьях главного редактора журнала Б. Иванова была сформулирована идеология «неофициального культурного движения», согласно которой истинным искусством является только искусство, свободное от канона, давалось философское обоснование ненужности и онтологической невозможности включения настоящего художника в официальную культуру.

Благодаря издательской политике «Часов» был сохранён широкий пласт неподцензурных текстов, представляющих независимую литературу во всём её разнообразии. Но при этом идея отрицания каких-либо данных извне норм и

¹ Мы используем кавычки для различения «неофициального / независимого культурного движения» / «неофициальной / независимой культуры» как названия литературной стратегии журнала «Часы» и близких к «Часам» авторов и неофициальной / независимой культуры как общей характеристики различных практик неподцензурных авторов второй половины XX века в СССР.

правил литературы приводила к тому, что авторы неофициальной литературы в своих произведениях отстаивали свободу в искусстве через нарушение канона соцреализма. Кроме того, сама тема противостояния героя чему-то, посягающему на его независимость, стала достаточно частой в литературе андеграунда. Таким образом, можно говорить, что издательская политика журнала «Часы» оказала определённое влияние на неофициальную литературу Ленинграда 1970–1980-х годов. Рассмотрение литературной стратегии журнала «Часы» должно составить основу для понимания развития независимой ленинградской литературы указанного периода.

Необходимость восполнения лакун в исследовании русской литературы второй половины XX века, уточнения истории независимой литературы, рассмотрение её стратегий в литературном процессе, выявления роли журнала «Часы» в развитии независимой литературы определяет **актуальность исследования.**

Сегодня в бóльшей степени остаётся потребность в рассмотрении прозы самиздата, как так эта область независимой литературы является всё ещё наименее проработанной. Поэтому для иллюстрации характерных тенденций в неподцензурной литературе, опубликованной в журнале «Часы», мы обращаемся именно к прозе.

Для изучения андеграунда нынешний период наиболее благоприятен, так как доступны в качестве информантов многие участники «подполья», в то же время образовавшаяся временная дистанция позволяет более объективно и безоценочно относиться к нонконформистскому движению.

Степень разработанности темы. Сегодня продуктивное исследование неподцензурной литературы стало возможным благодаря созданию общедоступных архивов самиздата. Коллекции самиздата содержатся в архиве Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете (Бремен, Германия) и архиве Гуверовского института (Стенфорд, шт. Калифорния, США). В России в Санкт-Петербурге в фонде научно-

информационного центра «Мемориал» хранятся подборки номеров журналов «Часы», «Обводный канал», «Митин журнал».

В последние годы появились электронные ресурсы, где выложены постраничные изображения номеров самиздатских журналов. На сайте Университета Торонто (Канада) представлена библиотека самиздата², содержащая отдельные номера журналов «37», «Архив», «Диалог», «ЛОБ», «НЛО» («Наша личная ответственность»), «Обводный канал», «Оптимизм», «Северная почта», «Транспонанс» и др. На сайте Центра Андрея Белого также находится электронный архив самиздата³ – все номера журнала «Часы», номера журналов «Архив», «Красный щедринец».

В 2002 году был переиздан типографским способом реферативный журнал самиздата «Сумма»⁴.

В 2017 году М. Юппом⁵ была выпущена книга «Чудаки с Малой Садовой»⁶, в которой воспроизводится литературный альманах «Fioretti», изданный в 1965 году дружеским кругом молодых литераторов, условно называемым Поэты Малой Садовой. Книга включает в себя помимо самого сборника предисловие «От составителей» и статью А. Гайворонского «Сладкая музыка вечных стихов...», в которых рассказывается о «малосадовцах» и об истории создания альманаха.

² Project for the Study of Dissidence and Samizdat. University of Toronto Libraries. URL: <http://samizdatcollections.library.utoronto.ca> (дата обращения: 12.02.2017).

³ Электронный архив Центра Андрея Белого. URL: <http://samizdat.wiki> (дата обращения: 24.01.2018).

⁴ «Сумма» – за свободную мысль / ред. и рук. проекта А. Вершик. СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 2002. 720 с.

⁵ В качестве составителей М. Юпп помимо себя указывает А. Гайворонского и делает в книге следующее посвящение: «Светлой памяти Андрея Гайворонского – поэта, друга, духовного брата» (Чудаки с Малой Садовой: литературный памятник вакуума / сост. А. Гайворонский, М. Юпп. Филадельфия : Пространство, 2017. С. 5).

⁶ Чудаки с Малой Садовой: литературный памятник вакуума / сост. А. Гайворонский, М. Юпп. Филадельфия : Пространство, 2017. 160 с.

Полностью переведена в электронный вид составленная К. Кузьминским и Г. Ковалёвым «Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны»⁷, изданная в Ньютонвилле, штат Коннектикут в 1980–1986 годах. Антология содержит тексты самиздата, факсимиле рукописей и документов, письма, фотографии, рисунки и пр. авторов андеграунда. В 2006 году в издательстве «Владимир Орлов» был переиздан первый том этой антологии⁸.

В 2002–2004 годах вышел составленный Б. Ивановым трёхтомник «Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1960-е. 1970-е. 1980-е»⁹, где была опубликована «неангажированная петербургская проза, впервые представленная читателю в хронологической перспективе»¹⁰.

За последнее время были опубликованы произведения бывших авторов андеграунда: Б. Вахтина¹¹, Р. Грачёва¹², Т. Горичевой¹³, Б. Дышленко¹⁴, Б. Иванова¹⁵, Б. Останина¹⁶, Ф. Чирскова¹⁷, А. Чурилина¹⁸ и др.

⁷ Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны = The Blue Lagoon anthology of modern russian poetry : в 5 т. / сост. К. Кузьминский, Г. Ковалев. Ньютонвилл : Ориентал Резерч Партнерз, 1980–1986. 5 т. ; Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны. URL: <http://kkk-bluelagoon.ru> (дата обращения: 12.02.2017).

⁸ Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны / сост. К. Кузьминский, Г. Ковалев. Т. 1. изд. 2-е, стереотипное, испр. М. : Владимир Орлов, 2006. 538 с.

⁹ Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1960-е. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 528 с. ; Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1970-е. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. 576 с. ; Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1980-е. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. 480 с.

¹⁰ Иванов Б. И. На закате империи // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1980-е. С. 448.

¹¹ Вахтин Б. Б. Портрет незнакомца : сочинения. СПб. : Журнал «Звезда», 2010. 928 с.

¹² Грачёв Р. И. Письмо заложнику : сочинения. СПб. : Журнал «Звезда», 2013. 656 с. ; Его же. Сочинения / сост. В. Н. Кузьмина, Б. А. Рогинский. СПб. : Союз писателей Санкт-Петербурга, Журнал «Звезда», 2013. 656 с.

¹³ Горичева Т. М. О священном безумии : христианство в современном мире : философские эссе. СПб. : Алетейя, 2015. 581 с.

¹⁴ Дышленко Б. И. На цыпочках : повести и рассказы. СПб. : Журнал «Звезда», 1997. 320 с. ; Его же. Контур и силуэты : роман. СПб. : ДЕАН, 2002. 256 с. ; Его же. Людмила : детективная поэма. СПб. : Juolukka, 2012. 740 с.

¹⁵ Иванов Б. И. Сочинение в 2-х т. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 2 т.

¹⁶ Останин Б. В. Тридцать семь и один : схемы, мифы, догадки, истории на каждый день 2017 года / сост. Б. Мартынов. СПб. : Торгово-издательский дом «Амфора», 2015. 447 с.

¹⁷ Чирсков Ф. Б. Маленький городок на окраине Вселенной : роман, рассказ, стихи. СПб. : Журнал «Звезда», 2007. 264 с.

Атмосферу эпохи самиздата передают свидетельства и мемуары представителей андеграунда.

В книгах, составленных Л. Скобкиной, «Ленинград. 70-е»¹⁹ и «Герои ленинградской культуры, 1950–1980-е»²⁰ собраны фрагменты воспоминаний литераторов, художников, фотографов, музыкантов и режиссеров о людях, «вокруг которых заваривалась культурная жизнь города»²¹.

Воспоминания участников литературной студии Дворца пионеров и их стихотворные и прозаические произведения вошли в книгу «Время и слово»²².

О местах встреч и времяпрепровождении неофициального сообщества (кофейня на Малой Садовой, Сайгон) рассказывает casestudy «Сумерки “Сайгона”»²³, где опубликованы интервью с писателями, поэтами и завсегдатаями кафе, фотографии и литературные произведения.

В состав «Сочинений» Б. Иванова, главного редактора машинописного журнала «Часы», одного из учредителей литературной премии Андрея Белого, помещены главы из его книги «По ту сторону официальности»²⁴, где автор воспроизводит эпизоды, значимые для становления «культурного движения», свидетелем и участником которых он был.

В 2015 году вышла книга воспоминаний Б. Иванова «История Клуба-81»²⁵, рассказывающая об истории появления первой официальной организации неподцензурных авторов. Книга была издана после смерти Б. Иванова, подготовлена к печати Б. Останиным и М. Платовой. Автор последовательно

¹⁸ Чурилин А. С. Ирокез с белой тростью : приключенческий роман. СПб. : Искусство России, 2012. 288 с. ; Его же. Носки Императора, Баден-Баден и... : повести, рассказы, новеллы, эссе. СПб. : Нестор-История, 2012. 304 с.

¹⁹ Ленинград. 70-е : в лицах и личностях / авт.-сост., ред. Лариса Скобкина. СПб., 1999. 152 с.

²⁰ Герои ленинградской культуры, 1950–1980-е / авт.-сост., ред. Лариса Скобкина. СПб., 2005. 256 с.

²¹ Там же. С. 3.

²² Время и слово : литературная студия Дворца пионеров / сост. и общ. ред. Ю. М. Валиева. СПб. : Реноме, 2006. 732 с.

²³ Сумерки «Сайгона» / сост. и общ. ред. Юлия Валиева. СПб. : Zamizdat, 2009. 832 с.

²⁴ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Иванов Б. Сочинение в 2-х т. Т 2. С. 384–494.

²⁵ Иванов Б. И. История Клуба-81. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. 496 с.

описывает этапы образования и функционирования клуба, что позволяет прояснить многие аспекты взаимодействия «культурного движения» с официальными структурами (Союзом писателей СССР, КГБ СССР), взаимоотношения внутри среды андеграунда.

Были изданы книги воспоминаний ленинградских авторов неподцензурной литературы: Л. Лосева²⁶, В. Уфлянда²⁷, Д. Бобышева²⁸, А. Наймана²⁹, Е. Рейна³⁰, В. Британишского³¹, А. Гайворонского³², В. Долинина³³, Е. Игнатовой³⁴, В. Кривулина³⁵, В. Топорова³⁶, Е. Шварц³⁷, А. Иконникова-Галицкого³⁸.

Появляются сборники воспоминаний, посвящённые отдельным представителям независимой культуры, например, Б. Тайгину³⁹, Ю. Динабургу⁴⁰.

Исследование феномена неофициальной культуры началось ещё с конца 1970-х годов внутри «культурного движения». 16 сентября и 22–23 декабря 1979 года соредакторами журнала «Часы» Б. Ивановым и Б. Останиным были организованы «1-я и 2-я конференции неофициального культурного движения»; в декабре 1985 года в Клубе-81 состоялся трёхдневный симпозиум «Пути культуры

²⁶ Лосев Л. В. Закрытый распределитель. AnnAbog (Mich.) : Эрмитаж, 1984. 192 с. ; Его же. Меандр : мемуарная проза. М., 2010. 430 с. ; Его же. Солженицын и Бродский как соседи. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 608 с.

²⁷ Уфлянд В. И. «Если Бог пошлёт мне читателя...». СПб. : Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1999. 264 с.

²⁸ Бобышев Д. В. Человекотекст : трилогия. Idyllwild. CA. USA, 2014. 3 т.

²⁹ Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М. : ZebraEACT, 2009. 448 с. ; Его же. Славный конец бесславных поколений. М., 2011. 384 с.

³⁰ Рейн Е. Б. Мне скучно без Довлатова. СПб., 1997. 296 с.

³¹ Британишский В. Л. Выход в пространство : воспоминания. М. : Аграф, 2008. 442 с. ; Его же. Петербург – Ленинград : стихи, рассказы, эссе. СПб. : Алетейя, 2003. 288 с.

³² Гайворонский А. В. Сладкая музыка вечных стихов. Малая Садовая : воспоминания. Стихотворения. СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2004. 86 с.

³³ Долинин В. Э. Не столь отдаленная кочегарка : воспоминания. Рассказы. СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2005. 86 с.

³⁴ Игнатова Е. А. Обернувшись : роман, повести. СПб. : Геликон Плюс, 2009. 208 с.

³⁵ Кривулин В. Б. Охота на мамонта. СПб. : Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1997. 333 с.

³⁶ Топоров В. Л. Двойное дно. Признания скандалиста. М. : Захаров АСТ, 1999. 464 с.

³⁷ Шварц Е. А. Видимая сторона жизни. СПб. ; М. : Лимбус Пресс, 2003. 352 с.

³⁸ Иконников-Галицкий А. А. Пропущенное поколение. СПб. : Б & К, 2005. 344 с.

³⁹ Борис Тайгин в воспоминаниях друзей / сост. А. Ф. Домашёв. СПб. : Историческая иллюстрация Бэ-Та, 2012. 200 с.

⁴⁰ Юрий Динабург : сборник / сост. Л. В. Бондаревский, Р. Р. Пименов, О. В. Старовойтова. СПб. : Норма, 2012. 432 с.

60–80-х годов»; 11–14 апреля 1989 года прошла конференция «Независимая культура Ленинграда 50–70-х годов».

В 1992 году была проведена конференция «30 лет независимой печати. 1950–80 годы», по результатам которой вышел сборник статей⁴¹. Опубликованные в нём материалы в большинстве случаев принадлежат деятелям андеграунда и рассказывают о группах, семинарах, машинописных изданиях, в которых авторы принимали непосредственное участие.

Началом систематического исследования неподцензурной литературы можно считать 1999 год. В это время на кафедре русской литературы Санкт-Петербургского университета проводился посвященный этой теме семинар, завершившийся итоговой конференцией в декабре 1999 года, материалы докладов составили сборник «История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы»⁴².

В настоящее время конференции по второй культуре проводятся уже на международном уровне. Так с 1 по 3 марта 2012 года в Женеве состоялась конференция «Вторая культура. Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы», организованная совместно Женевским и Фрибурским университетами и собравшая исследователей из России, Швейцарии, США, Канады, Германии, Франции, Италии. По итогам работы был выпущен сборник, в который вошли не только статьи литературоведов, но и тексты стихотворений авторов неофициальной поэзии⁴³.

Под эгидой Всероссийского музея А. С. Пушкина дважды в Доме Державина (музей-усадьба Г. Р. Державина, наб. р. Фонтанки, 118) проводились

⁴¹ Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы». С.-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.) / ред.-сост. В. Долинин, Б. Иванов. СПб. : НИЦ «Мемориал», 1993. 142 с.

⁴² История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы : сборник статей / сост. Б. И. Иванов, Б. А. Рогинский ; ред. Б. И. Иванов. СПб. : Изд-во «Деан», 2000. 176 с.

⁴³ «Вторая культура». Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы : материалы международной конференции (Женева, 1–3 марта 2012 г.) / сост. и науч. ред. Жан-Филипп Жаккар, Виолет Фридли, Йенс Херльт ; ред. Пётр Казарновский. СПб. : Росток, 2013. 480 с.

«Охапкинские чтения», посвящённые поэту О. Охапкину, – 12–13 октября 2014 и 11–12 октября 2015 года. По итогам конференций были составлены альманахи⁴⁴.

Наиболее полным на сегодняшний день биобиблиографическим изданием, посвященным неподцензурной литературе, является энциклопедия «Самиздат Ленинграда, 1950-е – 1980-е»⁴⁵. Книга включает в себя биографии участников неофициального литературного процесса, работавших в Ленинграде в период с 1953 по 1991 год; статьи о литературном самиздате, о независимых литературных кружках, группах, семинарах и конференциях. В специальном разделе даётся хроника неофициальной литературной жизни Ленинграда и связанных с ней внелитературных событий. В энциклопедии помещена статья В. Долинина и Д. Северюхина «Преодоление немоты»⁴⁶, представляющая собой развёрнутый исторический очерк, посвящённый ленинградскому самиздату, и статья Б. Иванова «Литературные поколения в ленинградской неофициальной литературе: 1950-е – 1980-е годы»⁴⁷. Публикуются фотопортреты авторов самиздата. Но, будучи бесценным справочным материалом, это издание не даёт представления о характере самих текстов.

Монография С. Савицкого «Андеграунд»⁴⁸ ставит своей задачей воспроизведение культурного мифа андеграунда позднесоветского времени. В работе присутствует анализ непосредственно неподцензурной литературы, но среди современников андеграунда эта работа получила скорее негативный отзыв как недостаточно полная и не раскрывающая сути явления⁴⁹. Тем не менее, книга С. Савицкого содержит ряд полезных выводов для дальнейших исследований.

⁴⁴ Охапкинские чтения : альманах № 1 / авт.-сост. Т. И. Ковалькова. СПб., 2015. 296 с. ; Охапкинские чтения : альманах № 2 / авт.-сост. Т. И. Ковалькова. СПб., 2018. 228 с.

⁴⁵ Самиздат Ленинграда, 1950-е – 1980-е : литературная энциклопедия / под общ. ред. Д. Северюхина ; авт.-сост. В. Долинин, Б. Иванов, Б. Останин, Д. Северюхин. М. : НЛЮ, 2003. 624 с.

⁴⁶ Долинин В. Э, Северюхин Д. Я. Преодоление немоты // Самиздат Ленинграда. С. 7–51.

⁴⁷ Иванов Б. И. Литературные поколения в ленинградской неофициальной литературе: 1950-е – 1980-е годы // Самиздат Ленинграда. С. 535–584.

⁴⁸ Савицкий С. А. Андеграунд.

⁴⁹ Например, М. Айзенберг высказывается о ней следующим образом: «...автор <...> подходит к некоему культурному объекту, к некоторому закрытому культурному пространству,

История «второй культуры» подробно описана в статьях участников «неофициального движения» В. Кривулина «Золотой век самиздата»⁵⁰, Б. Иванова «Эволюция литературных движений в пятидесятые – восьмидесятые годы»⁵¹, в книге В. Долинина и Д. Северюхина «Преодоление немоты»⁵². Критические статьи А. Кобака и Б. Останина, печатавшиеся на страницах журнала «Часы», были опубликованы в сборнике «Молния и радуга»⁵³.

Из статей литературоведов отметим статью И. Сухих «Три урока самиздата»⁵⁴, в которой демонстрируется значение данного культурного феномена для истории литературы: утверждение права автора на свободное слово; построение модели взаимодействия между автором и читателем, которая после конца 1980-х годов стала «общей характеристикой культурной ситуации»⁵⁵; возможность на примере истории самиздата проследить связь социальных факторов с формированием структуры литературного процесса.

В рамках проекта «Звуковой архив» (кафедра истории русской литературы СПбГУ) вышли сборники автобиографий деятелей неофициальной культуры 1950–1990-х годов «Лица петербургской поэзии, 1950–1990-е»⁵⁶ и «К истории

которое на самом деле по сложности своей пространственной структуры все-таки ближе к лабиринту, чем к анфиладе. Подходит с одной стороны, подходит с другой, с третьей, с четвертой, с пятой. Ну, может, еще и с шестой. Ни в одном из шести случаев ему не открыли или ему не открылось, но он заканчивает обход с ощущением, что экспедиция прошла вполне успешно и что все получилось» (Айзенберг М. Н., Рубенштейн Л. С., Шейнкер М. Я. «Это время для нас абсолютно не утрачено...» // Критическая масса. 2004. № 1. С. 122).

⁵⁰ Кривулин В. Б. Золотой век самиздата // Самиздат века / сост. А. И. Стреляный [и др.]. Мн. ; М. : Полифакт, 1997. С. 342–354.

⁵¹ Иванова Б. И. Эволюция литературных движений в пятидесятые–восьмидесятые годы // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы. С. 17–28.

⁵² Долинин В. Э., Северюхин Д. Я. Преодоление немоты : ленинградский самиздат в контексте независимого культурного движения, 1953–1991. СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2003. 136 с.

⁵³ Кобак А. В., Останин Б. В., Молния и радуга : литературно-критические статьи 1980-х годов. СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова. 2003. 176 с.

⁵⁴ Сухих И. Н. Три урока самиздата // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы. С. 154–158.

⁵⁵ Там же. С. 156.

⁵⁶ Лица петербургской поэзии, 1950–1990-е : автобиографии, авторское чтение / сост., отв. ред. Ю. М. Валиева. СПб. : Zamizdat Искусство России, 2011. 720 с. + 5 CD.

неофициальной культуры и современного зарубежья, 1950–1990-е»⁵⁷, составленные Ю. Валиевой. В первом выпуске проекта собраны автобиографии 67 ленинградских поэтов с приложением четырех аудиодисков с фонограммами авторского чтения и диска с архивными записями 1960–1980-х годов. Дополняют издание фотоматериалы и факсимиле рукописей. Кроме автобиографий в книге представлены тексты стихов, звучащих на дисках. Второй выпуск проекта посвящен деятелям неофициальной культуры и современного русского зарубежья. Книга разбита на четыре раздела: «Автобиографии», «Авторское чтение», «Звуковой архив», «Материалы по истории неофициальной культуры. Воспоминания и интервью». В сборнике представлены 33 автобиографии участников литературной жизни Ленинграда, Москвы, Тулы, Ейска, Тамбова, Кишинева. Как и первый выпуск, издание дополняют факсимиле рукописей и фотографии. Три диска приложения содержат записи авторского чтения всех литераторов, представленных в сборнике, и любительские записи 1970–1980-х годов. В четвёртый раздел включены воспоминания сторонних наблюдателей неофициальной литературной жизни и интервью иностранных славистов об их знакомстве с русской неподцензурной культурой 1970–1980-х годов, архивные документы.

В 2011 году вышел энциклопедический словарь в двух томах «Литературный Санкт-Петербург, XX век»⁵⁸, куда были включены биографии неподцензурных авторов. В 2015 словарь был дополнен и переиздан уже в трех томах⁵⁹.

С недавнего времени явление самиздата становится объектом диссертационных исследований. В 2014 году в Санкт-Петербургском

⁵⁷ К истории неофициальной культуры и современного зарубежья, 1950–1990-е : автобиографии, авторское чтение / сост., отв. ред., примеч. Ю. М. Валиева. СПб. : Контраст, 2015. 600 с. + 3 CD.

⁵⁸ Литературный Санкт-Петербург. XX век : прозаики, поэты, драматурги, переводчики : энциклопедический словарь : в 2 т. / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. 2 т.

⁵⁹ Литературный Санкт-Петербург. XX век : энциклопедический словарь : в 3 т. / гл. ред. и сост. О. В. Богданова. 2 изд., испр. и доп. СПб., 2015. 3 т.

государственном университете О. Заславской была защищена диссертация на соискание учёной степени кандидата культурологии по теме «Самиздат и тамиздат как культурно-коммуникационный феномен позднего социализма в странах восточной Европы (1960–1980 годы)»⁶⁰. В работе рассматривается самиздат и тамиздат как способ неподцензурного культурного обмена между представителями разных стран. Акцент в исследовании самиздата сделан на функции объединения демократических движений и запуска в обществе процессов «реформирования и перераспределения властных отношений»⁶¹.

Интерес к самиздату советского периода возникает и у западных славистов. Диссертационное исследование Milutin Janjić «Leningrad's religious-philosophical seminar: a place of encounter between text and mission»⁶² (Университет Беркли. Калифорния. США) посвящено религиозно-философскому семинару, основанному в 1974 году в Ленинграде Т. Горичевой при участии В. Кривулина, Е. Пазухина, С. Стратановского. В работе автор рассматривает социо-политический контекст существования семинара, систему философских взглядов его участников, анализирует материалы, опубликованные в журнале «37», обращается к творчеству отдельных авторов (Е. Шварц, О. Охупкина, А. Миронова, В. Кривулина).

В настоящее время в большей степени исследована поэзия андеграунда. Отдельным персоналиям и литературным группам посвящены статьи М. Айзенберга «Некоторые другие»⁶³, С. Стратановского «Религиозные мотивы в

⁶⁰ Заславская О. В. Самиздат и тамиздат как культурно-коммуникационный феномен позднего социализма в странах восточной Европы (1960–1980 годы) : диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии : 24.00.01. СПб., 2014. С. 309 с.

⁶¹ Заславская О. В. Самиздат и тамиздат как культурно-коммуникационный феномен позднего социализма в странах восточной Европы (1960–1980 годы) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии : 24.00.01. СПб., 2014. С. 3.

⁶² Janjić M. Leningrad's religious-philosophical seminar: a place of encounter between text and mission : a dissertation presented to The Faculty of the Graduate Theological Union in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Berkeley. California. 2015. 268 p.

⁶³ Айзенберг М. Н. Некоторые другие // Театр. 1991. № 4. С. 98–118.

современной русской поэзии»⁶⁴, В. Кривулина «Петербургская спиритуальная лирика вчера и сегодня»⁶⁵, Н. Котовой «Духовная поэзия в современном литературном процессе»⁶⁶, М. Саббатини «Виктор Кривулин на переломе эпох. Заметки о смене поэтики второй половины 1980-х годов»⁶⁷. В 2006 году вышла антология, посвящённая поэзии «филологической школы»⁶⁸. Английская славистка Emily Lygo в монографии «Leningrad poetry 1953–1975. The Thaw Generation»⁶⁹ также исследует творчество ленинградских неофициальных поэтов. Б. Ивановым был составлен коллективный сборник очерков «Петербургская поэзия в лицах»⁷⁰, в него вошли статьи о Р. Мандельштаме, Г. Горбовском, В. Сосноре, А. Кушнере, Д. Бобышеве, Л. Аронzone, И. Бродском, А. Миронове. В книге А. Житенёва «Поэзия неомодернизма»⁷¹, основу которой составил материал его докторской диссертации «Порождающие модели и художественная практика в поэзии неомодернизма 1960-х–2000-х гг.»⁷², исследуется трансформация авангардных и модернистских традиций в русской поэзии 1960–2000-х годов.

Проза ленинградского самиздата рассматривается только в отношении отдельных авторов, (например, о Р. Грачёве пишет Б. Иванов⁷³, о С. Коровине – Н.

⁶⁴ Стратановский С. Г. Религиозные мотивы в современной русской поэзии // Волга. 1993. № 6. С. 142–145.

⁶⁵ Кривулин В. Б. Петербургская спиритуальная лирика вчера и сегодня // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы. С. 99–109.

⁶⁶ Котова Н. А. Духовная поэзия в современном литературном процессе // Вестник МГУ. Сер. «Русская филология». 2007. № 2. С. 269–272.

⁶⁷ Саббатини М. Виктор Кривулин на переломе эпох. Заметки о смене поэтики во второй половине 1980-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. 2014. Вып. 4. С. 44–50.

⁶⁸ «Филологическая школа» : тексты, воспоминания, библиография / сост. В. Куллэ, В. Уфлянд. М. : Летний сад, 2006. 656 с.

⁶⁹ Lygo E. Leningrad poetry 1953–1975. The Thaw Generation. Oxford : Peter Land. 2010. 362 p.

⁷⁰ Петербургская поэзия в лицах : очерки / сост. Б. Иванов. М. : НЛО, 2011. 392 с.

⁷¹ Житенёв А. А. Поэзия неомодернизма. СПб. : Инапресс, 2012. 480 с.

⁷² Житенёв А. А. Порождающие модели и художественная практика в поэзии неомодернизма 1960-х–2000-х гг. : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.01.01. Воронеж, 2012. 565 с.

⁷³ Иванов Б. И. Рид Грачев // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы. С. 49–59 ; Его же. Рид Грачёв – неизвестный солдат шестидесятых // Звезда. 1994. № 2. С. 171–173 ; Его же. Легенда шестидесятых – Рид Грачёв // Грачёв Р. Письмо заложнику. С. 5–82.

Савченкова⁷⁴, о Б. Улановской – Т. Эпстайн⁷⁵, о Ф. Чирскове – А. Арьев⁷⁶) или отдельных произведений (например, сочинению В. Эрля «В поисках за утраченным Хейфом» посвящена статья Н. Николаева «О подлинности Виктора Хейфа в повести Владимира Эрля»)⁷⁷.

На настоящий момент работ, посвящённых непосредственно самому журналу «Часы», не так много. Большим подспорьем для изучения материала «Часов» стал указатель «Содержание журнала “Часы” №№ 1–80 (1976–1990 гг.)»⁷⁸, в который вошёл перечень всех произведений, опубликованных в журнале, фамилии авторов с указаниями их псевдонимов. Отдельные аспекты философии Б. Иванова затронуты в работах А. Житенёва «Демаркация “советского” и “неофициального” как проблема: самоопределение “культурного движения” на страницах журнала “Часы”»⁷⁹ и «Философия культуры Бориса Иванова»⁸⁰.

Объект исследования – журнал «Часы» (№ 1–80).

Предмет исследования – литературная стратегия самиздатского журнала «Часы».

Цель – осуществить реконструкцию концепции независимой литературы как издательской стратегии журнала «Часы».

Для достижения поставленной цели следовало решить следующие **задачи**:

- уточнить комплекс значений, включённых в понятие «самиздат»;
- рассмотреть особенности культурной политики СССР в отношении независимой литературы в 1950–1980-е годы;

⁷⁴ Савченкова Н. М. К идее русского «нового романа» // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы. С. 137–147.

⁷⁵ Эпстайн Т. Зияния, мгновения: проза Беллы Улановской // Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 9. 2014. Выпуск 4. С. 38–43.

⁷⁶ Арьев А. Ю. Современник метели // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы. С. 79–84.

⁷⁷ Николаев Н. И. О подлинности Виктора Хейфа в повести Владимира Эрля // НЛО. 2006. № 81. С. 282–292.

⁷⁸ Содержание журнала «Часы» №№ 1–80 (1976–1990 гг.). [СПб. : ЗнакЪ, 2011].

⁷⁹ Житенёв А. А. Демаркация «советского» и «неофициального» как проблема: самоопределение «культурного движения» на страницах журнала «Часы» // Транслит. 2013. № 10/11. С. 112–118.

⁸⁰ Житенев А. А. Философия культуры Бориса Иванова // «Вторая культура». С. 160–173.

- реконструировать историю становления «неофициального культурного движения» в середине 1970-х годов;
- рассмотреть «неофициальное культурное движение» как стратегию поведения независимых авторов;
- рассмотреть принципы издания литературно-общественного журнала «Часы»;
- проанализировать концепцию независимой литературы («неофициального культурного движения»), выраженную в статьях главного редактора «Часов» Б. Иванова;
- выявить особенности формирования раздела прозы журнала «Часы»;
- проанализировать опубликованные в журнале «Часы» произведения Б. Дышленко (как одного из постоянных авторов журнала «Часы») с точки зрения отражения в них характерных особенностей идеологии «неофициального культурного движения».

Материалом исследования являются все номера самиздатского журнала «Часы» с № 1 (1976) по № 80 (1990).

Научная новизна. В работе рассмотрено одно из основных периодических изданий независимой литературы 1970–1980-х годов – журнал «Часы», ранее не являвшийся предметом всестороннего специального исследования. «Неофициальное культурное движение» представлено как литературная стратегия неподцензурных авторов, направленная на преодоления государственной монополии на искусство.

Теоретическая и практическая значимость диссертации определяется тем, что в ней углубляется и дополняется представление о развитии неофициальной литературы, тем самым уточняется история русской литературы второй половины XX века. Реконструкция издательской позиции журнала «Часы», способствовавшего институализации неподцензурной литературы, помогает выявить закономерности литературного процесса 1970–1980-х годов. Полученные результаты можно использовать при изучении как других

независимых журналов этого времени, так и отдельных произведений. Дальнейшее исследование самиздатских журналов и неофициальных авторов будет способствовать построению наиболее полной картины развития независимой литературы.

Методология и методы исследования.

Специфика материала исследования обусловила выбор историко-литературного и сравнительно-типологического подходов в качестве основных методов исследования. Диссертация продолжает изучение истории и поэтики литературного самиздата, начатое в работах отечественных и зарубежных исследователей: В. Долинина, А. Житенёва, Э. Лиго, М. Саббатини, С. Савицкого, Д. Северюхина, Т. Эпстайна, М. Янича и др.

Работа строится по принципу постепенного сужения объекта изучения: от характеристики социально-исторических условий появления самиздата через определение стратегий литературной борьбы «второй культуры» мы последовательно переходим к рассмотрению машинописного журнала «Часы», его издательской политики и далее к анализу центрального конфликта в прозаических произведениях журнала.

Для реконструкции литературной стратегии журнала «Часы» важным является восстановление исторического контекста, объясняющего стремление авторов, не публикуемых в официальных издательства, создать культурную среду, независимую от государства.

Восприятие читателями и «издателями» произведений независимых авторов в качестве актуальной литературы обеспечивалось не только содержанием текста, но и исторической ситуацией, повлиявшей на его интерпретацию. Поэтому для анализа произведений неофициальной литературы подходящими оказались приёмы интерпретационной теории В. Изера.

Задача реконструкции литературной стратегии журнала «Часы» потребовала также обращение к методам смежных наук. Мы использовали предложенную П. Бурдье методику анализа литературного поля, которая

заключается в определении позиций групп и индивидов внутри области социального пространства, а именно рассмотрели официальную культуру и «неофициальное движение» как конкурирующие позиции внутри литературного поля. Для характеристики «неофициального движения» как культурной системы, был взят способ анализа, применённый Л. Иониным⁸¹.

Положения, выносимые на защиту:

1. В середине 1970-х годов создаётся форма литературного объединения авторов ленинградского андеграунда – «независимое культурное движение» («неофициальное культурное движение», «культурное движение»).

2. «Неофициальному движению» свойственны черты полистилистической культуры, что является следствием её выстраивания на фоне доминирующей моностилистической культуры.

3. Литературно-общественный журнал «Часы» стал выразителем литературной стратегии «неофициального культурного движения».

4. Теория культуры главного редактора журнала «Часы» Б. Иванова, сформулированная в его литературно-критических и философских статьях, опубликованных в этом журнале, стала онтологическим обоснованием «неофициального культурного движения».

5. Противопоставление философии культуры Б. Иванова теории соцреализма проистекает из отрицания идей окончательной познаваемости мира и унификации в искусстве, но при этом в обеих концепциях выявляются черты сходства: признание за художественной литературой функции отображения действительности, отношение к искусству как к инструменту воспитания человека и преобразования общества.

6. Выражением концепции независимой литературы в прозаических произведениях журнала «Часы» стал конфликт «герой и коллективный антагонист».

⁸¹ Ионин Л. Г. Культура на переломе (механизмы и направление современного культурного развития в России) // Социологические исследования. 1995. № 2. С. 41–48.

Апробация результатов работы. Доклады на основе материала диссертации были представлены на 8 научных конференциях, проходивших в Санкт-Петербурге: Третьей и Пятой международных научно-практических конференциях «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков» (Санкт-Петербург, Государственная полярная академия, 2011, 2013), XLII и XLIII международных филологических конференциях СПбГУ (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2012, 2013), Международной конференции молодых исследователей «Современные методы исследования в гуманитарных науках: Российская история в зеркале отечественной словесности» (Санкт-Петербург, ИРЛИ, 2012), Международной научно-практической конференции «Развитие социокультурной, экономической и геоэкологической деятельности в Северных регионах России» (Санкт-Петербург, Государственная полярная академия, 2012), Межвузовской научно-практической конференции «Медиафера: тенденции и перспективы развития» (Санкт-Петербург, СПбГЭУ, 2014), Четырнадцатой международной научной конференции «Сапгировские чтения – 2017: Неподцензурная поэтика. Глава 2» (Санкт-Петербург, РГГУ, Высшая школа экономики, Санкт-Петербургский государственный университет, Музей нонконформистского искусства в АРТ-центре «Пушкинская 1», Трирский университет, Центр Андрея Белого, 2017).

Статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях:

1. Панкратова, Е. В. Журнал «Часы»: формирование идеологических основ неофициального культурного движения / Панкратова Елена Владимировна // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9 (27) : в 2-х ч. – Ч. II. – С. 152–156.
2. Панкратова, Е. В. К вопросу о концепции искусства в неофициальном культурном движении (на материале журнала «Часы» в 1970–1980-х годах) / Е. В. Панкратова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 9. – 2014. – Выпуск 4. – С. 51–57.

3. Панкратова, Е. В. Строеие конфликта в произведениях неподцензурной литературы 1970–1980-х годов / Е. В. Панкратова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 4. – С. 187–191.

Публикации в других научных изданиях:

4. Панкратова, Е. В. Борис Лихтенфельд / Е. В. Панкратова // Литературный Санкт-Петербург, XX век : прозаики, поэты, драматурги, переводчики : энциклопедический словарь : в 2 т. / С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – Т. 2. – С. 34–36. Второе издание: Панкратова, Е. В. Борис Лихтенфельд / Е. В. Панкратова // Литературный Санкт-Петербург, XX век : энциклопедический словарь : в 3 т. / гл. ред. и сост. О. В. Богданова. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 2015. – Т. 2. – С. 492–493.

5. Панкратова, Е. В. Александр Чурилин / Е. В. Панкратова // Литературный Санкт-Петербург, XX век : прозаики, поэты, драматурги, переводчики : энциклопедический словарь : в 2 т. / С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – Т. 2. – С. 522. Второе издание: Панкратова, Е. В. Александр Чурилин / Е. В. Панкратова // Литературный Санкт-Петербург, XX век : энциклопедический словарь : в 3 т. / гл. ред. и сост. О. В. Богданова. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 2015. – Т. 3. – С. 583–584.

6. Панкратова, Е. В. Пространство как моделирующая категория в произведениях неподцензурной литературы 1960 – 1980-ых годов» / Е. В. Панкратова // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – СПб. : ГПА, 2011. – С. 205–209.

7. Панкратова, Е. В. Определение понятия «Самиздат» (эволюция трактовки) / Е. В. Панкратова // Литературный текст XX века : проблемы поэтики : материалы V Международной научно-практической конференции. – Челябинск : Цицеро, 2012. – С. 294–300.

8. Панкратова, Е. В. Журнал «Община» и христианский семинар по проблемам религиозного возрождения / Е. В. Панкратова // Актуальные проблемы

филологии и методики преподавания иностранных языков : материалы третьей международной научно-практической конференции. – СПб. : ГПА, 2012. – Т. 2.– С. 270–276.

Объём и структура работы. Диссертация представлена на 251 странице и состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии. Библиографический список включает 297 позиций.

Глава 1. «Неофициальное культурное движение» как форма литературного объединения независимых ленинградских авторов в 1970–1980-е годы

В середине 1970-х годов в среде андеграунда складывается концепция построения культурной жизни, автономной от официальных институтов. Данная линия поведения стала ответом на существующие в стране идеологическую пропаганду и механизмы цензурного контроля. При этом она выработалась в результате провала другой стратегии – попытки вхождения в официальную литературу.

«Неофициальное культурное движение» развивается как часть явления самиздата, который с середины 1970-х годов уже не воспринимается только как самостоятельная незаконная издательская деятельность или как нелегальная литература, а перерастает в социокультурный феномен, совмещающий политическую и культурную позиции. Отличительной чертой «неофициального культурного движения» становится стремление восстановить историю самиздата, отследить и описать процессы, проходящие в литературно-художественном андеграунде, осмыслить и онтологизировать его особенности.

В разделах данной главы мы рассмотрим комплекс значения, включённых в понятие «самиздат», остановимся на аспектах политики СССР в середине 1970-х годов; рассмотрим стратегии поведения независимых авторов, приведшие к идее «неофициального культурного движения».

1.1. Определение понятия «самиздат»

Формирование независимой печати стало следствием политики СССР, направленной на подчинение искусства государственному заказу. Цензурный контроль вызвал особое противодействие, названием которого стало слово «самиздат», включившее в себя целый комплекс значений, обусловленных эпохой 1950–1980-х годов. При этом у участников и исследователей литературно-

художественного андеграунда встречаются разные трактовки самого понятия «самиздат».

В задачи данной главы входит уточнение и систематизация комплекса значений, включённых в понятие «самиздат», вызванных как его ролью в общественно-культурной жизни страны в 1950–1980-е годы, так и сформировавшимся о нём у участников и исследователей представлением.

В определении термина «самиздат» нет единства. Стремясь объяснить это понятие, авторы в большинстве случаев не учитывают разнообразную практику употребления слова, а руководствуются только своим собственным пониманием. Ниже мы рассмотрим дефиниции, приводимые представителями андеграунда, исследователями самиздата, критиками и пр. Мы не даём оценку трактовкам, а обращаем внимание на выделенные аспекты.

Термину «самиздат» даются следующие определения:

1. Самостоятельная издательская деятельность;
2. Способ тиражирования;
3. Неподцензурная художественная и нехудожественная литература;
4. Независимая творческая и гражданская позиция.

Выделяют следующие специфические признаки самиздата как явления:

1. Самиздат характеризуется активным тиражированием произведений;
2. В самиздате распространяются произведения, обладающие культурной ценностью;
3. Самиздат предполагает тиражирование произведений читателями, а не авторами;
4. Самиздат ориентирован на читателя;
5. Самиздат обладает политической направленностью.

Указывают следующие функции самиздата:

1. Сохранение текстов;
2. Преодоление цензурного контроля;
3. Средство самопознания и самовыражения общества;

4. Восстановление связи с литературой Серебряного века, с западной литературой и научной мыслью.

Причинами появления самиздата считают:

1. Политику СССР;
2. Цензуру (не только советскую, а цензуру вообще);
3. Любой контроль над творчеством.

Заметим, что в высказываниях о самиздате часто совмещаются и характеристики явления, и его назначение, и причины возникновения. Тем не менее, представленная схема нагляднее демонстрирует неоднозначность трактовок рассматриваемого понятия.

Остановимся подробнее на всех выделенных нами пунктах.

1. Самиздат как самостоятельная издательская деятельность.

На понимание самиздата как самостоятельной издательской деятельности указывает происхождение самого слова. Оно образовалось от окказионализма «самсебяиздат», придуманного московским поэтом Н. Глазковым. В 1940-х годах он составлял небольшие машинописные сборники своих стихов и прозы, сшивал их в брошюры форматом в пол-листа и дарил друзьям. «Самсебяиздат» автор писал на титульном листе как обозначение издательства, пародируя названия советских государственных организаций (Госкомиздат, Политиздат и т. п.).

В середине 1960-х годов термин в редуцированном виде был подхвачен литературной молодежью. Сокращение компонента «-себя-», очевидно, связано с изменением значения слова по сравнению с первоначальным — оно стало обозначать самостоятельную публикацию не только собственного творчества, но других авторов.

2. Самиздат как способ тиражирования текста.

Ряд авторов под самиздатом понимают способ распространения текста, но не сам текст.

Именно так определяет самиздат А. Даниэль⁸², руководитель одного из исследовательских проектов организации «Мемориал» – программы «История инакомыслия в СССР. 1953–1987». В статье «Истоки и смысл советского Самиздата» он пишет, что «под словом “самиздат” имеет смысл подразумевать не сам текст, а способ его бытования»⁸³. Он предлагает следующее определение самиздата: «специфический способ бытования общественно значимых неподцензурных текстов, состоящий в том, что их тиражирование происходит вне авторского контроля, в процессе их распространения в читательской среде»⁸⁴.

Л. Алексеева (участница правозащитного движения в СССР) также называет самиздат «способом неподконтрольного распространения идей и информации»⁸⁵ после чего описывает принцип функционирования самиздата: «автор печатывает свое произведение наиболее доступным частному лицу в советских условиях способом – на пишущей машинке – в нескольких экземплярах и раздает копии своим знакомым. Если кому-то из них прочитанное покажется интересным, он делает копии с доставшегося ему экземпляра и раздает их своим знакомым и т. д.»⁸⁶.

Ю. Мальцев в книге «Вольная русская литература, 1955–1975» не даёт определение самиздату, но из его высказываний следует, что он тоже относит самиздат к способу бытования текста. Он характеризует его как явление, суть которого заключается в «спонтанном саморазмножении подпольной литературы»⁸⁷, и объясняет механизм распространения текста: «Отпечатанное на пишущей машинке в нескольких экземплярах произведение попадает сначала в руки ближайших друзей автора, которые, в свою очередь перепечатывая или

⁸² А. Ю. Даниэль – сын писателя, переводчика Ю. М. Даниэля.

⁸³ Даниэль А. Ю. Истоки и смысл советского Самиздата // Антология самиздата : неподцензурная литература в СССР 1950-е–1980-е. / сост. М. Ш. Барбакадзе ; под общ. ред. В. В. Игрунова. М. : Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005. Т 1. С. 17.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР : новейший период. М. : Моск. Хельсинк. группа, 2006. С. 210.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Мальцев Ю. В. Вольная русская литература, 1955–1975. Frankfurt : Посев, 1976. С. 10.

перефотографируя рукопись, передают ее дальше, число экземпляров растёт таким образом в геометрической прогрессии...»⁸⁸.

Но даже когда самиздат авторы трактуют только как способ распространения текстов, они подчёркивают его исключительную роль в развитии неофициального движения во второй половине XX века. Так А. Даниэль считает, что после издания в 1959 году А. Гинзбургом машинописного альманаха «Синтаксис», воспринятого современниками как «Декларация независимости культурного процесса»⁸⁹, самиздат превращается в Самиздат, «т. е., в инструмент альтернативной культуры, в институцию»⁹⁰.

3. Самиздат как неподцензурная художественная и нехудожественная литература.

Взгляду на самиздат как на способ бытования текста противостоит не представление о самиздате как о тексте, а смешение представлений о тексте и его носителе.

С. Савицкий в книге «Андеграунд» анализирует термин «самиздат» как один из вариантов названия «неофициальной литературы», синонимичный выражениям «подпольная литература», «несозвучная литература», «потаенная литература»⁹¹, но далее использует для обозначения способа бытования различных текстов – «хождение не только литературных произведений, но и самых разнообразных текстов, распространявшихся в машинописных, фото- (и других разновидностей) копиях»⁹². При этом С. Савицкий даёт понятию «самиздат» следующее определение: «наиболее общее и раннее описательное определение суммы текстов, не публиковавшихся в советской печати и распространявшихся в машинописных копиях начиная с 1950-х годов вплоть до перестроечных времен. Сюда входят как литературные, так и политические

⁸⁸ Мальцев Ю. В. Вольная русская литература, 1955–1975. Frankfurt : Посев, 1976. С. 10–11.

⁸⁹ Даниэль А. Ю. Истоки и смысл советского Самиздата. С. 20.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Савицкий С. А. Андеграунд. С. 25.

⁹² Там же. С. 29.

произведения, а также религиозные издания, публицистика, рок-журналистика, эзотерическая литература и многое другое»⁹³. То есть подразумевает соединение в термине «самиздат» и обозначения самих неподцензурных текстов, и указание на способ их публикации.

Л. Лосев считал, что самиздат «это тексты, распространяемые бесцензурно вне государственной системы массовой информации, чаще всего, в виде машинописных копий, но также в рукописях, фотокопиях и магнитофонных записях»⁹⁴. С его точки зрения, эти произведения – это «часть более широкого феномена неподцензурной культуры, которая проявляется и в публичных чтениях неподцензурных текстов, в выставках неофициального искусства, в научных лекциях, диспутах и симпозиумах, проводимых неофициально, и даже в представлениях подпольных театров (в частных квартирах)»⁹⁵. Из цитируемого отрывка видно, что Л. Лосев не приравнивает самиздат к неофициальной культуре, в то время как часть авторов не проводят границу между этими понятиями, о чём будет сказано далее.

В статье «Литературный процесс в России» А. Терц [А. Синявский] трактует самиздат как другое название неофициальной литературы: «Вторая – скромно и просто называлась: “Самиздат”»⁹⁶. Автор в своей характеристике самиздата совмещает и указание на технику распространения текстов, и на культурную роль феномена: «Трудно придумать более точное и более безобидное имя, чем “Самиздат”, говорящее только о том, что вот человек взял и написал все, что ему хотелось, по собственному разумению, и сам же себя выпускает, не заботясь о последствиях, передав горсточку листочков, отбитых на пишущей машинке, приятелю, а приятель двум таким же отшельникам прибежал похвастать, а там, смотришь, и мы уже присутствуем снова в проекте чего-то

⁹³ Савицкий С. А. Андеграунд. С. 34.

⁹⁴ Лосев Л. В. Закрытый распределитель. С. 163.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Терц А. Литературный процесс в России // Континент. 1974. № 1. С. 155.

большого, фантастического, ни с чем не сравнимого, в зачатке российской словесности...»⁹⁷.

С позиции власти самиздат тоже мог приравниваться к неофициальной литературе. Председатель КГБ Ю. Андропов в Записке в ЦК КПСС в феврале 1969 года пишет о том, что в среде интеллигенции и молодёжи читают «идеологически вредные материалы в виде сочинений по политическим, экономическим и философским вопросам, литературных произведений, коллективных писем в партийные и правительственные инстанции, в органы суда и прокуратуры, воспоминаний “жертв культа личности”, именуемых их авторами и распространителями “внецензурной литературой”, или “самиздатом”»⁹⁸. Характер распространения, а именно передача «из рук в руки рукописных, отпечатанных на пишущих машинках, размноженных фотоспособом или на ротационных аппаратах документов», тоже указывается, но именно как способ существования политически вредной литературы, называемой «самиздатом».

4. Самиздат как независимая творческая и гражданская позиция.

Часть высказываний о самиздате не могут в строгом смысле считаться определениями этого явления, но показывают отношение к нему как к главному носителю идеи независимости от государства.

Так Л. Анненский в статье «Светлая тайнопись чумного барака» пишет, что «само это понятие [самиздат] нигде, кажется, не вырастает до такого общекультурного символа, как в СССР второй половины XX века»⁹⁹.

С. Савицкий в книге «Андеграунд» обращает внимание на то, что «с 1970-х годов слово “самиздат” начинают писать с большой буквы, отводя ему центральную роль в отношениях власти и критически настроенной

⁹⁷ Терц А. Литературный процесс в России // Континент. 1974. № 1. С. 155.

⁹⁸ Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы / сост. А. В. Блюм. М. : РОССПЭН, 2004. С. 451–452.

⁹⁹ Анненский Л. А. Светлая тайнопись чумного барака // Самиздат века. С. 5.

интеллигенции»¹⁰⁰. Изменение написания слова связано с расширением его значения – оно перешло в «разряд описательных»¹⁰¹ понятий.

Б. Иванов в статье «По ту сторону официальности» называет самиздат «частью процесса становления независимой культуры в условиях тоталитарного режима» и «формой самоутверждения несанкционированного творчества, гражданским действием, направленным в обход институтов власти, стоящих между творческой интеллигенцией и читателем», «“надстройкой” над уже сложившимся культурным сопротивлением»¹⁰².

Суммируя подобные высказывания о самиздате, можно сделать вывод, что с 1970-х годов самиздат употребляется не только для обозначения способа бытования текстов или самих неподцензурных текстов, но становится символом независимой гражданской и творческой позиции.

К реализации независимой позиции в творчестве и, следовательно, к самиздату причисляются при такой трактовке понятия любые проявления свободного творчества: студенческие стенные газеты, детское творчество, домашние альбомы, устные выступления и т. п.

В статье В. Долинина и Д. Северюхина «Преодоление немоты» к истории самиздата авторы отнесли «рукописные журналы, альманахи, “самочинные” (т. е. выпущенные без согласования с администрацией) стенные газеты»¹⁰³ 1950-х годов.

В статье «Золотой век самиздата» В. Кривулин причисляет к самиздату детское творчество: «Самое раннее по времени самиздатское изделие, которое я видел своими глазами, относится к 1945/46 году. Где-то в середине 70-х годов мне попала в руки стопка рукодельных, сшитых цветными нитками, обильно украшенных полудетскими рисунками рукописных журнальчиков. Их выпускали,

¹⁰⁰ Савицкий С. А. Андеграунд. С. 29.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати»). С. 88.

¹⁰³ Долинин В. Э., Северюхин Д. Я. Преодоление немоты // Самиздат Ленинграда. С. 14.

судя по датам, ученики одной из ленинградских школ сразу после войны»¹⁰⁴. Устное воспроизведение неподцензурных текстов автор также обозначает термином «самиздат». Такое расширение понятия приводит к использованию его в конструкциях, которые при узком прочтении слова выглядели бы как оксюморон, например: «Самиздат 30–40-х годов был преимущественно устным»¹⁰⁵. К самиздату В. Кривулин причисляет поэтические вечера и чтения, так как считает, что восприятие текстов зависело от их аудиального воспроизведения. Именно таким образом большинство стихотворений подавалось публике, в то время как в письменной форме их получало только ограниченное число лиц. Кроме того, произведения могли и вообще не фиксироваться на бумаге. В качестве примера В. Кривулин приводит В. Ширали, который «свои стихи никогда не записывал»¹⁰⁶.

В. Топоров также пишет о том, что «главной формой самиздата на ранней стадии стали устные выступления поэтов, на которых напечатанные стихи звучали в неискореженном редактурой виде и соседствовали с не напечатанными»¹⁰⁷.

Составители сборника «Самиздат века» предельно широко трактуют понятие самиздат, что позволяет им включать в состав тома «семейный самиздат», то есть воспоминания, предназначенные для близких людей, домашние альбомы, самодельные игры для детей и т. п., представленные через архив семьи Ефимовых-Голицыных, пострадавшей от репрессий. Причисление материала к самиздату в данном случае, видимо, определяется по принадлежности людям, оппозиционным государству. Кроме того, в «Самиздат века» входят такие виды независимого творчества как «лагерное искусство», уличные граффити, дембельские альбомы, частушки, анекдоты, даже публикации

¹⁰⁴ Кривулин В. Б. Золотой век самиздата. С. 346.

¹⁰⁵ Там же. С. 344.

¹⁰⁶ Кулаков В. Г., Кривулин В. Б. «Поэзия – это разговор самого языка» // НЛО. 1995. № 14. С. 231.

¹⁰⁷ Топоров В. Л. Когда тайное становится... скучным // Постскрипtum : литературный журнал. 1998. № 3 (11). С. 263.

в интернете и т. п. Оговаривается, что «к сожалению, как вид искусства выпала неофициальная архитектура»¹⁰⁸.

Близким к представлению о самиздате как о независимой гражданской и культурной позиции является взгляд, согласно которому самиздат приравнивается в целом к независимой культуре.

В своих воспоминаниях «И возвращается ветер» В. Буковский говорит о самиздате как о развивающейся культурной системе: «Возрождение культуры у нас после полустолетнего господства чумы повторило этапы развития мировой культуры: сначала фольклор, былины, сказания, передававшиеся из уст в уста, от поколения к поколению, затем песни трубадуров и менестрелей, стихи и поэмы, наконец – проза, целые романы, трактаты, философские описи и публицистические сборники, открытые письма и воззвания, журналистика – так Самиздат в ускоренном ритме охватил ступенька за ступенькой историю культуры. Уже в семидесятые годы даже фильмы самиздатские начали выходить»¹⁰⁹.

Энциклопедия ленинградского независимого движения, в которую вошли биографии участников литературного андеграунда, очерки о журналах, альманахах и сборниках и о нелегально действовавших кружках, группах, семинарах и конференциях, получила название «Самиздат Ленинграда», следовательно, здесь «самиздат» также употребляется как синоним неофициальной культуры.

Таким образом, понятие «самиздат» приобрело максимально широкую трактовку – как воспроизведение в любой форме (устной, рукописной, печатной) текста вне государственного контроля и обросло дополнительными оттенками смысла. Это сформировавшееся отношение во многом и превращает данное явление в социокультурный феномен. Оно не приравнивается только к

¹⁰⁸ Загянская Г. А., Ордынский Н. Г. САМИЗДАТ и изобразительное искусство XX века // Самиздат века. С. 13.

¹⁰⁹ Буковский В. К. И возвращается ветер... : автобиография. М. : Захаров, 2007. С. 131–132.

нелегальной публикации произведений, способу тиражирования или неподцензурной литературе, а понимается как политически и культурно значимая деятельность.

Рассмотрим характерные особенности самиздата как явления.

Из высказываний о самиздате можно вычленить два взаимосвязанных представления об особенностях этого феномена.

1. Самиздат характеризуется активным тиражированием произведений.
2. В самиздате распространяются произведения, обладающие культурной ценностью.

Первое из перечисленных представление о самиздате находим у Ю. Мальцева. Он пишет, что, после того, как автор отдал кому-то из знакомых свой текст, «через несколько месяцев копии самиздатовской книги можно уже обнаружить в местах самых отдалённых и в кругах, никак не связанных с тем кругом лиц, с которыми лично знаком автор»¹¹⁰.

Можно предположить, что в самиздат попадали только произведения, обладающие культурной ценностью, так как читатели готовы были прикладывать усилия по распространению только значимых для них текстов. Таким образом, хождение текста в самиздат становится его качественной характеристикой, показывает его актуальность для общества.

Так Л. Лосев в книге «Закрытый распределитель» связывает значимость произведения с активным его тиражированием: «самиздат втягивает в свою орбиту абсолютно все неподцензурные тексты, имеющие хотя бы мало-мальскую культурную ценность, даже если авторы не прилагают усилий к их распространению»¹¹¹.

Связь между качеством произведения и широтой его распространения не столь однозначна. Как раз о сложности достижения распространения текстов пишет Э. Шнейдерман, выпускавший журналы «Зов» (1957), «Оптим» (1960–

¹¹⁰ Мальцев Ю. В. Вольная русская литература. С. 11.

¹¹¹ Лосев Л. В. Закрытый распределитель. С. 167.

1962), входивший в редакционную группу сборника «Лепта» (1975), антологии «Острова» (1982): «Жизнь самиздатовского произведения эфемерна: перепечатанное автором в нескольких экземплярах, оно не всегда расходуется широко, и зависит это не только от качества. Перепечатки оседают в личных архивах. Потом, по различным причинам, многое уничтожается: при переездах и отъездах насовсем; когда хозяин, посолиднев, остывает к поэзии; из опасения обыска»¹¹².

Также стоит учитывать, что на оценку текста, отпечатанного на машинке, мог влиять контекст представления о самиздате как о культурно и общественно значимой деятельности, тем самым увеличивая его смысловую нагруженность. Дополнительные коннотации явления могли сказываться на трактовке произведения за счёт горизонта ожидания читателей по отношению к нонконформистской литературе. Об этом эффекте упоминает Б. Иванов, рассказывая об эпохе существования ленинградского самиздата: «В стране, в которой всем было известно о существовании цензуры, в сущности, никогда не снимался вопрос: “А что, собственно, пишется такого, что власти боятся довести до народа?”»¹¹³.

3. Самиздат предполагает тиражирование произведений читателями, а не авторами.

А. Даниэль и В. Топоров предлагают признаки, на основании которых следует отличать самиздат от сходных явлений.

А. Даниэль отделяет «кружковую» и «домашнюю» литературу от самиздата, так как, по его мнению, самиздат предполагает вторичное размножение текста кем-то помимо автора. Носитель текста (бумага, фотоплёнка и т. п.) и способ воспроизведения текста (рукописный, печатный и пр.) значения не имеют, определяющим является то, что распространяется он читателем. На основании

¹¹² Шнейдерман Э. М. Что я издавал, в чём участвовал // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати»). С. 55.

¹¹³ Иванов Б. И. В бытность Петербурга Ленинградом : о ленинградском самиздате // НЛЮ. 1996. № 14. С. 188.

этого признака А. Даниэль отделяет самиздат от правозащитных документов, которые были изданы нелегально, но не получили широкого хождения. Школьная и вузовская стенная печать, по мнению исследователя, также не относится к самиздату, так как не предполагает тиражирование¹¹⁴. (Ранее мы упоминали, что В. Долинин и Д. Северюхин как раз причисляли студенческие стенные газеты 1950-х годов к самиздату¹¹⁵.)

В. Топоров также вносит ограничивающий критерий в определение самиздата. Он считает, что самиздат – это перепечатывание чужого творчества: «самиздат – это когда я перепечатаваю Мандельштама, или хотя бы когда Маня или Коля по собственной инициативе перепечатавают мои стихи, а когда себя “издаю” я сам – это что-то другое»¹¹⁶. Автор разделяет понятие «самиздат» и «сам-себя-издат», последний им характеризуется как «форма внутрицехового общения»¹¹⁷.

Если обязательным условием для определения явления самиздата принять распространение машинописных или рукописных текстов читателями, то из самиздата выпадает значительная часть самостоятельной издательской деятельности. Например, «рукописность и одноэкземплярность»¹¹⁸ являлись принципами издания журнала «Номер»¹¹⁹, выпускавшегося с 1965 по 1974 год в Свердловске художественным объединением «уктусская школа». Журнал включал в себя оригинальные рисунки и тексты и «представлял собой своеобразный художественный объект, каждый составляющий элемент которого имел свою визуальную и смысловую нагрузку»¹²⁰. Такая концепция издания исключала возможность самостоятельного тиражирования журнала читателями.

¹¹⁴ Даниэль А. Ю. История самиздата // Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР). М. : Рудомино, 1994. С. 95.

¹¹⁵ Долинин В. Э., Северюхин Д. Я. Преодоление немоты // Самиздат Ленинграда. С. 14.

¹¹⁶ Топоров В. Л. Когда тайное становится... скучным. С. 264.

¹¹⁷ Там же. С. 266.

¹¹⁸ Жумати Т. П. «Уктусская школа» (1965–1974). К истории уральского андеграунда // Известия Уральского государственного университета. 1999. № 13. С. 125.

¹¹⁹ Редакторы журнала «Номер» – А. Таршис, В. Дьяченко; с 1971 г. журнал издавался в Ейске, редакторы – А. Таршис, С. Сигей. Всего было выпущено 36 номеров журнала.

¹²⁰ Жумати Т. П. «Уктусская школа». С. 125.

4. Самиздат ориентирован на читателя.

Б. Иванов называет в качестве обязательного признака самиздата передачу отпечатанного или написанного текста для чтения другим людям: «Вероятно, к самиздату нужно отнести тексты, воспроизведенные без разрешения “высшего начальства” и в целях распространения, для того чтобы познакомить с ними других лиц. Если человек делает копию, например, стихотворения для себя, это не самиздат (что, впрочем, не мешало Главному Издателю пришивать при случае копиисту статью УК “за хранение произведений, содержащих антисоветские высказывания” и “клеветнические измышления”). Иначе говоря, “самиздатчик” предполагал распространением текстов удовлетворить определенную потребность, хотя бы в самом близком своем окружении»¹²¹.

Последние два выделенных признака, несмотря на несовпадение в принципе, на основании которого определяется самиздат (в первом случае читатель сам себя обеспечивает литературой, во втором – автор или издатель обеспечивает читателя литературой), объединяет представление об общественном характере рассматриваемого феномена.

5. Самиздат обладает политической направленностью.

В исследованиях по самиздату достаточно часто встречается идея, что самиздат имел политический характер. Указывается, что в самиздат поступали нелегальные тексты и что сам способ публикации произведений был противозаконен.

А. Даниэль в статье «Истоки и смысл советского Самиздата» пишет, что «так или иначе, в самиздат, как правило, уходили тексты, которые не имели шансов пройти цензуру или даже прямо были запрещены ею к публикации. Уже в силу одного этого обстоятельства самиздатская активность воспринималась как оппозиционная если не власти, то, по крайней мере, системе запретов, ею порождаемой»¹²². Если в данной статье А. Даниэль причину оппозиционной

¹²¹ Иванов Б. И. В бытность Петербурга Ленинградом. С. 188.

¹²² Даниэль А. Ю. Истоки и смысл советского Самиздата. С. 20–21.

направленности самиздата видит в самих текстах, то в работе «История самиздата», опубликованной в сборнике «Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР)» автор расставляет акценты по-другому: самиздат как способ воспроизводства текстов придаёт им политическую окраску. А. Даниэль относит «самиздат как явление в рамки диссидентства»¹²³ и уточняет, что «хотя не всякий документ диссидентских движений есть факт самиздата, но всякий текст самиздата (в том числе и относящийся к “первому” или “сугубо литературному” руслу) есть факт диссидентства»¹²⁴.

В антологии «Самиздат века» (которая, по мысли составителей, собрала в себе самые значительные неподцензурные произведения) в статье Г. Загянской и Н. Ордынского «САМИЗДАТ и изобразительное искусство XX века» самиздат трактуется исключительно как форма противодействия государственной политике в области культуры, он охарактеризован «как типично российская форма сопротивления государственной власти, как ещё один вид творческой оппозиции, как своего рода способ пластического выживания в странном вакууме навязываемых тоталитарной властью нормативов изображения и высказывания»¹²⁵.

В. Топоров в статье «Когда тайное становится... скучным» (которая является отзывом на сборник «Самиздат века») высказывается ещё категоричнее. Он считает, что «*литературного самиздата как такового не было вовсе*»¹²⁶, а под самиздатом он понимает «целеустремлённое распространение литературных (в том числе и литературных) произведений официально или скандально известных авторов – однако распространение, при котором литературная составляющая (далеко не во всех случаях правомерно) имела подчинённое значение, а на первый план выходила широко понимаемая оппозиционность или, на худой конец, всё та

¹²³ Даниэль А. Ю. История самиздата. С. 103.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Загянская Г. А., Ордынский Н. Г. САМИЗДАТ и изобразительное искусство XX века. С. 11.

¹²⁶ Топоров В. Л. Когда тайное становится... скучным. С. 267.

же скандальность»¹²⁷ (курсив В. Топорова). Об издании толстых машинописных журналов в Ленинграде автор статьи упоминает только как о попытке «создать подлинно литературный самиздат»¹²⁸.

С точки зрения власти, самиздат считался исключительно антисоветским явлением. В автобиографии А. Бергера¹²⁹ есть свидетельство того, что даже употребление самого слова «самиздат» придавало оппозиционный характер любому сочинению. Автор пишет, что с самиздатом он познакомился в 1960-х годах и при этом его заинтересовал «самиздат ещё дореволюционный»¹³⁰. Для поступления в аспирантуру Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской А. Бергер написал реферат «Хождение рукописей в начале XIX века (на примере рукописей “Горе от ума” Грибоедова, “Гаврилиады” Пушкина и “Смерти поэта” Лермонтова)». В тексте он «несколько раз упомянул, что это был самиздат»¹³¹. Комиссия отвергла его кандидатуру при поступлении в аспирантуру, а через несколько лет при аресте «реферат был включён в обвинительное заключение в приговоре»¹³², так как, как объясняет автор, самиздат считался политическим явлением.

В уже цитируемой записке Ю. Андропова самиздат трактуется как политически вредная литература, которая «наносит серьёзный ущерб воспитанию советских граждан, особенно интеллигенции и молодёжи»¹³³.

Взгляд на самиздат как на диссидентскую деятельность отражён в интервью бывшего цензора В. Солодина (проработавшего в Главлите с 1961 по 1991 год), которое было опубликовано в книге «Исключить всякие упоминания... : очерки истории советской цензуры». В распространении в обществе произведений

¹²⁷ Топоров В. Л. Когда тайное становится... скучным. С. 267.

¹²⁸ Там же. С. 269.

¹²⁹ Бергер А. С. Автобиография // К истории неофициальной культуры и современного зарубежья. С. 31–49.

¹³⁰ Там же. С. 48.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

¹³³ Цензура в Советском Союзе. С. 452.

андеграунда он видит только политические причины, а авторов считает «шизофрениками, которым надо было эмигрировать»¹³⁴.

Определение самиздата как явления и выделение его характерных признаков неразрывно связано с назначением самиздата. Рассмотрим его функции.

1. Сохранение текстов.

Если А. Даниэль считал, что самиздат «составляли для читателя, а не для будущего историка»¹³⁵, то многие из издателей толстых машинописных журналов и сборников, выпускавшихся в Ленинграде во второй половине 1970-х годов и в 1980-х годах, видели в своей работе не только задачу распространения, но и сохранения текстов неофициальных авторов. Спасение произведений от забвения называл в качестве одной из целей своей издательской деятельности поэт С. Стратановский¹³⁶, выпускавший совместно с К. Бутыриным журналы «Диалог» (1979–1981) и «Обводный канал» (1981–1993).

В первом номере журнала «37» во вступительном слове редакции названа причина, побудившая к созданию печатного издания: «Слишком много уходит в небытие»¹³⁷. Журнал был призван зафиксировать «значимые факты живого культурного процесса»¹³⁸.

В 1982 году была выпущена антология неофициальной поэзии 1950–1970-х годов «Острова». В предисловии обозначалась задача, поставленная составителями сборника: сохранение текстов «пока не рассеялось все это, не

¹³⁴ «Убежден, что работал на стабильность государства...» : интервью В. А. Солодина // Исключить всякие упоминания... : очерки истории советской цензуры / сост. Т. М. Горяева. М. ; Мн. : Старый Свет-Принт, 1995. С. 329.

¹³⁵ Даниэль А. Ю. Истоки и смысл советского Самиздата. С. 23.

¹³⁶ Интервью Е. В. Панкратовой со С. Г. Стратановским. Санкт-Петербург. 02.07.2013.

¹³⁷ От редакции // 37. 1976. № 1. Без нумерации. Здесь и далее № 1 журнала «37» цитируется по номеру из домашней библиотеки самиздата С. Стратановского. В случае отсутствия пагинации страниц при цитировании стоит указание «без нумерации». Текст вступительного слова «От редакции» в № 1 журнала «37», представленного в электронной библиотеке самиздата на сайте Университета Торонто (Канада), несколько отличается от цитируемого в настоящей работе.

¹³⁸ Там же.

растерялось, не забылось, как забывается, теряется, исчезает бесследно многое из не закреплённого печатным станком»¹³⁹.

Сохранение текстов также указывается Т. Буковской в качестве важной функции самиздата: «Всегда есть слабая надежда, что копия увеличивает шанс сохранности текста»¹⁴⁰.

2. Преодоление цензурного контроля.

О такой функции самиздата как противодействие цензуре говорит Л. Алексеева, называя самиздат «единственно возможной формой преодоления государственной монополии на распространение идей и информации»¹⁴¹.

Эту же функцию самиздата выделяют Б. Иванов и А. Даниэль, но первый её подаёт с позиции автора, а второй – с позиции читателя.

Так Б. Иванов видит назначение самиздата в устранении «посредника между автором и читателем, посредника, который присваивает себе право решать, что заслуживает издания, а что нет»¹⁴².

С точки зрения А. Даниэля, самиздат призван удовлетворить читательский спрос на официально непубликуемую литературу и информацию. Как мы уже говорили, А. Даниэль считает определяющим признаком самиздата то, что копии текстов производят сами читатели, то есть происходит совмещение в одном лице «читателя, пользователя литературы и издателя»¹⁴³, из чего исследователь делает вывод, что самиздат характеризуется не столько широким распространением, сколько точным соответствием тиража читательскому спросу на произведение. Таким образом, функцией самиздата является обеспечение читательского запроса на литературу (и информацию, узнать которую через официальные источники было невозможно).

¹³⁹ Цит. по: Самиздат Ленинграда. С. 438.

¹⁴⁰ Буковская Т. С. Самиздат в России не может уйти в прошлое... // АКТ : литературный самиздат. Дек. 2000–январь. 2001. Вып. 1. С. 1.

¹⁴¹ Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. С. 210.

¹⁴² Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати»). С. 82.

¹⁴³ Даниэль А. Ю. Истоки и смысл советского Самиздата. С. 30.

Получается, что, рассматривая самиздат как способ преодоления цензурного контроля, Б. Иванов делает акцент на том, что автор находит выход к читателю, а А. Даниэль – на том, что читатель приобретает доступ к произведениям.

3. Средство самопознания и самовыражения общества.

Следующая выделяемая авторами функция самиздата – «средство самопознания и самовыражения общества»¹⁴⁴ – связана с преодолением государственного контроля над духовной жизнью.

В своих воспоминаниях «По ту сторону официальности» Б. Иванов пересказывает беседу с сотрудником КГБ В. Соловьёвым, состоявшуюся во время переговоров по созданию «клуба, который предоставлял бы людям возможность собираться, читать и обсуждать написанные вещи»¹⁴⁵. Борис Иванович объясняет, что «покончить с самиздатом»¹⁴⁶ невозможно, так как «люди сочиняют стихи или прозу, не спрашивая на то ни у кого разрешения. Соберут написанное под одним переплётом – вот вам и самиздатский журнал!»¹⁴⁷. То есть благодаря самиздату реализуется естественная потребность общества в творческом самовыражении.

4. Восстановление связи с литературой Серебряного века, с западной литературой и научной мыслью.

Самиздат не только служил способом творческого самовыражения общества, но и осуществлял преемственность с предыдущими этапами развития русской литературы, связывал с искусством запада. На реализацию через самиздат этой функции (вместе с предыдущей функцией – самопознания общества) указывает Ю. Мальцев: «Повсеместное брожение умов, потребность осмыслить опыт последних пятидесяти лет (попытку создания нового общества, новой культуры, новой морали, нового человека), стремление выйти из культурной изоляции, искусственно оторвавшей страну на несколько десятилетий

¹⁴⁴ Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. С. 210.

¹⁴⁵ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Сочинение в 2-х т. Т. 2. С. 480.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же. С. 480–481.

от всего остального цивилизованного мира, стремление усвоить созданные за это время Западом духовные ценности, потребность в новых идеях и новых формах их выражения – все это, не находя себе места в рамках цензуры, вылилось в самиздат»¹⁴⁸.

Участники независимого движения считали самиздат наследником традиций русской литературы. Например, А. Терц [А. Синявский] в статье «Литературный процесс в России» пишет: «Мы ничего не поймем в истории новейшей, “самиздатской” (в широком смысле) словесности, если забудем, что у ее колыбели стояли тени величайших поэтов двадцатого столетия»¹⁴⁹.

Функции самиздата тесно связаны с причинами его появления. В качестве причины чаще всего называют контроль со стороны власти над духовной жизнью общества, но одни авторы трактуют этот контроль конкретно-исторически как политику СССР, а другие – с той или иной степенью обобщения: как существующую во все времена цензуру или как любые навязываемые каноны, препятствующие свободному творчеству.

Причинами появления самиздата авторы называют:

1. Политику СССР.

В качестве причины появления самиздата авторы могут указывать политику государства в целом или сосредотачиваться только на культурной политике.

Л. Анненский в статье «Светлая тайнопись чумного барака» (включённой в сборник «Самиздат века») указывает, что самиздат рождается из сопротивления окружающей реальности¹⁵⁰.

К. Кузьмин акцентирует внимание на том, что самиздат был направлен именно против культурной политики СССР, а не против «литературы государственной пользы» или жестокости режима: «первоосновой его [самиздата] существования как особого феномена русской культуры были не собственно репрессии, не сама по себе эстетическая заскорузлость официальной

¹⁴⁸ Мальцев Ю. В. Вольная русская литература. С. 10.

¹⁴⁹ Терц А. Литературный процесс в России. С. 155–156.

¹⁵⁰ Анненский Л. А. Светлая тайнопись чумного барака. С. 6.

литературной жизни, а присущее тоталитаризму огосударствление литературы»¹⁵¹.

Б. Стругацкий указывает на неизбежность возникновения самиздата в ситуации, когда «государство не может или не хочет обеспечивать духовные потребности своих граждан в должной мере» и называет «естественной реакцией общественного организма на нехватку доброкачественной духовной пищи»¹⁵².

Обозначение культурной политики СССР в качестве причины появления независимой печати часто входит в само определение самиздата, которое даёт ему исследователь. Например, у А. Блюма: «бесконтрольное тиражирование подручными средствами литературных и общественно-политических произведений, не имевших шанса появиться в подцензурной советской печати»¹⁵³.

2. Цензуру (не только советскую, а цензуру вообще).

Если причиной появления самиздата считать цензуру, то закономерным становится представление, что самиздат это не только феномен XX века, но явление, существовавшее и ранее в России. В таком случае к самиздату можно причислить «хождение в списках» и вообще любое воспроизведение рукописным путём и распространение запрещённых произведений в предыдущие столетия. Исходя из этого, Д. Лихачёв говорит, что «самиздат существовал всегда»¹⁵⁴.

Моментом появления самиздата исследователи чаще всего считают эпоху А. Радищева, либо не говорят о конкретном историческом периоде, а указывают, что самиздат образовался вслед за запретом на свободу творчества.

Так, например, Ю. Мальцев в книге «Вольная русская литература, 1955–1975» первым самиздатовским произведением называет «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева, с которого, по мнению автора, начинается история «подпольной» литературы.

¹⁵¹ Кузьмин Д. В. Литературный периодический самиздат рубежа 80–90-х годов // Вопросы онтологической поэтики. Потаённая литература : исследования и материалы. Иваново, 1998. С. 212.

¹⁵² Столпы общества о самиздате // Юность. 1989. № 11. С. 76.

¹⁵³ Блюм А. В. Как это делалось в Ленинграде : цензура в годы оттепели, застоя и перестройки, 1953–1991. СПб. : Акад. проект, 2005. С. 79.

¹⁵⁴ Столпы общества о самиздате. С. 76.

А. Даниэль тоже не ограничивает историю самиздата только советской эпохой и считает, что «неподцензурная литература распространяется в списках в течение столетий – по крайней мере, столько же, сколько существует сама цензура»¹⁵⁵.

В. Кривулин относит возникновение самиздата к древнерусскому периоду, когда в России «овладели искусством письма»: «Самиздат благополучно функционировал в досоветские и даже допетровские времена, то есть когда не было слова, обозначающего это понятие, но вполне ощутимо наличествовала варварская, “татарская”, по выражению Щедрина, цензура – прямое следствие панического государственного ужаса перед любым несанкционированным сверху словом, тем более – словом письменным»¹⁵⁶.

Л. Лосев, говоря о самиздате, пишет, что «изготовление и распространение неподцензурных текстов имеет глубокие корни в русской истории»¹⁵⁷, проследить которые можно от «рукописных антиправительственных листовок, распространявшихся мятежными казаками Степана Разина, и эсхатологических пророчеств религиозных схизматиков в 17 веке»¹⁵⁸. Далее он упоминает, что «в десятилетия, предшествующие революции 1917 г., вся Россия читала “нелегальщину” (нелегальные публикации, в изготовлении которых были так плодovitы и искусны большевики-ленинцы)»¹⁵⁹. В первой половине XX века, как пишет Л. Лосев, «чудовищный сталинский аппарат довольно скоро положил конец подпольному печатанию, чего никогда не могла полностью добиться царская тайная полиция. К середине 1930 г.г. никаких подпольных изданий не существовало. Но распространение машинописных и рукописных текстов не прекращалось никогда»¹⁶⁰.

¹⁵⁵ Даниэль А. Ю. Истоки и смысл советского Самиздата. С. 17.

¹⁵⁶ Кривулин В. Б. Золотой век самиздата. С. 342.

¹⁵⁷ Лосев Л. В. Закрытый распределитель. С. 163.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же.

Мы уже приводили воспоминания поэта А. Бергера, в которых он хождение рукописей в начале XIX века называет «дореволюционным самиздатом».

Но всё-таки обычно авторы, обрисовывая историю самиздата, так или иначе выделяют период 1950–1980-х годов, так как он превосходит предыдущие эпохи по масштабу производимых копий и текстов, распространяемых в самиздате, а для обозначения предыдущего периода иногда используют выражение «предыстория» самиздата.

Например, Л. Алексеева в книге «История инакомыслия в России» тоже сопоставляет хождение запрещённых публикаций в списках, существующее «со времён Радищева», и самиздат, но считает самиздат уникальным явлением именно «послесталинской эпохи в СССР и странах со сходной социально-экономической системой»¹⁶¹.

Л. Анненский пишет о том, что понятие самиздат можно трактовать как явление, существовавшее и до 2-й половины XX века, «если добавить сюда припрятанные от ГПУ декларации и резолюции политических и литературных вольнодумцев сталинской эпохи», «уставы и программы, обращавшиеся в тайных обществах», «тексты масонов и жидовствующих, или тех, кто упивался инвективами князя Курбского»¹⁶² и т. д., но уточняет, что «в XX веке этот гигантский организм неофициального словоизвержения – самиздат – превосходит все прежние масштабы»¹⁶³.

В статье «Три урока самиздата» И. Сухих также касается этого вопроса. Он считает самиздат культурным феноменом, «которого в истории нашей литературы просто не было»¹⁶⁴, и отделяет это явление от распространения копий «Горе от ума» и других сочинений в XIX веке и ограничивает эпоху существования самиздата концом 1980-х годов. В его книге «Сергей Довлатов: время, место, судьба» также озвучивается данное представление о самиздате: «Традиции такой

¹⁶¹ Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. С. 210.

¹⁶² Анненский Л. А. Светлая тайнопись чумного барака. С. 5.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Сухих И. Н. Три урока самиздата. С. 154.

нежелательной, неодобряемой литературы можно, конечно, возвести к “прелестным письмам” Стеньки Разина, спискам “Горе от ума” и большевистским листовкам. Но не историческим эпизодом, а воспроизводящимся потоком, новой культурной реальностью самиздат стал только в шестидесятые»¹⁶⁵.

3. Любой контроль над творчеством.

В интерпретации Т. Буковской явление самиздата также не ограничивается 1950–1980-ми годами, оно существовало до этого времени и продолжает существовать в настоящий момент. В её трактовке «Самиздат – это форма самовыражения»¹⁶⁶, а самовыражение в России часто становится «актом неподчинения утвердившейся системе ценностей»¹⁶⁷. Т. Буковская рассматривает самиздат как издательскую деятельность, существующую вопреки неблагоприятным внешним обстоятельствам, которые могут быть связаны как с цензурой, так и с экономическими факторами. Свой журнал «Акт» Т. Буковская причисляет к самиздату, о чём свидетельствует подзаголовок – «Литературный самиздат», хотя датой первого выпуска значится декабрь 2000 – январь 2001 года и печатается журнал типографским способом.

Рассмотренные нами определения самиздата, его признаки, функции и причины образования показывают, что самиздат можно считать социокультурным феноменом. Причиной появления самиздата стала политика СССР, смена политического режима и ликвидация механизма цензуры повлекли за собой и исчезновение самиздата как инструмента сопротивления власти.

1.2. Литературный самиздат и культурная политика СССР

В данном параграфе мы рассмотрим произошедшие в идеологии государства к 1970-м годам изменения, которые послужили причиной

¹⁶⁵ Сухих И. Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб. : Азбука, 2010. С. 20.

¹⁶⁶ Буковская Т. С. Самиздат в России не может уйти в прошлое... С. 1.

¹⁶⁷ Там же.

образования «неофициального культурного движения», то есть новой литературной стратегии авторов самиздата.

Самиздат сформировался как закономерный ответ на культурную политику государства, а именно:

- на официальную идеологию, на отношение государства к художественному творчеству;
- на механизмы регулирования культурной жизни страны (на порядок попадания произведения в печать; систему карательных мер, направленных на борьбу с инакомыслием и т. п.).

Время существования самиздата (1950–1980-е годы) приходится на два периода истории СССР, получившие условные названия «эпоха оттепели» и «эпоха застоя».

Границы этих периодов определяются исследователями неоднозначно.

Слово «оттепель» обычно обозначает послесталинские годы, которые характеризуются относительной либерализацией политической и общественной жизни страны.

В книге Р. Пихоя «Советский союз. История власти, 1945–1991» глава, посвящённая периоду с марта 1953 года и до конца 1957 года, называется «Медленно таящий лёд»¹⁶⁸, то есть начало «оттепели» отсчитывается от смерти И. Сталина. Но литературовед, критик и историк В. Кожин в книге «Россия. Век XX (1939–1964)» пишет о том, что определённое смягчение режима началось ещё в конце 1940-х годов. Он ссылается на то, что уже в это время было реабилитировано немало людей, подвергавшихся ранее гонениям, а произведения, «которые считаются яркими выражениями “оттепели”»¹⁶⁹ (очерки В. Овечкина, роман В. Гроссмана «За правое дело», повесть Э. Казакевича «Сердце друга»), были опубликованы ещё при жизни Сталина».

¹⁶⁸ Пихоя Р. Г. Советский союз: история власти, 1945–1991. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. С. 85–167.

¹⁶⁹ Кожин В. В. Россия. Век XX (1939–1964) : опыт беспристрастного исследования. М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 352.

Знаком окончания «оттепели» Р. Пихоя считает события 1968 года в Чехословакии, так как «разгром реформ в Чехословакии стал началом конца реформ в СССР. Режим становился более репрессивным по отношению к любому инакомыслию. Для советского общественного мнения вторжение в Чехословакию означало конец иллюзиям революционного гуманизма, коммунистической идеи. Режим стал циничнее, проще, понятнее»¹⁷⁰.

А. Блюм в книге «Как это делалось в Ленинграде» также указывает, что «оттепель на самом деле продолжалась примерно 15 лет (1953–1968)»¹⁷¹.

Так как исследователями неоднозначно определяется конец «оттепели», следующая за ней «эпоха застоя», соответственно, тоже не имеет чётких границ. В. Кожинов пишет: «Как известно всем, после отстранения Хрущёва началась эпоха застоя, длившаяся более двух десятилетий»¹⁷². Вопреки этому Р. Пихоя утверждает, что «понятие “застой”, используемое с лёгкой руки партийной публицистики эпохи горбачёвской перестройки для характеристики того периода, который наступил после октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС, мало подходит к первым годам правления брежневского Политбюро»¹⁷³, на котором обсуждались преобразования в экономическом планировании, затрагивались вопросы культурной политики. Автор говорит о том, что в это время наблюдаются «признаки некоторого послабления в культуре»¹⁷⁴, так как «официальная пропаганда была вынуждена дистанцироваться от хрущёвских эскапад в адрес тех деятелей искусства, творчество которых по разным причинам не было ему понятно, а поэтому и признавалось классово чуждым и политически враждебным»¹⁷⁵, а усиление идеологического контроля происходит с середины 1960-х. По мнению Р. Пихоя, «первым ясным признаком новых, но не лучших времен стало дело писателей А. Синявского и Ю. Даниэля, которое велось

¹⁷⁰ Пихоя Р. Г. Советский союз: история власти. С. 304.

¹⁷¹ Блюм А. В. Как это делалось в Ленинграде. С. 18.

¹⁷² Кожинов В. В. Россия. Век XX. С. 409.

¹⁷³ Пихоя Р. Г. Советский союз: история власти. С. 210–251.

¹⁷⁴ Там же. С. 254.

¹⁷⁵ Там же.

Комитетом государственной безопасности в 1965–1966 гг»¹⁷⁶. Кроме того, в 1966 году на заседании Политбюро ЦК КПСС было принято решение о внесении дополнений в Уголовный кодекс РСФСР: появилась статья 190-1 «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». «Эпоху застоя» Р. Пихоя связывает с утверждением «неосталинизма», который исследователь характеризует как «строжайший идеологический контроль и диктат, преследование любого инакомыслия, радикальное повышение роли Комитета государственной безопасности в обществе»¹⁷⁷.

Можно сделать обобщение, что во второй половине 1960-х годов проходит условная граница между двумя «эпохами» в истории СССР.

Неофициальная литература 1950–1980-х годов её представителями часто делится на период 1960-х и следующий за ним период 1970–1980-х годов: их различают по атмосфере в стране и в среде андеграунда, по ценностным установкам в творчестве авторов и пр.

Границы этих периодов не совпадают буквально с десятилетиями: 1960-е начинаются в конце 1950-х и завершаются в конце 1960-х; с конца 1960-х начинается следующий период.

Так Б. Иванов в статьях «Возвращение парадигмы» (Часы. 1977. № 6), «По ту сторону официальности» (Часы. 1977. № 8) пишет о том, что в литературе с конца 1950-х годов сменилось два поколения авторов, каждому из которых свойственны своё мировоззрение, нашедшее отражение в их творчестве.

Основной ценностью для поколения конца 1950-х – начала 1960-х годов стала природа, которая «(в непосредственно-чувственной форме) заняла место сакральной реальности»¹⁷⁸. В это время «на историю группы смотрели со

¹⁷⁶ Пихоя Р. Г. Советский союз: история власти. С. 254.

¹⁷⁷ Там же. С. 368.

¹⁷⁸ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Часы. 1977. № 8. Без нумерации. Здесь и далее журнал «Часы» цитируется по номерам, представленным в электронном архиве Центра Андрея Белого. В случае двойной пагинации (машинописной и рукописной) страницы указаны

стороны, как на предмет, лишённый сакральности, не вызывающий заведомого доверия»¹⁷⁹. Б. Иванов считает, что в данный период происходит «рождение культурного движения»¹⁸⁰.

Рубеж 1960–1970-х годов главный редактор журнала «Часы» обозначает как время, когда складывается новое поколение неофициальных авторов. Для них важным стало обращение к христианству, благодаря которому восстанавливалось значение социальных ценностей: «Общественная активность обретала нравственное и религиозное оправдание»¹⁸¹.

В декабре 1985 года в Клубе-81 прошёл симпозиум «Пути культуры 60–80-х годов», материалы которого были опубликованы в № 61 и № 62 журнала «Часы» (1986). Многие докладчики говорили о разнице в мировосприятии и ценностных установках, которые господствовали в 1960-х годах и 1970–1980-х годах. Например, по мнению Б. Иванова, «в 60-е годы имел место процесс деидеологизации, а в 70-е годы – поиски мировоззрения»¹⁸².

Выступающие на симпозиуме период «60-х» связывают с эпохой «оттепели» и считают его окончанием вторую половину 1960-х годов. Следующий этап, соответственно, начинается с конца шестидесятых, верхняя его граница не обозначается. Этот период характеризуется спадом вольномыслия.

Так поэт С. Магид указал на изменения, произошедшие после 1966 года: «Уходя в армию осенью 1966 года, я оставил позади себя 60-е годы. Я очень хорошо помню настроение тех лет. Это действительно был взрыв, когда открывались целые континенты культуры, целые континенты общественной мысли, не просто “оттепель”, но, я бы сказал, надежда на то, что мы, наше поколение, перевернём мир. Вероятно, это ощущение субъективно, но оно было

по рукописной пагинации. В случае отсутствия пагинации страниц при цитировании стоит указание «без нумерации».

¹⁷⁹ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Часы. 1977. № 8. Без нумерации.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Материалы симпозиума «Пути культуры 60–80-х годов» // Часы. 1986. № 62. С. 254.

именно таким. Когда я вернулся через три года, осенью 1969 года, я не узнал своих друзей. Иначе говоря, я ушёл в армию в 60-е годы, а вернулся в 70-е...»¹⁸³.

Подобным образом изменения в культурной атмосфере в стране описал в своём выступлении Л. Павлов: «50–60-е годы, что это за годы? Во-первых, всплеск свободных мыслей. В этот период проходило много острых дискуссий, на заводах и в клубах устраивались собрания – каждый мог выступить, высказываться, специально подчёркивалась возможность свободно высказывать своё мнение. <...> Затем, к 70-ым годам, политическая ситуация изменилась. Культура начала входить в более узкие рамки»¹⁸⁴.

Не все выступающие связывали изменения в культуре с политикой государства. Б. Иванов даже считал опасным «сводить напряжённые и богатые разными событиями и явлениями годы к разряжённому ряду политических событий»¹⁸⁵ и высказывался «против того, чтобы история культуры подменялась чередой политических событий»¹⁸⁶.

Несогласие с позицией Б. Иванова выразил А. Шуфрин (критик, переводчик), которому представлялось неправомерным «исключать из рассмотрения политические явления, экономические и т. д., потому что все эти явления формируют личность читателя, архитектуру личности»¹⁸⁷.

Так или иначе, отмеченные докладчиками этапы в истории независимой литературы приблизительно совпадают с эпохами «оттепели» и «застоя».

В. Кривулин в интервью журналу «Новое литературно обозрение» говорит о середине 1960-х как о начале разделения на официальную и неофициальную литературу. По его мнению, до этого граница между «первой» и «второй литературой» была размыта, так как у авторов сохранялась иллюзия, что они могут быть напечатаны. После 1966 года постепенно начала складываться ситуация, когда поэтам и писателям приходилось совершать выбор в своём

¹⁸³ Материалы симпозиума «Пути культуры 60–80-х годов». С. 237.

¹⁸⁴ Там же. С. 238.

¹⁸⁵ Там же. С. 240.

¹⁸⁶ Там же. С. 242.

¹⁸⁷ Там же. С. 246.

творчестве – добиваться признания в советском искусстве или идти в самиздат¹⁸⁸. На 1968 год, как на «осевое событие» (по К. Мангейму) для поколения семидесятников указывает Л. Лурье в статье «Как Невский проспект победил Площадь Пролетарской Диктатуры». Этот год, по мнению автора, характеризуется вторжением в Чехословакию, но в большей степени такими явлениями как рок-музыка, дзэн, теория отчуждения, структурализм, сексуальная революция¹⁸⁹.

Из приведённых высказываний можно сделать вывод, что в конце 1960-х годов проходит граница между периодами истории неофициальной литературы, которая ощущалась участниками движения.

Рассмотрим, как изменялась в данные периоды идеология, транслируемая властью, и какое это нашло отражение в стратегии поведения неофициального сообщества.

Сравнение стенограмм государственных съездов (партии, писателей) второй половины 1950-х годов и середины 1970-х показывает некоторое изменение в официальной идеологии.

На XX съезде КПСС в докладах прослеживается мысль, что преобразования в стране только идут и идеального состояния общество достигнет в будущем: «Советская страна находится сейчас на крутом подъёме. Если образно говорить, мы поднялись на такую гору, на такую высоту, откуда уже зримо видны широкие горизонты на пути к конечной цели – коммунистическому обществу»¹⁹⁰. В докладе Н. Хрущёва провозглашается тезис о служении литературы идеологическим целям: «Творческая деятельность в области литературы и искусства должна быть проникнута духом борьбы за коммунизм, вселять бодрость в сердца, твёрдость убеждений, развивать социалистическую

¹⁸⁸ Кулаков В. Г., Кривулин В. Б. «Поэзия – это разговор самого языка». С. 229.

¹⁸⁹ Лурье Л. Я. Как Невский проспект победил Площадь пролетарской диктатуры // Звезда. 1998. № 8. С. 211.

¹⁹⁰ Отчётный доклад Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущева // XX съезд КПСС : стенографический отчёт, 14–25 февраля 1956 года М. : Государственное изд-во политической литературы, 1956. Т. 1. С. 118.

сознательность и товарищескую дисциплину»¹⁹¹. Но акцент сделан на том, какой следует быть литературе, в то время как к желаемому уровню она ещё не пришла, несмотря на «значительные достижения в этой области»¹⁹².

В отличие от XX съезда на XXIV съезде (1971) идеал из будущего переносится в настоящее, то есть постулируется, что к должному состоянию общество уже пришло: «под руководством своей партии – КПСС – советский рабочий класс овладел вершинами науки и культуры»¹⁹³.

Литература призвана стать средством фиксации провозглашённого высокого материального и духовного уровня жизни. На Шестом съезде писателей СССР (21 июня – 25 июня 1976 года) объявлялось, что авторы видят свой долг в том, чтобы «запечатлеть образ нашего современника, создав художественную летопись нашего героического времени»¹⁹⁴.

Если на XX съезде Н. Хрущёв усматривал основной недостаток литературы и искусства в том, что они «во многом ещё отстают от жизни, от советской действительности, которые неизменно богаче, чем их отражение в искусстве и литературе»¹⁹⁵, то на Шестом съезде писателей СССР говорится о неразрывной связи творчества с жизнью народа: «такое единение труда и поэзии, такой содержательный диалог литераторов и тружеников есть явление, которое могло сформироваться лишь в условиях зрелого социалистического общества»¹⁹⁶.

На XXIV съезде тема искусства затрагивается многими докладчиками, причём высказывания строятся по сходной схеме. Сначала обозначается мысль об

¹⁹¹ Отчётный доклад Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущёва. С. 117.

¹⁹² Там же. С. 116.

¹⁹³ Обсуждение Отчетного доклада Центрального Комитета КПСС и Отчётного доклада Центральной ревизионной комиссии КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Речь товарища Вальтера Ульбрихта // XXIV съезд КПСС : стенографический отчёт, 30 марта – 9 апр. 1971 г. М. : Политиздат, 1971. Т. 1. С. 215.

¹⁹⁴ Вступительное слово Н. Тихонова // Съезд писателей СССР. Шестой съезд писателей СССР, 21 июня – 25 июня 1976 г. : стенографический отчёт. М. : Советский писатель, 1978. С. 3.

¹⁹⁵ Отчётный доклад Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущёва. С. 116.

¹⁹⁶ Доклад Г. Маркова // Съезд писателей СССР. Шестой съезд писателей СССР. С. 8.

обязательном служении литературы целям государства: «Слово писателя и артиста, кисть художника, резец скульптора – это острый меч, который должен защищать интересы социалистической страны, своего народа и наносить сокрушительные удары по буржуазной идеологии, по нашим классовым врагам»¹⁹⁷. Затем критикуется (общими словами, без конкретизации) авторы, не следующие этим критериям. Например, из речи сталевара мартеновского цеха Запорожского металлургического завода им. Серго Орджоникидзе Е. Проскурина: «нас огорчат, когда иной художник начинает выискивать, смаковать отрицательные факты и фактики, не замечая героики наших дней»¹⁹⁸.

Сама шаблонность высказываний о литературе показывает их идеологическую заданность. Несмотря на то, что подобные общие положения, по сути, не могут оказать реальную помощь в творческом процессе, на XXIV съезде КПСС Л. Брежневым постулируется, что «решения и документы съезда будут ещё долго оставаться в центре идейно-теоретической жизни партии и народа. Наши коммунисты, все советские люди будут черпать в них вдохновение; решение съезда послужат им надежным руководством к действию»¹⁹⁹. На Шестом съезде писателей СССР эта установка подтверждается: главным источником «вдохновения, правды жизни и гражданской страсти»²⁰⁰ для авторов произведений называется деятельность партии – «её идеи вошли в сознание писателей, они двигают образное мышление, определяют творческие поиски и направление талантов»²⁰¹. Неоднократно признаётся влияние решений XXIV съезда на развитие литературы: «Все мы по своей собственной работе знаем, какое огромное благотворное влияние оказали на развитие литературы решения

¹⁹⁷ Обсуждение Отчетного доклада Центрального Комитета КПСС и Отчётного доклада Центральной ревизионной комиссии КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Речь товарища П. Е. Шелеста // XXIV съезд КПСС. Т. 1. С. 154–155.

¹⁹⁸ Обсуждение Отчетного доклада Центрального Комитета КПСС и Отчётного доклада Центральной ревизионной комиссии КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Речь товарища Е. П. Проскурина // XXIV съезд КПСС. Т. 1. С. 238.

¹⁹⁹ Речь товарища Л. И. Брежнева при закрытии съезда // XXIV съезд КПСС. Т. 2. С. 214–215.

²⁰⁰ Доклад Г. Маркова // Съезд писателей СССР. Шестой съезд писателей СССР. С. 7.

²⁰¹ Там же.

XXIV съезда КПСС в истекшее пятилетие, как помогли они нам, писателям, выйти в своём творчестве на самый стрезень жизни, обратиться к самым главным проблемам современности, ещё яснее увидеть перспективы нашего творческого пути»²⁰². То есть Шестой съезд писателей СССР в своих установках ссылается на решения XXIV съезда партии. В свою очередь, в отчёте XXIV съезда партии, говорится о полностью выполненных задачах, поставленных на XXIII съезде: «Мы все с глубоким удовлетворением отмечаем, что Директивы XXIII съезда партии, определившие основные задания восьмой пятилетки по важнейшим экономическим и социальным показателям, успешно выполнены»²⁰³.

Если в эпоху «оттепели» государственная идеология признавала несоответствие нынешнего положения в стране идеалу (коммунистическому обществу), то в середине 1970-х транслировалась идея достижения благоденствия, то есть построения социалистического общества. Этот постулат был закреплён в Конституции СССР, утверждённой 7 октября 1977 года²⁰⁴.

В «период застоя» автономность идеологии усугубилась, превратилась в разветвлённую, замкнутую на себе систему, игнорирующую несоответствующие ей факты действительности, но сохраняющую внутреннюю связанность и непротиворечивость. Исходя из этого, в конце 1950-х ещё могло существовать несовершенное или даже «неправильное» искусство. В 1970-е, с точки зрения власти, в СССР не должно было быть двух культур, так как этого не допускала идея социализма, который «снимает социальную расколотость культуры»²⁰⁵. Об этом говорил на Шестом съезде писателей СССР Г. Марков, первый секретарь Правления Союза писателей СССР. Он ссылаясь на статью В. Ленина

²⁰² Доклад Г. Маркова // Съезд писателей СССР. Шестой съезд писателей СССР. С. 7.

²⁰³ Отчетный доклад Центральной ревизионной комиссии КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад председателя комиссии товарища Г. Ф. Сизова // XXIV съезд КПСС. Т. 1. С. 133.

²⁰⁴ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Мн. : Беларусь, 1977. С. 3.

²⁰⁵ Доклад Г. Маркова // Съезд писателей СССР. Шестой съезд писателей СССР. С. 8.

«Критические заметки по национальному вопросу»²⁰⁶ и утверждал, что существование двух культур в одной национальной культуре может быть только в «классов-антагонистическом обществе»²⁰⁷. На практике это вело к усилению идеологического контроля при публикации произведений.

Индикатором завершения «оттепели» стало отношение власти к разоблачению «культа личности» – произведения, посвящённые этой теме, перестали приниматься к печати, а их авторы начали подвергаться гонениям.

Не лишним будет напомнить общеизвестные сюжеты, иллюстрирующие данное изменение в политике государства. Один из самых показательных – это литературная судьба А. Солженицына. Публикация «Одного дня Ивана Денисовича» в 1962 году как антисталинского произведения была поддержана Н. Хрущёвым. А. Солженицын был принят в Союз Писателей (СП). Но уже в 1967 году на заседании Секретариата ЦК КПСС 18 июля обсуждался вопрос об антисоветской деятельности А. Солженицына. 22 сентября 1967 года Секретариат СП осудил писателя за недостойное поведение, а 4 ноября 1969 года он был исключён из СП²⁰⁸.

Другой пример описывает Л. Чуковская в своих воспоминаниях «Процесс исключения». Она рассказывает об отказе в публикации её повести «Софья Петровна», посвящённой событиям 1937–1938-х годов. Лидия Корнеевна приводит свою речь на заседании Секретариата Московского отделения Союза писателей РСФСР, на котором обсуждалось её исключение из СП (1974). В своём выступлении она говорила, как постепенно менялась трактовка её произведения: «... в 1962 году руководимое вами издательство приняло мою повесть “Софья Петровна”, в которой рассказывается о 1937 годе; в ту пору эта повесть сочтена была вашим издательством что ни на есть “советской”, она разоблачала “культ”;

²⁰⁶ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Изд-во политической литературы, 1973. Т. 24. С. 113–150.

²⁰⁷ Доклад Г. Маркова // Съезд писателей СССР. Шестой съезд писателей СССР. С. 8.

²⁰⁸ Документы по делу А. Солженицына опубликованы в книге «Кремлевский самосуд : секрет. документы Политбюро о писателе А. Солженицыне» ([М.] : Журн. «Родина» Ed. Q, Б., 1994. 619 с.).

через несколько месяцев приказано было сократить, притупить разоблачения культа, и мою повесть отвергли. В ней был срочно обнаружен “идейный перекося”. Она оказалась уже не вполне советской... Сейчас в моем “персональном деле” та же повесть, некогда принятая вами, потом отвергнутая вами и напечатанная за границей, трактуется как “антисоветская”...»²⁰⁹.

Ужесточение цензурного контроля касалось и более нейтральных в политическом отношении произведений. Примером может послужить переписка Игоря Ефимова (входившего в группу «Горожане») с издательством «Советский писатель», которая велась в течение 1960-х годов.

В 1963 году И. Ефимов подал в издательство «Советский писатель» рукопись повести «Смотрите, кто пришёл». В направленных И. Ефимову письмах от 15 июня 1963 года и 22 февраля 1964 года издательство указывает на необходимость авторской доработки. После внесения правок повесть была опубликована в 1965 году.

Переписка по поводу публикации следующего произведения – романа «Зрелища» (варианты заглавия «Близкие родственники», «Соволевские») – длилась с 1966 по 1970 год. Рукопись возвращалась И. Ефимову на доработку в первую очередь из-за идейно-философской позиции автора, «с которой в романе рассматриваются многие важные проблемы современности и даётся общеполитическая оценка жизни нашего общества за последнее десятилетие»²¹⁰. В итоге в публикации романа И. Ефимову было отказано, в письме от 9 декабря 1970 года указывалось, что вся работа по переделке произведения была проведена формально и «роман “Соволевские” далёк от нашей реальной жизни, от требований, которые предъявляются к современной литературе»²¹¹.

²⁰⁹ Чуковская Л. К. Процесс исключения. М.: Междунар. ассоц. деятелей культуры «Новое время»; Журн. «Горизонт», 1990. С. 245.

²¹⁰ Письмо Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» Ефимову И. М. от 11 сентября 1967 г. // ОР РНБ. Ф. 1153. Ед. хр. 558. Л. 4.

²¹¹ Письмо Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» Ефимову И. М. от 9 декабря 1970 г. // ОР РНБ. Ф. 1153. Ед. хр. 558. Л. 11.

Коллективный сборник «Горожане» (1966), в котором участвовали Б. Вахтин, В. Губин, И. Ефимов и В. Марамзин, также был отклонён издательством «Советский писатель» в основном по идеологическим причинам. Рецензент сборника литературовед Е. Наумов обвинил авторов в отчуждённости «от общенародной жизни, незаинтересованность в ней»²¹², отсутствии «какого-либо позитивного начала во взглядах на советскую действительность»²¹³ и т. п.

Об общей атмосфере в СССР в «эпоху застоя» можно судить по воспоминаниям неофициальных авторов. В. Пореш (организатор христианского семинара по проблемам религиозного возрождения и редактор журнала «Община») характеризует её словом «душно», которое он трактует как отсутствие доступа к культуре, сокрытие информации, стремление государства к контролю над духовной жизнью людей, подмену реальной жизни идеологическими фантомами. В. Пореш рассказывает, что, закончив первый курс института французского отделения, он прочитал в оригинале сборник рассказов Ж.-П. Сартра и был оскорблён, что подобного рода книги скрывают, не дают познакомиться с взглядом на мир, который показывают западные писатели²¹⁴. Основной причиной, побудившей к созданию неофициальной группы, В. Пореш называет условия советского режима, заключающиеся в господстве санкционируемой властями фальши в жизни общества²¹⁵: «...лицемерие – партийное, комсомольское – оно было иногда просто безобразно. Официальная ложь, и все знают, что это ложь. Никто в это не верит, но все повторяют, потому

²¹² Наумов Е. И. Рецензия на сб. «Горожане» от 5.07.1966 г. // ОР РНБ. Ф. 1153. Ед. хр. 557. Л. 14.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Интервью Е. В. Панкратовой с В. Ю. Порешем. Санкт-Петербург. 19.12.2011.

²¹⁵ Подобное понимание действительности встречается и при описании периода «оттепели». Например, у представителя «молодой литературы» 1950-х годов В. Британишского в статье «Студенческое поэтическое движение в Ленинграде в начале оттепели» читаем: «Ощущение того, что обман именно везде, ощущение лжи и фальши, оболганности всего было нестерпимым» (Британишский В. Л. Студенческое поэтическое движение в Ленинграде в начале оттепели // НЛО. 1995. № 14. С. 177).

что так надо. Потому что иначе, если ты не скажешь, ты не лояльный. Если ты не лояльный, всё, ты попадаешь под надзор»²¹⁶.

Независимыми авторами государственная идеология трактовалась как создающая в стране атмосферу лжи. Изменения в официальной идеологии, произошедшие в эпоху «застоя», то есть декларация достижения социализма, вели к отрицанию существования «второй литературы». Ответной реакцией со стороны авторов андеграунда стала стратегия выстраивания собственной культурной среды вне официальных институтов.

Механизмом культурной политики СССР стала многоступенчатая система цензуры. Её работа в годы «оттепели» и «эпохи застоя» показана в книгах А. Блюма «Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы» и «Как это делалось в Ленинграде», в которых приводятся документы из отчётов цензоров, демонстрирующие, как проходило отсеивание произведений, осуждение и снятие с должностей редакторов за публикацию «сомнительных» материалов.

А. Блум выделяет две функции советской цензуры: запретительную и предписывающую.

Запретительная функция реализовывалась в двух типах запретов: «персонифицированном» (касающимся появления имён определённых лиц) и «содержательном»²¹⁷. Запрет в содержании распространялся на информацию о секретных сведениях – расположении войск, военных объектов и т. п.

Соблюдения ряда «тайн» было направлено на создание образа страны – безопасной и непоколебимой даже силами природы. Так к разглашению не допускались известия о стихийных бедствиях, авариях и т. п.

Данная установка официальной идеологии на создание стабильной картины мира производила обратный эффект в произведениях неподцензурной

²¹⁶ Интервью Е. В. Панкратовой с В. Ю. Порешем.

²¹⁷ Блум А. В. Запрещённые книги русских писателей и литературоведов, 1917–1991 : индекс советской цензуры с комментариями. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2003. С. 13.

литературы: у независимых авторов мир часто рисуется как непознаваемый, непредсказуемый и поэтому опасный для героя.

Описание в художественных произведениях структуры или деятельности КГБ не могло быть опубликовано без «одобрения» последнего. Упоминание самого цензурного ведомства попадало под запрет.

Рассуждения о смысле этого запрета встречается в статье главного редактора журнала «Часы» Б. Иванова «Две ориентации. Общество» (Часы. 1976. № 1): «догматика социальных смысловых систем тщательно охраняется, она “выводится” за систему логического мышления, более того, опасность для её существования кроется уже в рассуждении на её счёт, ибо размышление о догматах есть акция сомнения»²¹⁸.

Запретительная функция цензуры как составная часть идеологии государства осознавалась представителями неофициальной литературы и даже учитывалась.

Сборник авторов «второй литературы» «Лепта» (1975), который планировался для официальной печати, был составлен «с учётом возможных претензий цензурного характера»²¹⁹.

Редколлегия журнала «Часы», несмотря на то, что манифестировала отсутствие цензуры в издании, не допускала публикацию «крамольных» и «антисоветских» текстов. Это соответствовало как идее аполитичности «культурного движения», так и практическим задачам: не навлечь опасность на авторов и сохранить журнал от насильственной ликвидации.

Статья И. Адамацкого и Б. Иванова «О пользе и необходимости цензуры», анализирующая ситуацию, сложившуюся при издании сборника «Круг» (1985), как раз показывает, что неофициальные авторы готовы были мириться с запретительной функцией цензуры, но не принимали предписывающую функцию, наличие которой создавало ситуацию, когда «цензуры нет, а есть произвол и

²¹⁸ Иванов Б. И. Две ориентации. Общество // Часы. 1976. № 1. С. 313.

²¹⁹ Долинин В. Э., Северюхин Д. Я. Преодоление немоты // Самиздат Ленинграда. С. 27.

отсебятина, субъективизм, волюнтаризм и неразбериха»²²⁰. Авторы статьи предполагают, что цензура приемлема, когда она точно и ответственно руководствуется перечислением, чего нельзя писать. Но она недопустима, когда редакторы осуществляют отбор из страха перед допущением неуютной литературы: «Цензура препоручена редактору журнала или издательства, рецензенту, корректору..., и начинается процесс, именуемый не цензурой, нет! а “пере-страх-овкой”, когда страх переходит в социальный испуг такой меры и степени, что редактор начинает бояться собственных мыслей, не то, что чужих, и превращается в существо низкого лба, узкого горизонта и непомерного страха. И это приводит к редакторскому произволу, хуже которого трудно что-либо даже вообразить»²²¹.

Предписывающая функция цензуры касалась содержания, формы и стилистики произведения. В докладных записках цензоров осуждались «произведения ущербно-пессимистического характера»²²², «нарочито усложнённая форма»²²³, «нечёткость идейных позиций»²²⁴, рассмотрение проблем сегодняшнего дня «с надуманно-литературных, а порой и неклассовых позиций»²²⁵, отсутствие «положительного персонажа»²²⁶ и т. д.

Можно предположить, что подобного рода недостатки были бы найдены во многих произведениях нонконформистской литературы, в случае их подачи в государственные издательства. Так при подготовке к изданию сборника «Круг» – первого официального сборника авторов самиздата – начальник Управления по охране государственных тайн в печати Б. Марков в качестве замечаний по вёрстке указывает, что «многие поэты испытывают определённую “слабость” к религиозным мотивам, всячески эксплуатируя их»²²⁷. В произведении Е. Звягина

²²⁰ И. А., И. Б. О пользе и необходимости цензуры // Часы. 1985. № 53. С. 275.

²²¹ Там же. С. 273.

²²² Цензура в Советском Союзе. С. 461.

²²³ Там же. С. 432.

²²⁴ Там же. С. 444.

²²⁵ Там же. С. 445.

²²⁶ Там же. С. 365.

²²⁷ Там же. С. 527.

«Корабль дураков» цензор усматривает «увлечение “алкогольной” темой, озабоченность вопросами секса»²²⁸. Б. Марков пишет, что в стихотворениях В. Ширали «до непристойности вольны “каламбуры”»²²⁹, Э. Шнейдерман в стихотворении «Галантерейщица» «переходит грани приличия»²³⁰, стихотворения поэтов В. Куприянова, В. Кучерявкина, А. Миронова, О. Охупкина, С. Стратановского «ассоциативны, допускают многочисленные толкования, а иногда прямо двусмысленны»²³¹ и т. д.

Авторы самиздата в случаях, когда они отдавали произведения на суд издательствам или представителям Союза писателей, чаще всего учитывали запретительную функцию цензуры, считая, что тем самым делают произведения приемлемыми для официальной литературы. Но при этом они не брали во внимание предписывающую функцию цензуры, то есть необходимость соответствовать государственному запросу.

Произведениям, не отражающим официальную систему ценностей, крайне сложно было пройти все этапы цензурного контроля. В книге «Как это делалось в Ленинграде» А. Блюм пишет, что «инструкция, разосланная на места в 1967 г., ужесточила порядок прохождения рукописей на стадии предварительного контроля»²³². Он описывает сложившуюся многоступенчатую систему механизма попадания в печать, которая в упрощённом виде выглядит следующим образом: самоцензура → принятие текста рукописи руководителем издательства → рецензирование рукописи писателем или критиком (данный этап мог повторяться несколько раз) → правка рукописи рядовым редактором → контроль «выпускающим» цензором (в случае возникновения сложных вопросов) → проверка Главлитом (Если цензоры не могли взять на себя решение по произведению, то Главлит обращался в Отдела культуры ЦК с просьбой рассмотреть рукопись. На следующей ступени иерархии стояли секретари ЦК).

²²⁸ Цензура в Советском Союзе. С. 529.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Там же.

²³¹ Там же.

²³² Блюм А. В. Как это делалось в Ленинграде. С. 17.

Государственный комитет СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли утверждал годовые и перспективные тематические планы выпуска литературы издательствами. Эти планы должны были способствовать выпуску «литературы на высоком идейном, теоретическом и профессиональном уровне и повышение ее действенности в решении задач коммунистического строительства»²³³. Работа издательств этим планам подчинялась, что означало, что для попадания в печать автору желательно было знать направленность предполагаемых к публикации произведений. Издательства знакомили членов Союза писателей с темпланами, в соответствии с которыми авторы подавали заявки на публикации. Рукописи, поступающие в издательства от авторов «со стороны», рассматривались по тем же критериям соответствия тематическому плану, что уменьшало их шансы на публикацию по сравнению с произведениями знающих заказ членов СП.

Так как канон социалистической литературы строго не был прописан, определение пригодности произведения во многом зависело от личных вкусов цензоров. Большинство из них искренне разделяли государственную установку на литературу. Бывший цензор В. Солодин в интервью для сборника «Исключить всякие упоминания...: Очерки истории советской цензуры», составленного Т. Горяевой, говорит, что «нельзя сказать, что цензура мешала появляться хорошему – хорошая литература всегда пробивалась»²³⁴, в то время как в произведениях независимых авторов «читать с литературной точки зрения было нечего»²³⁵.

Эффективность работы цензурного механизма обеспечивалась её многоступенчатым характером и методом распределения взысканий за предоставляемый материал – виновным оказывалось не первое лицо, то есть

²³³ Положения о государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8188.htm (дата обращения: 16.02.2017).

²³⁴ «Убежден, что работал на стабильность государства...» : интервью В. А. Солодина. С. 329.

²³⁵ Там же.

автор, подавший рукопись, а та ступень, которая приняла непригодное, идеологически слабое произведение. Персональная партийно-профессиональная ответственность возлагалась на редактора. Если он пропускал или брал на себя смелость предоставить на суд цензоров «сомнительный» текст, то тем самым он обнаруживал перед вышестоящими органами свою профнепригодность. Наказанием за подобные недосмотры могло быть снятие с должности.

Большая часть литературы отфильтровывалась цензурой не столько из-за качества произведений, сколько из-за характера самого цензурного механизма, каждый этап прохождения которого мог затягиваться на неопределённый срок.

Представленный механизм цензурного контроля, тем не менее, был проницаем. Об этом свидетельствуют, например, представленные А. Блюмом материалы о журнале «Аврора», в котором с 1972 по 1977 год были напечатаны рассказы Ф. Искандера «Ночные тайны», А. Битова «Феномен нормы», стихотворения А. Агеева, Б. Штейна, Д. Гранина. За публикацию этих произведений редколлегия подверглась критике цензурного комитета, и в 1977 году главного редактора журнала В. Торопыгина и его заместителя А. Островского сняли с должностей «как не обеспечивших руководство»²³⁶, но показателен сам факт публикации «сомнительных» произведений.

Тем не менее, в среде неофициальных авторов складывалось представление, что цензурный контроль практически непреодолим.

Об этом говорят воспоминания представителей неофициальной литературы о советской культурной политике.

Например, в книге Л. Лосева «Закрытый распределитель» автор обрисовывает картину, где основная часть издаваемых произведений это пропагандистская литература: «Вслед за сочинениями того, кому в данный момент принадлежит верховная власть в государстве, издаются сочинения всех функционеров, вплоть до самых мелких работников идеологического аппарата, состоящие, главным образом, из цитат из Ленина, Маркса и нынешнего вождя,

²³⁶ Цензура в Советском Союзе. С. 485.

скреплённые восторженными комментариями»²³⁷. При этом «руководители издательств, кому принадлежит право планирования, прежде всего, заинтересованы в демонстрации своей идеологической чистоты, рвения, а также в поддержании хороших отношений с другими влиятельными бюрократами»²³⁸. Л. Лосев также говорит об отсеивании несоответствующих канону произведений ещё на уровне редакций: «В практике вмешательства цензоров встречаются относительно редко, во всяком случае серьёзные вмешательства. Это объясняется тем, что в редакциях, на радио-, телевизионных, киностудиях, в театрах работают понаторевшие в своём деле редакторы, которые знают, что серьёзная ошибка, замеченная цензором, может ещё серьёзнее отразиться на их карьере»²³⁹.

Он же даёт ссылку на пародийное описание разработки планов издательств в книге В. Войновича «Иванкиада»: «Утверждать планы – дело не такое лёгкое, как может показаться с первого взгляда. Надо проверить списки писателей, которые собрались издать свои книги. Необходимо отделить нужных писателей от ненужных. Нужные – это секретари Союза Писателей, директора издательств, главные редакторы журналов. Ты им сделаешь хорошо, они тебе сделают хорошо: напечатают (если есть что), устроят положительную рецензию, примут в писатели, подкинут какую-нибудь денежную работёнку. Нужными писателями следует считать и других лиц, которые не только пишут книги, но и располагают возможностями оказывать побочные благодеяния: достать ондатровую шапку, приобрести льготную путёвку в привилегированный санаторий или абонемент в плавательный бассейн»²⁴⁰.

У представителей андеграунда из-за неприятия ими культурной политики государства к официальной литературе складывалось предвзятое отношение.

Например, В. Пореш рассказывает следующим образом о том, как в его окружении воспринималась советская литература: «Мы, будучи такими уже

²³⁷ Лосев Л. В. *Закрытый распределитель*. С. 143.

²³⁸ Там же. С. 148.

²³⁹ Там же. С. 109.

²⁴⁰ Войнович В. Н. *Иванькиада*. Ann Arbor (Mich.) : Ардис, 1976. С. 67–68.

оголтелыми, думали, что то, что печатается, вообще не надо читать, потому что там ничего хорошего наверняка нет. Печатают только дерьмо. Я не прав был, конечно. Разумеется, это не справедливо. Разумеется, были и писатели хорошие. <...> Позиция немного высокомерная по отношению к официальному. Всё что официальное – это всё плохо, всё фальшиво, всё лицемерно, всё трусливо»²⁴¹.

Б. Иванов в творчестве авторов, издаваемых в государственных издательствах, не видел настоящего искусства: «Официальные писатели множат себя в многоликой привязанности к господствующему канону искусства, имена этих художников не несут в себе духовно-эмблематичный смысл, что всегда связано с созданием новых систем ценностей»²⁴². В понимании главного редактора «Часов» поэт канонического искусства это только «ремесленник высшего ранга»²⁴³.

Представление о литературной жизни Ленинграда в начале 1970-х годов с точки зрения авторов «второй культуры» выразила в своём письме в Ленинградское отделение Союза писателей РСФСР (ЛО СП) (от 23 октября 1973 года) Т. Буковская. Она пишет, что «существуют две литературы – одна явленная миру, читателю (т. е. опубликованная), вторая – литература, известная со слуха, а точнее по слухам. За редким исключением вторая интереснее, живее, а главное – более заинтересована в истине, чем первая»²⁴⁴. В письме указывается, что отсутствие официального выхода к читателю – это «судьба целого поколения молодых поэтов города»²⁴⁵. В этом же письме 1960-е обрисовываются как годы, когда «была минимальная гласность, малая, но возможность публиковаться»²⁴⁶. При том, что Т. Буковская понимает, что Секретариат Правления ЛО СП «хорошо

²⁴¹ Интервью Е. В. Панкратовой с В. Ю. Порешем.

²⁴² Иванов Б. И. Повторение пройденного // Часы. 1978. № 12. С. 236.

²⁴³ Иванов Б. И. Каноническое и неканоническое искусство // Часы. 1978. № 16. С. 145–146.

²⁴⁴ Буковская Т. С. Письмо в Секретариат Правления ЛО Союза Советских писателей РСФСР от 23 октября 1973 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 640. Л. 63.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Там же.

представляет себе истинную картину литературной жизни города»²⁴⁷, она считает, что «молчать о том, что существует настоящая литература и серьёзные поэты, которые недоступны читателю – значит лицемерить»²⁴⁸.

Убеждённость в идеологизированности официальной литературы делала борьбу самиздата против политики государства в отношении культуры отстаиванием права на политическую нейтральность произведения.

Понимание закрытости официальной культуры для большинства авторов породило идею необходимости создания доступной независимой литературно-художественной среды, где была бы установлена связь с читателями. Но отстаивая право на возможность занимать аполитичную позицию в художественном творчестве, авторы самиздата выступали против идеологии государства.

С точки зрения государства самиздат расценивался как противозаконная деятельность. Рассмотрим статьи Уголовного законодательства СССР / Уголовного кодекса РСФСР (УК РСФСР), которые нарушал самиздат, и остановимся на некоторых способах пресечения самостоятельной издательской деятельности, применяемых государством.

Причины преследования самиздата можно условно разделить на связанные с содержанием произведений и касающиеся незаконного перепечатывания и распространения текстов.

Если произведение истолковывалось как направленное против существующего режима, его автор или распространитель мог быть привлечён по двум статьям уголовного законодательства. Обвинение могло основываться на 70-й статье «Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти»²⁴⁹, которая предусматривала наказание до 7 лет заключения

²⁴⁷ Буковская Т. С. Письмо в Секретариат Правления ЛО Союза Советских писателей РСФСР от 23 октября 1973 г. Л. 63.

²⁴⁸ Там же. Л. 64–65.

²⁴⁹ Уголовное законодательство Союза ССР и Союзных Республик. В 2-х т. / сост. Л. И. Мандельштам [и др.]. М. : Государственно изд-во юридической литературы, 1963. Т. 1. С. 180.

плюс до 5 лет ссылки. Кроме того, по инициативе КГБ 16 сентября 1966 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР была введена статья 190-1, устанавливающая ответственность за «систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания»²⁵⁰. Эта статья предусматривала до трёх лет лишения свободы, или исправительные работы сроком до одного года, или денежный штраф.

В своих воспоминаниях, опубликованных в книге «К истории неофициальной культуры и современного русского зарубежья: 1950–1990-е», поэт Н. Браун рассказывает, что был осуждён в 1969 году по 70-й статье УК РСФСР²⁵¹. Вместе с ним был осужден поэт А. Бергер. Им инкриминировались стихотворения антисоветского содержания. Н. Браун получил 7 лет заключения и 3 года ссылки, А. Бергер – 4 года заключения и 2 года ссылки²⁵².

Материал, печатавшийся в толстых машинописных журналах, таких как «37», «Часы», «Обводный канал» и др., не содержал откровенных выпадов против советской власти, что соответствовало политике изданий. В этом отношении они меньше интересовали правоохранительные органы, по сравнению с правозащитными журналами, такими, например, как бюллетень «Хроника текущих событий». Тем не менее, издатели «неполитических» журналов могли быть привлечены к уголовной ответственности как за незаконную публикацию текстов, так и за антисоветскую пропаганду.

В. Пореш, редактор журнала «Община» и один из основателей христианского семинара по проблемам религиозного возрождения рассказывает, что был осуждён по статье 70 УК РСФСР («антисоветская агитация и

²⁵⁰ Уголовный кодекс РСФСР. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. М. : Юрид. лит., 1979. С. 61.

²⁵¹ Браун Н. Н. Дуэль и фронт – удел поэта... // К истории неофициальной культуры и современного зарубежья. С. 55.

²⁵² Бергер А. С. Автобиография // К истории неофициальной культуры и современного зарубежья. С. 40.

пропаганда»)²⁵³. Его журнал «Община» был создан как печатный орган христианского семинара, целями которого провозглашались:

- «- служение делу духовного Возрождения России,
- построение общины как преодоление кризиса современной религиозной жизни и “ненавистой разделённости мира”,
- поиск путей соборного единения тех, кто страдает от унижения личности и переживает нашу разделённость как русскую трагедию,
- диалог с инославными братьями во всем мире для изыскания выхода из мирового духовного кризиса»²⁵⁴.

По словам В. Пореша, деятельность семинара и попытки издавать журнал «Община» привлекли внимание правоохранительных органов: во время сборов группы устраивались налёты с обысками, участников выгоняли с работы и из университетов. Макет первого номера журнала «Община», куда вошли некоторые доклады, прочитанные на семинаре, и материалы по обсуждаемым на нём темам, был изъят у А. Огородникова (редактора журнала «Община») при обыске в больнице, куда он на время лечения взял с собой самиздат. Макет третьего номера был конфискован при аресте В. Пореша в 1979 году. В. Пореш, как уже было сказано, был осуждён по статье 70 УК РСФСР, остальные участники группы – по сфабрикованным делам.

Осуждение по сфабрикованным делам являлось одним из методов борьбы правоохранительных органов с самиздатчиками и с другими неугодными государству лицами.

Примером подобного способа расправы с инакомыслящими может служить рассказ В. Пореша об аресте Т. Щипковой, работавшей преподавателем на факультете иностранных языков Смоленского педагогического института и принимавшей участие в работе христианского семинара по проблемам

²⁵³ Интервью Е. В. Панкратовой с В. Ю. Порешем.

²⁵⁴ Христианский семинар по проблемам религиозного возрождения: [декларация семинара]. [СПб.?]. 1978. С. 1. Декларация семинара цитируется по машинописному экземпляру, предоставленному В. Порешем.

религиозного возрождения: «Мы сидели у себя в квартире, зашла милиция и стала отбирать наши записи. Она взяла свою записку, завела за спину. Татьяна Николаевна – небольшого роста, сорок килограммов веса. Дружинник наклонился через неё и вырвал у неё из рук тетрадь. И где-то, видимо, её немножко толкнул. Она ему дала пощёчину. При этом она не могла достать ему до лица. Вот за это она получила три года – за хулиганство. И не стыдно им было это делать. Женщине было 50 лет. Пострадавший на суде, в три раза больше её весит и выше её в два раза, – он даёт показания. И всё, ей дали три года. Наказание несоразмерно!»²⁵⁵.

Согласно статистическим данным, приведённым в книге Р. Пихоя «Советский Союз: история власти, 1945–1991»²⁵⁶, в середине 1970-х годов возросла предупредительно-профилактическая деятельность КГБ, что сократило количество осуждённых по статьям УК РСФСР. Р. Пихоя характеризует данный вид работы правоохранительных органов следующим образом: «Так называемое профилактирование становилось способом прямого, санкционированного властью вмешательства в жизнь людей, мысли и действия которых не попадали под осуждение советским законодательством, но потенциально считались опасными для власти. Из рядов профилактированных, запуганных людей КГБ вело вербовку своей агентуры»²⁵⁷.

В. Пореш рассказывает, что до ареста с ним проводили подобные профилактические беседы представители КГБ, например, предлагали дать ему пропуск в спецхран для чтения книг А. Солженицына. По условиям сделки за пропуск в спецхран В. Пореш должен был не распространять произведения А. Солженицына, но В. Пореш отказался²⁵⁸.

²⁵⁵ Интервью Е. В. Панкратовой с В. Ю. Порешем.

²⁵⁶ Пихоя Р. Г. Советский союз: история власти. С. 328–329.

²⁵⁷ Там же. С. 328.

²⁵⁸ Интервью Е. В. Панкратовой с В. Ю. Порешем.

Запрет на незаконную издательскую деятельность до 1976 года не был закреплён законодательно, но подразумевался – существовали документы, только косвенно на него указывающие.

В Положении о Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (от 19 октября 1973 года) говорилось, что он «осуществляет единый государственный учет организаций, имеющих право издательской деятельности»²⁵⁹. Следовательно, надо было иметь «право издательской деятельности». Самиздат выходил за пределы контроля, а вся печатная продукция должна была регулироваться государством.

Подтверждением отсутствия строгой документации по данному вопросу служит переписка Управления КГБ по Владимирской области с Главлитом от 1 октября 1975 года. На просьбу сообщить, «какими правовыми актами регламентируется порядок выпуска периодических изданий», Главлит не смог найти ни одного государственного постановления, сославшись только на действующую практику и на Постановление ЦК КПСС от 29 января 1966 года «Об оплате труда работников редакций журналов», опубликованное в «Справочнике партийного работника» (М., Политиздат, 1966). В соответствии с этим документом создание новых журналов, увеличение их объемов и изменение периодичности, реорганизация и ликвидация действующих журналов производится ЦК²⁶⁰. То есть постановления по этому поводу регламентировали издательскую деятельность, но не имели запретительный характер.

В 1976 году появились документы, в которых уже конкретно обозначалась неправомерность самостоятельного размножения и публикации текстов – «Положение о порядке издания печатной продукции» (утверждено Госкомиздатом СССР от 6 апреля 1976 года) и «Единые правила печатания несекретных изданий» Главлита СССР (утвержден 3 мая 1976 года), где сообщалось, что «все отпечатанные материалы, осуществленные помимо

²⁵⁹ Положение о государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

²⁶⁰ Цензура в Советском Союзе. С. 466–467.

издательств на множительных аппаратах, полиграфическом оборудовании, размноженные на машинках, являются противозаконным действием»²⁶¹.

Как пишет А. Блюм, хранение и чтение неофициальных изданий, не содержащих политических выпадов против власти, не преследовалось строго и было относительно безопасным. Если же владелец «подпольной» литературы оказывался замечен в каких-либо ещё проявлениях нелояльности к режиму, то «самиздат» уже играл роль одного из пунктов обвинения. Возможно, он даже в некоторой степени был нужен правоохранительным органам, так как наличие машинописных перепечаток текстов служило доказательством преступления: «на состоявшихся политических процессах факт хранения и, особенно, распространения бесцензурных изданий являлся главным, а порой и единственным козырем обвинителей»²⁶².

Для подтверждения, что найденная при обыске литература не подлежит распространению в СССР, существовала экспертиза Главлита. Перечень сомнительных машинописных текстов, обнаруженных на квартирах неблагонадёжных лиц, передавался Главлиту с запросом от КГБ установить, разрешены ли найденные произведения к общедоступному пользованию. Следовательно, цензура, помимо контролирующей и запретительной функции, косвенно участвовала и в выполнении карательных задач.

На экспертизу Главлита наряду с диссидентскими произведениями (например, письмами А. Сахарова, документами по судебным процессам, правозащитными журналами и т. д.) попадали книги по философии, психологии, религии и художественные сочинения, имеющие минимальное отношение к политике. Все они квалифицировались в качестве «злопыхательских и вымышленных сведений, нарочито порочащих советский строй, подтасованные под правдоподобие, с помощью которых делается попытка дать негативную оценку нашей действительности и дезориентировать общественное мнение»²⁶³.

²⁶¹ Цензура в Советском Союзе. С. 504.

²⁶² Блюм А. В. Как это делалось в Ленинграде. С. 81.

²⁶³ Цензура в Советском Союзе. С. 453–454.

Таким образом, любую поступившую не издававшуюся в СССР литературу сотрудники Главлита могли интерпретировать в нужном следствию ключе. Установленный экспертизой Главлита «антисоветский» характер текста означал для его владельца обвинение, как минимум, по статье 190-1.

Самиздат как факт выпадения из официальной системы независимо от содержания текста, политических взглядов автора или издателя уже трактовался властью как оппозиционная деятельность. При необходимости обвинение хранителям и распространителям неподцензурной литературы могло быть вынесено даже без прямых доказательств преступления. Таким образом, несмотря на относительную безопасность машинописной публикации неполитических текстов, самиздат такого рода также выражал независимую гражданскую позицию.

1.5. Альманах «Лепта» как переход от стратегии «второй литературной действительности» к «неофициальному культурному движению»

В истории неподцензурной литературы особое место занимает период 1970-х годов, когда появляется идея самодостаточности неофициального искусства и формируется концепция «культурного движения» как оппозиции литературе «государственной пользы».

Поворотным моментом в этом процессе был опыт подготовки в 1975 году альманаха «Лепта». В данном параграфе рассматривается история его создания и роль в формировании «неофициального культурного движения» в ленинградском литературно-художественном андеграунде.

При реконструкции этапов работы над альманахом мы опираемся на следующие документы: мемуарные свидетельства участников, материалы «Первой конференции неофициального движения» (1979), протоколы заседаний Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР (ЛО СП) переписку

инициативной группы «Лепты» с ЛО СП, а также тексты публикаций Б. Иванова, В. Кривулина и Т. Горичевой в самиздатских журналах «Часы» и «37».

Одной из первых попыток авторов андеграунда добиться официального признания себя как группы литераторов стало письмо, составленное В. Кривулиным, О. Охупкиным и Ф. Чирсковым в ЛО СП (от 3 декабря 1973 года), в котором говорится о том, что «из нормальной литературной жизни города было изъято целое поколение писателей и поэтов»²⁶⁴, произведения которых «не попав на страницы печатных изданий, образовали своего рода “вторую литературную действительность”»²⁶⁵. Среди авторов были названы: В. Алексеев, Ю. Алексеев, А. Арьев, О. Базунов, Д. Бобышев, Т. Буковская, В. Губин, В. Кривулин, Б. Куприянов, О. Охупкин, А. Севостьянов, И. Смирнов, Е. Шварц, П. Чейгин, Ф. Чирсков, В. Ширали. Составители письма требовали предоставить им возможность издаваться. В качестве ответа на письмо 16 апреля 1974 года было проведено заседание рабочей части Секретариата, куда были приглашены составители послания. В ходе обсуждения представители ЛО СП (поэт С. Ботвинник, поэт Н. Королёва, поэт и переводчик Г. Семёнов, писатель Б. Никольский, поэт А. Шевелёв) дали понять, что не считают возможным существование какого-либо другого искусства, кроме уже признанного государством. Н. Королёва следующим образом охарактеризовала творчество пришедших на заседание «молодых авторов»: «У Вас выработался условный поэтический язык Вашего круга, узость словесного набора. Стилистическое однообразие, отсюда – высокопарность. А Вам надо облегчать себе выход в печать. Время не такое уж плохое и, если написать хорошие стихи о времени и о себе, они будут напечатаны»²⁶⁶. С. Ботвинник разъяснил независимым авторам безосновательность занятой ими позиции представителей «целого поколения»: «Я

²⁶⁴ Письмо в секретариат Правления Ленинградского отделения Союза советских писателей РСФСР от 3 декабря 1973 года // ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 640. Л. 56.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Протокол от 16 апреля 1974 г. заседания рабочей части Секретариата вместе с приглашёнными членами Союза писателей и авторами, подавшими заявление в Секретариат // ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 640. Л. 53.

думаю, что Вы сами ввели себя в заблуждение, упомянув в одном из писем о существовании двух “литературных действительностей”. Вы – другая действительность. Известно, что поэты приходят поколениями. Ваше поколение шире. У нас, в наших издательствах вышли книжки людей и моложе, и старше Вас, но они – Ваше поколение. Вы сами представляете лишь небольшую группу и говорить о себе как о поколении, “второй литературной действительности” не можете. У нас выходят книжки поэтов разных, интересных. Вы, конечно, люди талантливые, но мир у Вас очень замкнутый»²⁶⁷. Г. Семёнов указал на зависимость издательств от политики государства: «Мне непонятно, почему вы обратились в Секретариат? Зачем “вторая литературная действительность” обращается за помощью к “первой литературной действительности”? Известно всем, что есть определённые издательские условия и требования. Издательство стоит на службе государства и будет печатать то, что полезно государству. Это надо очень хорошо понимать»²⁶⁸.

Независимым авторам потребовалось более масштабное событие для осознания бесполезности своих попыток войти в официальную литературу. Таким событием стала подготовка и попытка публикации альманаха «Лепта».

К решению издать свой сборник «молодых авторов» подтолкнули следующие события: 15 сентября 1974 года в Москве на открытом воздухе в лесопарке Беляево состоялась несанкционированная выставка свободного искусства, названная позднее «бульдозерной». В ней участвовали художники-нонконформисты: В. Воробьёв, Ю. Жарких, В. Комар, Л. Мастеркова, А. Меламид, В. Немухин, А. Рабин, О. Рабин, Е. Рухин; поэт И. Холин и др., всего около двадцати человек. Выставка была воспринята в среде ленинградского андеграунда как проявление культурной отваги. Несмотря на то, что художники и зрители были разогнаны, власть была вынуждена пойти на уступки – разрешить

²⁶⁷ Протокол от 16 апреля 1974 г. заседания рабочей части Секретариата вместе с приглашёнными членами Союза писателей и авторами, подавшими заявление в Секретариат // ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 640. Л. 52.

²⁶⁸ Там же. Л. 54.

29 сентября в Измайловском парке кратковременный показ картин независимых авторов. В Ленинграде сенсацией стала состоявшаяся с 22 по 24 декабря 1974 года в ДК имени Газа выставка нонконформистской живописи, скульптуры и графики. Успех мероприятия позволил добиться с 10 по 20 сентября 1975 года проведения в ДК «Невский» ещё одного показа работ²⁶⁹.

После зримого примера успеха художников в борьбе за свои права идея повторить их опыт возникла в среде «второй литературы» – официально опубликовать альманах, составленный из произведений авторов самиздата. Название «Лепта» было подсказано строчкой из письма О. Охупкина в Союз писателей: «желаем внести посильную лепту на пир отечественной словесности»²⁷⁰.

Инициативная группа (Ю. Вознесенская, Б. Иванов, В. Кривулин, К. Кузьминский, Е. Пазухин) вступила в переписку с ЛО СП, с Управлением культурой и с издательством «Советский писатель» с целью разрешения публикации.

К 1975 году, то есть ко времени замысла «Лепты», неофициальная литература уже имела практику составления самиздатских коллективных сборников, например, «Призма» (1961, 1962), «Антология советской патологии» (1964), «Живое зеркало: Второй этап ленинградской поэзии» (1972), изданные Б. Тайгиным и К. Кузьминским. Б. Иванов в начале шестидесятых хотел организовать выпуск периодического машинописного сборника «Архив», который бы включал произведения авторов, посещавших литературное объединение при издательстве «Советский писатель», и одновременно являлся бы архивом ЛИТО. Идея не была осуществлена, так как предполагаемые участники начали выражать опасения по поводу того, что их творческая инициатива будет преследоваться властями. Собранный материал Б. Иванов впоследствии решил использовать в качестве основы для антологии ленинградской неподцензурной

²⁶⁹ Газаневщина / сост. А. Басин, Л. Скобкина. СПб. : П.Р.П., 2004. С. 97–242.

²⁷⁰ Кузьминский К. К. Лепта // Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны. URL: <http://kkk-bluelagoon.ru/tom5b/lepta1.htm> (дата обращения: 18.02.2017).

прозы и поэзии. В. Кривулин в 1965 году планировал выпустить журнал «Возрождение», в котором согласилась принять участие А. Ахматова, но так и не осуществил замысел²⁷¹.

Сборник «Лепта» должен был демонстрировать «новое поэтическое слово»²⁷² – целое течение современной литературы, претендующей даже на собственную историю: в состав были включены стихотворения уже умерших авторов 1950–1960-х годов – Р. Мандельштама (1932–1961) и Л. Аронсона (1939–1970). Составители «Лепты» заняли не только представительскую позицию перед официальными институтами, но и внутри среды андеграунда. Инициативная группа взяла на себя право отбора произведений и авторов, что, естественно, породило несогласие в рядах независимых литераторов. Так, например, поэт О. Охупкин то входил, то выходил из коллектива участников и даже начал вести с Союзом писателей самостоятельную переписку.

Несмотря на соблюдение предполагаемых цензурных требований альманах «Лепта» не был принят издательством. О понимании невозможности осуществления официальной публикации пишет в своих воспоминаниях К. Кузьминский: «Идиотом я не был и поверить, что нам – разрешат КНИГУ – не верил ни на минуту»²⁷³. В. Кривулин также впоследствии высказывался о том, что инициативная группа не сомневалась, что «книгу завернут», но попытка законного пути в литературу понималась как выполнение формальности, после которой независимые авторы «имели полное моральное право идти неофициальным путём»²⁷⁴.

²⁷¹ Кулаков В. Г., Кривулин В. Б. «Поэзия – это разговор самого языка». С. 231.

²⁷² Письмо инициативной группы в состав Ю. Вознесенской, Б. Иванов, В. Кривулин, Е. Пазухин в секретариат Ленинградского отделения Союза советских писателей РСФСР от 13 февраля 1975 года // Антологии новейшей русской поэзии У Голубой Лагуны. URL: <http://kkk-bluelagoon.ru/tom5b/lepta3.htm> (дата обращения: 18.02.2017).

²⁷³ Кузьминский К. К. Белые ночи и прочая карусель // Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны. URL: <http://kkk-bluelagoon.ru/tom5b/lepta1.htm> (дата обращения: 18.02.2017).

²⁷⁴ Кулаков В. Г., Кривулин В. Б. «Поэзия – это разговор самого языка». С. 232.

Попытка инициативной группы добиться легального существования в литературном процессе страны привела к противоположному результату – целенаправленно выстроенному представителями официального искусства отказу в признании «второй литературы». Члены Союза писателей на обсуждении письма инициативной группы «Лепты» (от 13 февраля 1975 года), состоявшемся 6 марта 1975 года, пришли к решению отвечать независимым авторам только устно, так как отправление письменного ответа признало бы «их как организацию»²⁷⁵.

Сборник так и не был издан, но во многом именно благодаря этому история «Лепты» оказалась важной точкой для образования «независимого движения»: произошла трансформация отношения авторов андеграунда к официальной культуре и собственной творческой деятельности. У нонконформистских писателей и поэтов начинает формироваться представление о «неофициальном движении» как об отдельном, не связанном с государством, направлении в культуре. Название «неофициальное культурное движение» (и его вариации) начинает использоваться авторами самиздата и фиксируется на страницах машинописных журналов «Часы» (главный редактор: Б. Иванов) и «37» (редакторы: Т. Горичева, Б. Кривулин, Л. Рудкевич). В первом номере журнала «37» (1976) появляются обозначения: «неофициальная культурная жизнь»²⁷⁶, «мир культуры и Духа»²⁷⁷, «люмпен-интеллигентный мир неофициальной культуры»²⁷⁸, «культурное движение»²⁷⁹. В первом номере «Часов» (1976) главный редактор Б. Иванов в статье «Две ориентации. Общество» использует выражение «культурное движение» для описания независимой литературы, художественного творчества и т. п.²⁸⁰ Таким образом, через название утверждается факт существования группы. Механизм этого процесса описан в

²⁷⁵ Протокол № 4 заседания секретариата писательской организации от 6 марта 1975 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 657. Л. 50.

²⁷⁶ От редакции // 37. 1976. № 1. Без нумерации.

²⁷⁷ Горичева Т. М., Кривулин В. Б. Евангельские диалоги // 37. 1976. № 1. С. 2.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Там же. С. 4.

²⁸⁰ Иванов Б. И. Две ориентации. Общество. С. 330.

книге П. Бурдьё «Социология социального пространства». Называя группу, «официальный выразитель» скрыто ставит вопрос о существовании группы и «учреждает эту группу при помощи магической операции, свойственной любому акту номинации»²⁸¹.

В обоих журналах – «37» и «Часы» – под названием «неофициальное движение» (и его вариациями) подразумевается искусство, противопоставленное официальной культуре. В «37» тема вечного конфликта «социального» мира и «мира культуры и Духа» рассматривается в философском сочинении Т. Горичевой и В. Кривулина «Евангельские диалоги» (написанном в форме диалога авторов). В этом сочинении проводится параллель между евангельскими событиями и отношениями между «социальным» миром и «неофициальной культурой»: Пилат и его современные двойники противопоставляются Иисусу и независимым авторам²⁸². В «Часах» в статье «Две ориентации. Общество» Б. Иванов представляет теорию, согласно которой любое общество делится на социум и культуру – на две «различных ориентаций, из которых первая – ориентация на авторитет, вторая – ориентация на мир, лежащий за пределами социальных значений»²⁸³. Таким образом, «культурное движение» мыслится редакторами журналов как онтологически противопоставленное официальной системе.

Словосочетания «неофициальная / независимая культура» и «неофициальное / независимое / культурное движение» закрепляются в практике употребления авторов самиздата и используются в названиях домашних конференций, посвящённых независимой литературно-художественной и научной деятельности: 12 декабря 1977 года – «Нравственное значение неофициальной культуры», 16 сентября 1979 года – «Первая конференция неофициального

²⁸¹ Бурдьё П. Социология социального пространства. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2007. С. 43.

²⁸² Горичева Т. М., Кривулин В. Б. Евангельские диалоги. С. 1–4.

²⁸³ Иванов Б. И. Две ориентации. Общество. С. 306.

движения», 22 и 23 декабря 1979 года – «Вторая конференция неофициального движения».

Необходимость в новом названии связана не с новым составом участников, а с изменением стратегии утверждения статуса «писателя» или «поэта». До отказа в публикации сборника «Лепта» неподцензурные авторы использовали для описания своего положения относительно официально издаваемых писателей и поэтов выражение «вторая литературная действительность». Данному названию соответствовало стремление отстоять свои права на легализованную печать. После того как независимые авторы поняли, что официальная культура не готова признать существование «второй литературы», в среде андеграунда сформировалась новая стратегия поведения, основанная на идее построения культурной среды вне государственных институтов. Статус «поэта» и «писателя» теперь утверждался внутри сообщества и не нуждался в официальном подтверждении. Название «вторая литература» не соответствовало концепции самодостаточности андеграунда, поэтому появилось новое название – «неофициальное культурное движение» (и его варианты). В. Кривулин на «Первой конференции культурного движения» (1979) в своём докладе «Пять лет культурного движения. Связь движения художников с движением поэтов» сказал, что «негативные определения», такие как «нонконформизм» и «вторая культура» имеют «едва ли не оскорбительный смысл»²⁸⁴. Стоит обратить внимание, что «неофициальное культурное движение» мыслилось авторами андеграунда не только как сообщество поэтов и писателей, но и независимых художников, музыкантов и т. п.

Сам процесс подготовки коллективного альманаха послужил толчком к активизации неофициальной литературной жизни города. В коммунальной квартире, где жила Ю. Вознесенская, собирались поэты, желающие участвовать в сборнике «Лепта», устраивались «отчётные чтения». Во второй половине 1970-х

²⁸⁴ Кривулин В. Б. Пять лет культурного движения. Связь движения художников с движением поэтов // Часы. 1979. № 21. С. 222.

годов распространились поэтические вечера на квартирах, в мастерских художников и даже в студенческих аудиториях. В. Кривулин пишет, что члены инициативной группа во время работы по отбору текстов для «Лепты» «открыли несколько новых имен»²⁸⁵ – А. Шельваха, Вл. Гаврильчика (который до этого был известен как художник), В. Кривошеева, А. Драгомощенко. Кроме того, будущие издатели первых самиздатовских толстых журналов «37» (1976–1981) и «Часы» (1976–1990) получили представление о характере и масштабе творческих сил неофициальной литературы. По словам Б. Иванова, он, будучи сам прозаиком, до включения в инициативную группу составителей «Лепты» практически не знал современную ему неподцензурную поэзию²⁸⁶. Впоследствии в журнале «Часы» публикация стихотворений заняла отдельный постоянный раздел.

На финальном этапе истории «Лепты», когда уже стало очевидно, что официально сборник не будет опубликован, возникла идея выпуска периодического издания, не подчиняющегося каким-либо требованиям цензуры и не предполагающего публикацию в государственных издательствах. Но эта мысль воплотилась не в одном, а в двух журналах – «37» и «Часы», так как их создатели разошлись в понимании принципов редакторской деятельности. Основателями журналов стали бывшие члены инициативной группы «Лепты»: В. Кривулин начал издавать «37», Б. Иванов – «Часы». Истоки их позиций относительно отбора материала можно проследить в опыте подготовки «Лепты». Общим осталась практика выступления от лица всего «неофициального движения». Оба издания были направлены на публикацию неподцензурных авторов. Но с точки зрения В. Кривулина, неконформистская литература должна была быть показана лучшими (по мнению редколлегии) произведениями. Концепция Б. Иванова заключалась в предоставлении всем независимым писателям и поэтам одинаковых прав на публикацию. То есть «37» и «Часы» отразили споры о

²⁸⁵ Кулаков В. Г., Кривулин В. Б. «Поэзия – это разговор самого языка». С. 233.

²⁸⁶ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати»). С. 83.

публикации неподцензурного творчества, образовавшиеся в процессе подготовки «Лепты».

Характерно, что почти сразу же после появления концепции «неофициального культурного движения» начинается исследование его истории. В журнале «Часы» Б. Иванов публикует статьи, где описывает этапы независимой литературы и её особенности в эти периоды («Возвращение парадигмы» (Часы. 1977. № 6), «По ту сторону официальности» (Часы. 1977. № 8), «Повторение пройденного» (Часы. 1978. № 12) и др.). На «Первой конференции культурного движения» в докладах затрагиваются вопросы становления и преемственности неофициальной литературы. Б. Иванов в своём докладе рассматривает разные точки зрения на момент образования неофициальной культуры. Первая, «онтологическая», исходит из того, что нонконформистское искусство существовало всегда: «Свободное творчество рассматривается как фундаментальный атрибут бытия»²⁸⁷. Вторая названа автором «культурно-исторической». С этой точки зрения, история неофициальной культуры началась после смерти И. Сталина. Б. Иванов пишет, что в это время «появились признаки культурного оживления – так называемая “оттепель”. <...> Возник как тип подпольный писатель, поэт, художник, философ, социальное общение которого ограничивалось кругом доверенных лиц»²⁸⁸. Следующий подход основан на представлении, что «каждое произведение культурного движения так или иначе, прямо или косвенно восходит к разоблачению культа личности, как к своему исходному моменту и событию»²⁸⁹. Таким образом, «культурное движение начинается с 1956 года»²⁹⁰. Согласно четвёртой точки зрения, неофициальная культура возникла «с того времени, как художником удалось добиться легализации»²⁹¹, следовательно, датой образования надо считать 1974 год. Неофициальная культура с этого момента становится «общественным явлением: с

²⁸⁷ Иванов Б. И. Культурное движение как целостное явление // Часы. 1979. № 21. С. 210.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Там же. С. 211.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Там же.

квартирными и полуофициальными выставками, с салонными и полуофициальными выступлениями поэтов, с неофициальными, но легальными изданиями – журналов, альманахов, сборников, с семинарами, докладами, коллекциями»²⁹².

Как уже упоминалось, новая стратегия заключалась и в изменении масштаба представляемой группы. Вероятно, из-за того, что литераторы пошли вслед за художниками, движение мыслилось не как сугубо литературное («вторая литературная действительность»), а как общее для всех видов независимых искусств и научных поисков. Толстые самиздатовские журналы, ставшие первым показателем изменения концепции неофициального сообщества, призваны были отражать процессы во всех областях культурной жизни. В. Кривулин в докладе на «Первой конференции культурного движения» рассматривает взаимосвязь словесного творчества и изобразительного, преемственность неофициальной литературой идеям художников²⁹³.

Концепция «культурного движения», в свою очередь, была подхвачена представителями изобразительного искусств. В посвящённых им статьях используется название «культурное движение» и процессы в истории неофициального сообщества описываются так же, как и в работах о нонконформистской литературе. Например, статья Л. Гуревич «Неофициальные художники 70-ых: время натиска» начинается с характерной фразы: «В начале 70-х среда неофициальной культуры окончательно стала единым целым: в ней каждый знал о каждом. Само существование этой среды предоставило выбор: имелось некое инобытие, ещё один мир, куда можно было уйти из царства совдепа»²⁹⁴.

Литературно-философская жизнь не ограничивалась только окружением инициативной группы «Лепты». В других неофициальных группах сходным

²⁹² Иванов Б. И. Культурное движение как целостное явление // Часы. 1979. № 21. С. 211–212.

²⁹³ Кривулин В. Б. Пять лет культурного движения. С. 221–229.

²⁹⁴ Гуревич Л. Ю. Неофициальные художники 70-ых: время натиска // Звезда. 1998. № 8. С. 201.

образом выстраивались отношения с властью. В. Пореш описывает историю основанного им религиозного семинара с 1974 по 1979 год как переход от «буйства» к «более спокойному режиму», желанию «просто жить своей жизнью и всё»²⁹⁵.

Общие стремления и поиски толкали к взаимодействию между группами, что и создавало эффект единого движения. В. Пореш обрисовывает независимое сообщество таким образом: «Люди жили как бы в параллельном мире. Так же, как и “Часы”, так и всё. Все друг друга в основном знали, общались, иногда приходили друг к другу. Вот я приходил на семинар журнала “37”, а они приходили к нам. Связи не были очень прочными, крепкими, но они были. Всё примерно одинаково в этом отношении, это была отдельная параллельная среда, в которой было посвободнее. Хотя со своими маразмами, со своими идиотизмами»²⁹⁶.

До отказа в публикации «Лепты» неофициальная среда пыталась отстоять свои права на легальное существование. Данному периоду соответствовало название «вторая литературная действительность» как способ идентификации группы. Выбранный способ поведения оказался неэффективным, так как не учитывал объективно сложившейся ситуации, степени зависимости издательств от государства. После провала первой стратегии, ознаменованного неудачей с выпуском сборника, инициативная группа выработала другую концепцию сообщества, которое получило теперь название «неофициальное культурное движение / неофициальная культура». Группа участников не изменилась, трансформировалась манифестация независимого искусства.

Подготовка альманаха «Лепта» и отказ в публикации стал поворотным событием, приведшим к новому этапу консолидации независимой творческой среды и развитию у авторов понимания своей принадлежности к самостоятельному «несоветскому» искусству.

²⁹⁵ Интервью Е. В. Панкратовой с В. Ю. Порешем.

²⁹⁶ Там же.

Машинописные журналы стали следствием идеи самодостаточности наряду с другими формами проявления культурной жизни независимого сообщества: семинарами, конференциями, которые зачастую организовывались редакторами и поднимали вопросы, ориентированные на задачи издания.

Таким образом, «культурное движение» как группа с определённой концепцией, в основе которой лежит идея самодостаточности неофициального искусства и науки, образовалось в середине 1970-х годов.

В манифестацию «культурного движения» включалось и представление об истории его развития, начиная с 1950-х годов, о чём свидетельствуют статьи в машинописных журналах и доклады на конференциях, организованных редакционными коллегиями изданий. Поэтому данное название начинает употребляться как синоним уже закрепившимся определениям: неофициальное / независимое искусство, самиздат, андеграунд и т. д. Название «вторая литература» или «вторая литературная действительность», как уже вошедшее в практику употребления, также остаётся в этом синонимическом ряду, несмотря на то, что участники сообщества признали его не соответствующим сути движения.

1.6. Литературная стратегия «неофициального культурного движения»

«Неофициальное движение» не признавало право государства утверждать за тем или иным автором статус писателя, художника или ученого, а, напротив, выдвигало нонконформистское творчество в качестве настоящей культуры и отказывалось причислять к ней произведения, подчинённые канону.

«Неофициальное движение» декларировало независимость от официальных институтов, но при этом оставалось в диалоге с культурной политикой государства. На такую «обоюдную обусловленность»²⁹⁷ противоположных направлений в культуре указывает Ю. Лотман в работе «Культура и взрыв».

²⁹⁷ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М. : Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. С 19.

Анализ структуры литературного поля, предложенный в работе П. Бурдые «Поле литературы»²⁹⁸, позволяет рассматривать андеграунд как естественную позицию конкурента, неизбежно возникающую в борьбе с доминирующей идеологией.

Степень автономности поля культурного производства в СССР была сведена к минимуму, то есть артистическая легитимность диктовалась правительством. Так как с позиции государственной идеологии в стране могло существовать только соцреалистическое искусство, то и литературной борьбы быть не могло. В статье «О границах социалистического реализма», опубликованной в сборнике «Актуальные проблемы социалистического реализма», Е. Тагер говорит о том, что отказ от литературной борьбы препятствует развитию литературы: «Мы, к сожалению, давно отказались от идеи борьбы направлений в советской литературе, полагая, что литературная борьба связана с борьбой классов и разных социальных групп и тем самым закончилась где-то в 20-х годах, а в настоящее время существует лишь во взаимоотношениях между социалистическим и враждебным ему капиталистическим лагерями.<...> Но борьба художественных течений свидетельствует о живой жизни искусства, о её сложном диалектическом становлении»²⁹⁹. На практике литературную борьбу замещали методы культурой политики. С помощью цензурного механизма не удалось добиться от писателей и поэтов полного следования государственному запросу, но отношение к этому требованию стало одним из основных факторов расстановки сил внутри поля.

П. Бурдые описывает два принципа иерархизации внутри поля культуры: гетерономный, способствующий «тем, кто экономически и политически доминирует в поле»³⁰⁰, и противоположный ему автономный принцип, благоприятствующий «тем авторам, которых, по крайней мере, на первых порах,

²⁹⁸ Бурдые П. Поле литературы // НЛО. 2000. № 45. С. 22–87.

²⁹⁹ Тагер Е. Б. О границах социалистического реализма // Актуальные проблемы социалистического реализма : сборник статей. М. : Советский писатель, 1969. С. 551.

³⁰⁰ Бурдые П. Поле литературы. С. 26.

знают и признают только подобные им же, и которые обязаны своим престижем тому факту, что они не идут на уступки запросам широкой публики»³⁰¹. Соцреалистическая литература соответствует гетерономному принципу иерархизации внутри литературного поля, а неофициальная литература – автономному принципу.

Сборник «Лепта» был попыткой вступления в легитимируемую государством литературу на основании соблюдения некоторых требований, диктуемых властью, и отказа от экономической выгоды (альманах задумывался как безгонорарное издание). Данная стратегия оказалась неэффективной, так как санкционированная альтернатива идеологически проверенному искусству не допускалась государством и была не выгодна писателям и поэтам соцреалистического направления, уже занявшим благоприятное положение.

Понимание провала данного способа борьбы побудило представителей андеграунда попробовать новую стратегию поведения. Выбранная концепция сходна с описанием у П. Бурдьё элитарного суб-поля, «фундаментальным законом которого является независимость от требований извне»³⁰². Его принципы, названные автором, совпадают с концепцией «неофициальной культуры»: исключается преследование материальных выгод, порицается «стремление к почестям и “преходящему” величию»³⁰³.

Отрицание доминирующего художественного направления как необходимое условие укрепления собственных позиций реализовалось специфическим образом во взглядах участников «независимого движения». Так как соблюдение канона соцреализма диктовалось государством, то закономерным объектом протеста стало само право выдвижения властью критериев для литературы и удостоверения за тем или иным автором статуса писателя, поэта и т. п. Причём протест не означал проведения активных действий, направленных на разрушение монополии на искусство, а заключался в декларации «собственного

³⁰¹ Бурдьё П. Поле литературы. С. 26.

³⁰² Там же.

³⁰³ Там же.

пути», отрицании ценности легитимного признания: «мы не хотим смыкать проблемы культуры с политическими маневрами, когда писатели, поэты, музыканты толпятся в приёмной культурного политика, вышибая и выпрашивая для себя и своих приятелей и знакомых социальные заказы и привилегии»³⁰⁴.

Выступление против социалистического реализма было опробовано в 1950-е годы, когда студенческий самиздат (стенгазеты, рукописные и машинописные журналы) высказывался за обновление и свободу в литературе. Журнал «Голубой бутон», выпущенный в 1955 году студентами филфака ЛГУ, декларировал: «Мы будем бороться с серостью в форме и пошлостью в содержании»³⁰⁵. В предисловии журнала «Ересь» (1956) Ленинградского государственного библиотечного институт им. Н. К. Крупской говорилось, что в «трактовке содержания, формы своих произведений авторам предоставляется полная свобода мнений»³⁰⁶. В стенгазете «Культура» (1956) ЛТИ им. Ленсовета заявлялось: «К чему бы мы ни обратились – к литературе, музыке, живописи, архитектуре и т. д., – всюду застой, шаблон, уход от правды жизни»³⁰⁷. Журнал «Свежие голоса» (1956) Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта уже в своём названии заявлял протестную позицию по отношению к уже состоявшимся официальным писателям и поэтам. В передовой статье авторы сообщали: «Признавая партийность литературы, мы не можем признать абсолютного подчинения литературы идее, отдать все искусство под власть пропаганды, нам нужно и легкое искусство»³⁰⁸. Выступления против застоя в культуре и против соцреализма были допустимы, так как в период «оттепели», благодаря государственной политике, создалась иллюзия возможности литературной борьбы. Издатели «самочинных» газет и журналов, отстаивая право на существование собственного творчества, отрицали доминирующее искусство.

³⁰⁴ Иванов Б. И. Культурное движение как целостное явление. С. 216.

³⁰⁵ Цит. по: Вступительная статья «Голубой бутон» // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати»). С. 130.

³⁰⁶ Цит. по: Самиздат Ленинграда. С. 403.

³⁰⁷ Там же. С. 416.

³⁰⁸ Там же. С. 449.

Самым ярким в этом отношении стал второй номер стенгазеты «Литфронт литфака» (1956), вышедший на факультете русского языка и литературы Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. В выпуске был помещен ряд статей, объединённых идеей «похорон соцреализма». Материал содержал следующие выпады: «горьковское дерево социалистического реализма захирело»³⁰⁹ и «советская литература, разумеется, не исчерпывается и не должна исчерпываться писателями, принадлежащими к так называемому социалистическому реализму»³¹⁰. Важно, что в период 1950-х годов начинающаяся неофициальная литература строила свои заявления об обновлении, не касаясь вопросов, выходящих за пределы искусства.

На отсутствие политических установок в творчестве 1950-х годов указывает В. Британишский в статье «Студенческое поэтическое движение в Ленинграде в начале оттепели». При этом он оговаривает возникающий независимо от настроений авторов эффект причисления их к оппозиции государственному строю³¹¹.

Данная форма литературной борьбы оказалась возможна, так как её допускала политика государства в 1950-е годы. В середине 1950-х годов студенческие газеты ещё вызывали реакцию в прессе. Так, например, газета «Смена» (от 14 декабря 1956 года) высказалась против «нездоровых настроений», появившихся в части вузовской молодёжи, имея в виду рукописный журнал «Свежие голоса» и газету «Культура», которые выступили против социалистического реализма «за так называемую “свободу творчества”»³¹². То есть в середине 1950-х годов существование другой литературы, помимо официально издаваемой, властями осуждалось, но официально признавалось.

Завершение периода «оттепели», усиление цензурного контроля устранило возможность открытого противостояния «молодой литературы» соцреализму.

³⁰⁹ Цит. по: Самиздат Ленинграда. С. 422–423.

³¹⁰ Там же. С. 423.

³¹¹ Британишский В. Л. Студенческое поэтическое движение в Ленинграде в начале оттепели // НЛО. 1995. № 14. С. 167.

³¹² Там же. С. 172.

По сравнению с 1950-ми годами в середине 1970-х годов независимое творчество властью не признавалось в качестве альтернативного искусства, и о нем говорили только в рамках борьбы с инакомыслием, тем самым исключая возможность легальной конкуренции с признанным направлением

Помимо собственно эстетического противостояния, другим вариантом стратегии завоевания позиции в поле производства культуры могло стать противостояние политике государства. Такой путь сулил больший отклик в «империалистическом» лагере или в среде оппозиционно настроенной интеллигенции, но и был сопряжён с и большей опасностью. Данную тактику отражает диссидентская деятельность.

«Неофициальная культура» выбрала манифестацию игнорирования существующего режима и санкционированной им культуры, а не декларацию борьбы с ними. «Независимое движение» подчёркивало свой неполитический характер, выражающийся в намеренном отстранении от участия в каких-либо государственных институтах: «Мы живём под другим небосводом»³¹³. (Хотя в силу близости положений нонконформистского и правозащитного движений их деятельность пересекалась. Например, реферативный журнал «Сумма» (1979–1982) включал в себя описание изданий, специализирующихся на культуре, и материалы по правам человека в СССР). Л. Алексеева объясняет уход независимых авторов в исключительно «духовные поиски» социальными причинами. А именно тем, что при наличии большого количества гуманитариев-профессионалов в Ленинграде, выпускаемых более чем десятью учебными заведениями, среди которых филологический и исторический факультеты ЛГУ, сложилась ситуация дефицита рабочих мест по специальности. Те, кому удалось устроиться в соответствии с полученным дипломом, осознавали количество претендентов на их должности. Поэтому они старались не вызывать недовольство начальства и тем более КГБ, чтобы не лишиться с трудом полученной работы. Боязнь её потерять привела к тому, что «служилая» интеллигенция заняла

³¹³ Горичева Т. М., Кривулин В. Б. Евангельские диалоги. С. 4.

позицию конформизма. Либерально настроенная часть стремилась как можно меньше соприкасаться с политикой, посвятив себя исключительно профессии. На этот путь дистанцирования от влияния советского строя, пролегающий через занятие сложной теоретической наукой, указывает в автобиографии поэт Л. Березовчук: «А у “семидесятника” какая была жизненная позиция? Залезть как можно дальше, чтобы “директивным органам” тебя не было видно, и делать что-то настолько непонятное для обыденного сознания, чтобы те же “органы” тебе не мешали заниматься любимым делом»³¹⁴.

Дипломированные филологи, историки, художники и пр., не нашедшие применения своим знаниям в официальной сфере, вынуждены были осваивать неквалифицированный труд (лифтеров, сторожей, истопников), который оставлял много времени для свободного занятия искусством или наукой, зачастую в запретных областях знаний, компенсируя тем самым отсутствие профессионального статуса. Л. Алексеева называет этот слой «лишними людьми».

Несмотря на разное положение «служилых» и «лишних», и в той, и в другой среде выработалось отрешение от жизни ради «высоких» интересов. И если у первых оно было продиктовано страхом потерять престижный социальный уровень, то у вторых – пониманием невозможности его достичь. Для представителей независимой литературы результатом этого процесса стало духовное отшельничество, уход от общественных проблем. В качестве другой причины отстранения от политики Л. Алексеева называет нежелание привлекать к себе КГБ, которое и так обращало внимание на неординарность независимого сообщества³¹⁵.

Отстаивание «культурным движением» своего отдаления от государства и санкционированного им искусства не отменяет участия независимой литературы в конкуренции с соцреалистическим направлением. Концепция самодостаточности

³¹⁴ Березовчук Л. Н. // Лица петербургской поэзии. С. 190.

³¹⁵ Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. С. 286–287.

нонконформистского искусства является оглашением автономного принципа, включённого в борьбу в поле производства культуры. Отрицание канона в искусстве и исповедование свободы творчества оказывается способом завоевания собственной позиции.

Так как гетерономный принцип в условиях культурной политики СССР поддерживался не столько популярностью в широких массах, сколько соответствием государственным директивам, тиражом (или вообще допуском в печать), то автономный принцип оглашался не через игнорирование литературного успеха, а через отрицание социального успеха. Отвергалась заинтересованность в политических и экономических выгодах. Идеология «неофициальной культуры» противопоставляла категории «социальное» – «культурное / духовное». К литературному признанию в массах представители «неофициального культурного движения» даже стремились. Например, К. Кузьминский пишет о своем желании привлечь на организованные им поэтические чтения как можно больше народу и сожалеет, что не удалось «покрыть» больше тысячи слушателей³¹⁶.

Игнорирование доминирующей, заданной государством системы ценностей означало отказ и от признания социальной иерархии, что нашло отражение в предпочтении неофициальными авторами профессий сторожей, лифтеров, кочегаров и т. п. Непрестижные виды работы позволяли посвящать большую часть времени творчеству, что согласовывалось с установками на предпочтение культуры взамен общественному положению. Образ жизни становился частью литературной манифестации.

Концепция независимости выражалась в преодолении канона в творчестве. Сам факт несоблюдения требований цензуры стал формой литературной борьбы.

В противовес финансируемому соцреализму «независимая культура» естественным образом оказалась в роли некоммерческого искусства, которое «не включает в свою структуру каких-либо механизмов экономической

³¹⁶ Кузьминский К. К. Белые ночи и прочая карусель.

зависимости»³¹⁷. Эта особенность акцентировалась представителями движения. Так, премия Андрея Белого, учреждённая редколлегией журнала «Часы» в составе А. Драгомощенко, Б. Иванова, Ю. Новикова, Б. Останина, присуждаемая за достижения в неофициальной литературе и критике, имела материальное выражение в один рубль. Несмотря на некоммерческий характер, «неофициальная культура» не утверждала себя в роли «искусства для искусства». Так как основа протеста находилась в области государственного устройства, то отдалённая цель виделась в преобразовании жизни общества. Культура должна была способствовать развитию личности, при условии духовного роста всех жителей страна также вступила бы на путь преобразований.

Из-за того, что в основе манифестации лежало отрицание внешних по отношению к культуре факторов, собственно литературных принципов «неофициальное движение» не заявляло. Основатель журнала «Часы» Б. Иванов в качестве критериев отбора материалов называл «нонконформизм и профессионализм»³¹⁸, что без расшифровки, которая дана не была, звучит абстрактно. Редколлегия журнала «37» (Т. Горичева, В. Кривулин, Л. Рудкевич) во вступительном слове к первому номеру сообщают, что в разделы «Художественная проза» и «Стихи» будут входить публикации «наиболее интересных произведений современной русской литературы, которые почему-то не могут быть опубликованы в официальных изданиях» и «наиболее интересных поэтов Ленинграда, Москвы и других городов»³¹⁹. Параметры «интересности» также не разъяснялись.

На фоне жёстких требований цензуры, неофициальное искусство делает свободу творчества частью манифестации. В статье Б. Иванова «Повторение пройденного» указывается эта тенденция: «Советский авангард выдвигает открытость всем веяниям, всем культурным морфемам, и этим он осуществляет

³¹⁷ Иванов Б. И. Культурное движение как целостное явление. С. 212.

³¹⁸ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати»). С. 83.

³¹⁹ От редакции // 37. 1976. № 1. Без нумерации.

общекультурную и общепросветительскую задачу»³²⁰. Авангард в данном случае используется как синоним «нонконформистского искусства». (Также в этой цитате проявляется отношение к искусству как к средству преобразования общества). В докладе на «Первой конференции культурного движения» Б. Иванов снова указывал как на достоинство на разнообразие творческих установок авторов: «То, что некоторыми воспринимается как слабость: отсутствие у культурного движения “единой платформы”, – есть условие свободы внутри самого движения и условие его богатства»³²¹.

Об этой черте независимого сообщества говорит и Л. Алексеева в книге «История инакомыслия в СССР», отмечая, что «основные художественные и нравственные принципы деятелей “второй культуры” – свобода творчества и, следовательно, свободный выбор направления поисков и стилей» были направлены на преодоление вмешательства властей в литературный процесс, отменивших все направления в искусстве «ради единообразия соцреализма» и все направления «духовной жизни, кроме диалектического материализма»³²².

В соответствии с теорией П. Бурдьё борьба в поле культурного производства принимает форму конфликта дефиниций, заключающегося в том, что «каждый агент пытается навязать другим границы поля, в наибольшей степени удовлетворяющие его интересам, или, иными словами, навязать определение условий принадлежности к полю (или права на получение статуса писателя, художника или ученого), которое лучше всего оправдывает избранный им способ существования»³²³. Описанное противостояние отразилось и на отношении нонконформистских авторов и публикующихся в государственных издательствах. Официальная точка зрения не признавала «вторую литературную действительность». Отказ производителей, подчинённых гетерономному принципу, в публикации сборников, составленных самостоятельно («Горожане»,

³²⁰ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Часы. 1977. № 8. Без нумерации.

³²¹ Иванов Б. И. Культурное движение как целостное явление. С. 213.

³²² Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. С. 287.

³²³ Бурдьё П. Поле литературы. С. 29–30.

«Лепта»), соответствует тактике недопущения конкурентов в «границы поля». Но «самый факт борьбы против “новичков”, существования которых они [доминирующие агенты] не хотят признавать, дает “новичкам” право на существование»³²⁴. С точки зрения андеграунда, авторы, придерживающиеся соцреалистического направления, не являлись настоящими «писателями» или «поэтами». К лишению данной дефиниции вело само попадание в легальную печать, которое влияло и на восприятие текста.

Тем не менее, «правило допуска» в неофициальную литературу не было однозначно выстроено. В самом грубом приближении критерием можно назвать отсутствие официальных публикаций. При составлении антологии «Острова» (1982), которая задумывалась как первое полное собрание независимой поэзии, учитывалось наличие выпущенной в государственном издательстве книги – в этом случае автор не принимался. Хотя официальная публикация отдельных стихотворений не влияла на включение в антологию. Попадание в самиздатовский журнал и, соответственно, наделение статусом «писателя» или «поэта» могло объясняться эстетическими или философскими представлениями главного редактора. Эти параметры влияли, но не определяли полностью общий принцип установления «границ поля». При наличии столь яркого конкурента в борьбе как официальная печать основополагающие критерии «выводились от противного», то есть значимым было отсутствие совпадений с цензурным канонам.

Стратегия «неофициальной движения» была закономерным выбором положения в сложившихся исторических условиях. Независимые художники, существовавшие в той же ситуации, выработали сходную позицию. В противовес соцреализму они выступали за возможность выхода к зрителю всем желающим и не формулировали чётких критериев для авангарда. На выставке в ДК им. Газа независимые художники настаивали на том, что у участников нет общего кредо или метода. На обсуждении, состоявшемся после закрытия показа, живописец

³²⁴ Бурдые П. Поле литературы. С. 32.

В. Овчинников сообщил собравшимся, «что у выставки нет никакой идеологической платформы»³²⁵. После успеха в ДК им. Газа инициативная группа художников направила письмо в Главное управление культуры исполкома Ленгорсовета с предложением организовать новые показы работ. Среди принципов подготовки и проведения было указано, что «в выставке принимают участие все художники, зарегистрированные инициативной группой за 3 недели до открытия выставки»³²⁶.

Также художники заняли позицию незаинтересованности в политике, но «против воли вступали в политику – просто потому, что власти приравнивали художественное инакомыслие к политическому»³²⁷.

Идея перехода сообщества андеграунда на новый этап, связанный с дистанцированием от государственных институций на основании представления, что настоящую ценность имеет именно независимое творчество, которое поэтому не нуждается в официальном признании, выражена в первом номере журнала «37». Наиболее откровенно эта мысль звучит в «Евангельских диалогах» Т. Горичевой и В. Кривулина: «...культура (которую и культурой-то назвать как-то стеснительно) обнаруживает себя существующей лишь перед лицом социального судилища – до последнего времени было так. Она находила своё существование только там, где начиналось царство общественного небытия, она сама иначе не видела себя, как неким антибытием – и была мертва, как тело, не одушевленное ещё разумом. Но наступает миг, когда требуется утверждение или, по крайней мере, двойное отрицание: Небытия нет!»³²⁸.

Первый номер журнала «37», выпущенный как ответ на отказ в официальной публикации альманаха «Лепта», реализует стратегию «неофициального движения»: отрицание ограничений в искусстве и утверждение собственной исторической ценности.

³²⁵ Газаневщина. С. 127.

³²⁶ Там же. С. 134.

³²⁷ Гуревич Л. Ю. Неофициальные художники 70-ых: время натиска. С. 203.

³²⁸ Горичева Т. М., Кривулин В. Б. Евангельские диалоги. С. 3.

В № 1 журнала «37» во вступительном слове редколлегии указываются причины, побудившие к созданию издания, и приводится список рубрик будущих публикаций. Редколлегия заявляет о высоком статусе кружкового общения, не сомневаясь в его объективной ценности: «Значимые факты живого культурного процесса зачастую остаются достоянием маленькой группы людей»³²⁹.

Перечисленные разделы снабжены пояснением относительно их содержания. Эти комментарии показывают, что предполагаемый материал выходит за пределы цензурного канона.

Раздел «Диалоги» характеризуется как «свободное дискутирование по любым, без ограничений, вопросам духовной и культурной жизни»³³⁰, что намекает на ограничение тем, которые можно обсуждать официально. Сопоставление с подвергаемой контролю печатью не высказано прямо, и наличие данного смысла спорно, но в контексте последующих толкований рубрик прочитывается в нонконформистском ключе.

Про разделы «Художественная проза» и «Публикации» сказано, что в них будут издаваться современные художественные произведения и стихи, проза, статьи, воспоминания и письма «ведущих русских мыслителей, поэтов, учёных прошлого»³³¹, «почему-либо не публикуемые в официальной печати»³³².

В описании «Научного отдела» внимание акцентировано на обсуждении проблем специалистами (слово подчёркнуто на печати). Отмечается высокая квалификация авторов, включаемых в журнал.

«Переводы» анонсированы как раздел, в котором «на русском языке впервые будут опубликованы фактически неизвестные в России произведения зарубежных философов, писателей, поэтов, определяющих духовный облик современной мировой культуры»³³³ (слово «впервые» подчёркнуто на печати). Из

³²⁹ От редакции // 37. 1976. № 1. Без нумерации.

³³⁰ Там же.

³³¹ Там же.

³³² Там же.

³³³ Там же.

приведённой цитаты видно, что журнал демонстрирует свою уникальность и берёт на себя функцию приобщения советского читателя к мировой культуре.

Материал, опубликованный в этом номере, касается тем, связанных с противопоставлением двух типов сознания: стандартизированного, связанного с подчинением государственному устройству, и свободного, духовного.

Журнал открывается «Евангельскими диалогами» В. Кривулина и Т. Горичевой, где взаимоотношение между официальной культурой и «неофициальной культурой» переводится в общий принцип противостояния социального и духовного. Для утверждения значимости позиции «независимого движения» авторы статьи прибегают к основополагающим христианским образам. Эпиграфом к этому сочинению поставлена цитата из Евангелие: «Пилат спросил Его: Ты Царь Иудейский? Он сказал ему в ответ: Ты говоришь» (Лк., 23:3). Рассуждение авторов начинается с рассмотрения данного диалога Пилата и Иисуса. Пилат подаётся как человек, мыслящий в социальных категориях, за которым «стоит огромная, налаженная государственная машина – проводник и орудие зла, направленная против человека»³³⁴, как «колёсико и винтик имперского механизма»³³⁵. Как «двойники Пилата» описываются современники, которые «навязывают миру культуры и Духа свои двусмысленные определения, свои однозначные мотивы»³³⁶, питают «глубочайшее недоверие ко всему подлинному и здоровому»³³⁷. В рассуждениях авторов Пилат и люди, служащие идее государства, противопоставляются «миру неофициальной культуры»³³⁸, «миру культуры и Духа»³³⁹ и, соответственно, Иисусу. В сжатом виде это противопоставление оформляется как «социальное небытие» и «духовное бытие»³⁴⁰.

³³⁴ Горичева Т. М., Кривулин В. Б. Евангельские диалоги. С. 1.

³³⁵ Там же. С. 2.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Там же.

³³⁸ Там же.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Там же. С. 3.

В разделе «Проза» помещена глава «Иван и Мастер» из книги Е. Миллиор «Размышления о романе М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”». Статьи, вошедшие в книгу, писались с 1967 по 1975 год, официально были опубликованы в 1995 году (Миллиор Е. А. Размышления о романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 1995. Спецвыпуск. С. 7–129). Название работы в журнале «37» не указано, автор обозначен инициалами Е. М. Анализ романа строится на идее изменения «духовного “я”»³⁴¹ Ивана: «образ Ивана на протяжении романа раскрывается в движении, но не внешнем, сюжетном, движении, автор рисует его духовный путь»³⁴². Персонажи произведения делятся на две категории: люди с «запрограммированностью» мышления³⁴³ и носители «более высокой ступени духовного познания»³⁴⁴. На одном полюсе находится Берлиоз, на другом – Мастер. В работе прослеживается путь внутреннего перерождения Ивана.

В этом же разделе опубликован отрывок из романа Г. Сомова «Cholera Morbus», начинающийся с описания жизни императора Николая I в Царском селе. Образ императора не имеет явных положительных или отрицательных коннотаций, но сама тема обращения к дореволюционной России показывает «несоветское» направление журнала.

В журнале нет каких-либо прямых выпадов против власти, но, во-первых, выбранные темы подобраны в ключе противостояния официальному канону: западная философия, религия, дореволюционная Россия. Во-вторых, в содержании материала прослеживается сопоставление двух позиций – конформистской и свободной. Таким образом, журнал завоёвывает свой статус культурного носителя через сопоставление с официальной литературой, подчинённой цензуре.

³⁴¹ Е. М. Иван и Мастер : глава из монографии, посвящённой роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // 37. 1976. № 1. С. 119.

³⁴² Там же. 115.

³⁴³ Там же. С. 112.

³⁴⁴ Там же. С. 118.

Манифестация «независимого движения» на страницах журнала происходит через сам факт преодоления канона – обращение к «непроходным» темам, через акцентирование внимания на противопоставлении духовного и социального, через тематику опубликованных материалов, которые показывают ориентирование журнала на мировой научный уровень и литературный процесс. Причём последний задан в двух плоскостях: с одной стороны, «неофициальное культурное движение» продолжает дореволюционную русскую культуру, с другой – находится в контексте современного западного искусства.

«37» был первым журналом, выпущенным как результат новой стратегии самодостаточности неофициального сообщества. Вслед за ним появился журнал «Часы». Несмотря на то, что оба журнала отражают концепцию «независимого движения», направленного против культурной политики СССР и, следовательно, против канона, издания по-разному его преодолевают. «Часы» отрицают канон как таковой, в связи с чем редакция принимает к публикации все материалы, поданные независимыми авторами. «37» отрицает соцреалистический канон, поэтому помещает произведения, которые противоречат цензурным требованиям.

Таким образом, идея независимости и отстранённости «культурного движения» от государственной политики в отношении искусства являлась формой литературной борьбы и выразилась в практике преодоления канона, причём неофициальными журналами были представлены разные варианты этой стратегии.

Участники «независимого движения» в самиздатских журналах («37», «Часы») и на нелегальных конференциях декларировали позицию существования в параллельном мире, не соприкасающемся с официальной культурой. Тем не менее, пребывание в одном поле литературы диктовало правила конкурентной борьбы. Андеграунд, заявляя о своём присутствии в поле, по своей сути должен был отвергать правила доминирующего искусства. Поэтому многие особенности «независимого движения» появлялись из противостояния чертам соцреалистического направления.

Подобный способ выстраивания оппозиций описан в статье Л. Ионина «Культура на переломе (механизмы и направление современного культурного развития в России)». Автор на основе модели, разработанной Ю. Лотманом и Б. Успенским, выделяет свойства, характеризующие моностилистическую культуру, которая преобладала в СССР. В работе перечислены следующие признаки моностилистической культуры: *иерархия, канонизация, упорядоченность, тотализация, исключение, упрощение, официальный консенсус, позитивность, телеология*³⁴⁵ (курсив Л. Ионина).

Л. Ионин считает, что после падения советской власти культура приобрела полистилистические черты. Они явились следствием выхода на поверхность разнохарактерных тенденций, ранее сдерживаемых идеологической системой. Полистилистическая культура оказывается противоположна по своим особенностям моностилистической культуре. Соответственно её признаками оказались: *деиерархизация, деканонизация, неупорядоченность, детотализация, включение, диверсификация, эзотеричность, негативность, ателеология*³⁴⁶ (курсив Л. Ионина).

Так как самиздат имел в своей основе противостояние государственной политике в отношении искусства, то по аналогии с концепцией Л. Ионина можно предположить, что самиздат как культурная система обладает чертами полистилистической культуры. «Неофициальное движение» как часть социокультурного феномена самиздата также обладает чертами полистилистической культуры. Данная гипотеза подтверждается при соотнесении особенностей полистилистической культуры, выделенных Л. Иониным, с практикой литературно-художественной жизни сообщества андеграунда.

В признак *деиерархизации*, названный Л. Иониным, входит «неприятие сакрального доктринального ядра, очерчивающего некую священную, “неприкасаемую”, не подлежащую анализу и критике жизненную сферу,

³⁴⁵ Ионин Л. Г. Культура на переломе. С. 43.

³⁴⁶ Там же.

определяющую степень сакральности других сфер и служащую критерием оценки любых социокультурных факторов и явлений»³⁴⁷. Данная черта выявляется и в «неофициальном движении»: в среде андеграунда были распространены семинары, дискуссии и т. п., на которых обсуждались различные вопросы литературы, философии, религии и пр. Причиной, побудившей к организации такого рода общения, было желание участников свободно высказываться на любые темы. Причём ценность этих мероприятий для представителей «подполья» была настолько велика, что самиздатские журналы отчасти возникли из желания зафиксировать беседы как материал, ценный для науки и искусства. В предыдущем разделе упоминалось, что редколлегия журнала «37» во вступительной статье обозначала, что машинописное издание призвано сохранить то, что ранее пребывало в форме частных бесед. Журнал «Диалог» (1979–1981) также возник из переписки С. Стратановского и К. Бутырина, которые сочли, что их мысли должны быть интересны читателям.

Об отсутствии каких-либо единых, общепризнанных ориентиров в среде «неофициального движения» свидетельствуют изложения (опубликованные в журналах «Часы», «37») проходивших независимых семинаров и т. п., где представлялись различные точки зрения по вопросам, вынесенным на обсуждение. Например, на конференции-дискуссии «Христианство и гуманизм», состоявшейся 5 ноября 1976 года, докладчики В. Голубев, Т. Горичева, Б. Иванов, В. Кривулин, Л. Рудкевич, Е. Пазухин, М. Пеккер, В. Филиппов рассматривали соотношение заявленных в названии понятий, исходя из различных, зачастую противоположных, ценностных ориентиров³⁴⁸.

В понимании искусства в неофициальном сообществе также не существовало единых основ. На «Первой независимой конференции культурного движения» (1979) выступающие говорили о необходимости выработать

³⁴⁷ Ионин Л. Г. Культура на переломе. С. 43.

³⁴⁸ Христианство и гуманизм // 37. 1978. № 7/8. Без нумерации. № 7/8 журнала «37» цитируется по номеру, представленному в электронной библиотеке самиздата на сайте Университета Торонто (Канада).

параметры, определяющие качество неподцензурной литературы, так как осознавали их отсутствие. В. Кривулин в своём докладе говорит: «...мы, имея дело с непрерывным потоком текстов, картин, даже музыкальных произведений, часто не имеем критериев оценки»³⁴⁹.

Нелегальная наука, в свою очередь, тоже шла по пути отрицания любых проявлений идеологических влияний: как диктуемых государством, так и противоположных им диссидентских ориентиров, объявляющих священным всё и всех, пострадавших в борьбе с режимом. Об этом пишет в статье «Студенты-историки между официозом и “либеральной” наукой»³⁵⁰ Л. Жмудь, участвующий в выпуске журнала «Метродор» (1978–1982).

К *деиерархизации* относится также «отказ от особо отличаемой группы бюрократов, экспертов или же творцов культуры, стоящих на вершине культурной иерархии»³⁵¹.

Несмотря на вводимую отдельными машинописными изданиями политику строгого отбора произведений для печати (например, журналами «37», «Обводный канал») или на присуждение литературной премии Андрея Белого, редакторы и учредители не занимали абсолютную авторитетную позицию по отношению ко всему «неофициальному движению». Не нашедшие удовлетворения или признания в устоявшихся толстых журналах, таких как «37» и «Часы», создавали свои собственные. Так появились альманахи «Женщина и Россия» и женский журнал «Мария», журнал «Обводный канал». Альманахи, которые стремились подвести итоги литературы андеграунда, такие как «Острова», не имели столь большого авторитета, чтобы с ними нельзя было не согласиться. (Но, так или иначе, именно эти издания работали на историю неподцензурной литературы). В целом, обилие самиздатовских журналов показывает отсутствие какой-либо утвержденной группы специалистов в

³⁴⁹ Кривулин В. Б. Пять лет культурного движения. С. 222.

³⁵⁰ Жмудь Л. Я. Студенты-историки между официозом и «либеральной наукой» // Звезда. 1998. № 8. С. 204–209.

³⁵¹ Ионин Л. Г. Культура на переломе. С. 43.

искусстве, таковым мог объявить себя любой. Показательно, что в работах неофициальных авторов неоднократно обыгрывается идея исключительной одарённости всех представителей независимой литературы, что воспринимается уже как нечто обыденное. Например, в произведении «Раман» В. Лапенкова говорится, что «Талант – дело обыкновенное. У кого его нет?!»³⁵². Или в его статье «Опыт ненужного исследования», написанной под псевдонимом И. Непруха и В. Константиади, высказывается мысль, что «Гениальность – самое обыкновенное явление в нашем мире после глупости»³⁵³.

Можно предположить, что в самиздат попадали только произведения, обладающие некой ценностью для сообщества, так как в противном случае никто бы ни стал прикладывать силы к их перепечатыванию и распространению. Данное утверждение может быть применимо только к текстам, получившим действительно широкое хождение. Зачастую тираж журнала соответствовал одной закладке печатной машинки (5–10 экземпляров), которую обеспечивал издатель. На этом перепечатывание останавливалось. То есть признание качества произведения определялось предпочтением тех, кто готов был затратить усилия на его публикацию.

Следующий признак, названный Л. Иониным, – *деканонизация*, означающий «исчезновение, либо ослабление жанровых и стилистических норм, смешение жанров и стилей»³⁵⁴. Различные варианты воплощения данного свойства полистилистической культуры искусство андеграунда предоставляет на протяжении всей своей истории. Эту характеристику отмечает С. Савицкий в книге «Андеграунд»: «Авторы, принадлежавшие к этому сообществу, развивали традицию синкретического авангарда, в рамках которой искусства сливаются в едином художественном замысле, размывая внутренние границы»³⁵⁵. Показательные примеры можно найти в творчестве группы Хеленуктов.

³⁵² Лапенков В. Б. Раман // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1970-е. С. 394.

³⁵³ Непруха И., Константиади В. Опыт ненужного исследования // Часы. 1978. № 13. С. 208.

³⁵⁴ Ионин Л. Г. Культура на переломе. С. 44.

³⁵⁵ Савицкий С. А. Андеграунд. С. 7.

Например, изобретённый ими жанр «драмагедии» заключался в записи беседы участников группы (драма в трех действиях с прологом и эпилогом «Летний вечер», телевизионная пьеса «Рукоять бенефического рукоделия»).

В статьях и произведениях, печатавшихся в журнале «Часы», границы жанров часто стираются. Например, один из редакторов журнала Б. Останин публиковал рассуждения о литературных произведениях (о поэзии Е. Шварц³⁵⁶, о строках из стихотворения А. Ахматовой «Песня последней встречи»³⁵⁷) в виде диалогов нескольких персонажей, которые носят псевдонимы Б. Останина, под которыми он фигурирует как автор или редактор других статей в «Часах» (И. Бонч, А. Бруевич, П. Неслухов, Е. Горчаков-Горбунов, О. Осьмеркин). Причём такого рода произведения попадали и в раздел «Критика», и в раздел «Проза».

Зачастую тексты, публиковавшиеся в «Часах», сложно с уверенностью причислить к научным или к художественным. Например, В. Кушев (печатался также под псевдонимом В. Амбросимов) публиковал в журнале результаты своих исследований в области паранормальной науки. Он определял своё творчество как «поиск методов объективной интерпретации текстов различных уровней (научных, художественных, текстов личной и коллективной истории), благодаря чему любое произведение совмещает в себе черты как художественного, так и научного жанров»³⁵⁸.

Следующим признаком полистилистичекой культуры названа *неупорядоченность*, которая заключается в «нарушении пространственно-временного порядка реализации культурных явлений»³⁵⁹, то есть устранение чёткого функционального назначения, закреплённого за определённым помещением, и отказ от установленного расписания часов, отводимых для той или иной деятельности. Любая площадка может быть использована в творческих целях.

³⁵⁶ Бонч И. Марсий в клетке : стенограмма доклада на летнем семинаре «Оредежские чтения» 17 июня 1977 года // Часы. 1978. № 14. С. 262–301.

³⁵⁷ Бруевич А. Из разговоров Бонча и Бруевич // Часы. 1979. № 16. С. 26–39

³⁵⁸ Цит. по: Самиздат Ленинграда. С. 243.

³⁵⁹ Ионин Л. Г. Культура на переломе. С. 44.

Это свойство проявлялось в эпатажном поведении некоторых неофициальных групп, составивших историю независимой культуры. Ещё в пятидесятые годы «филологическая школа» стремилась к публичным нестандартным проявлениям. Например, 1 декабря 1952 первокурсники отделения журналистики ЛГУ М. Красильников, Э. Кондратов и Ю. Михайлов пришли на занятие по русскому языку в пародийно-русофильских костюмах и записывали лекции перьями, выдранными из куропатки. В перерыве «филологи» сделали из принесённых с собой продуктов квасную тюрю, которой угощали однокурсников, и распевали «Лучинушку» и «Дубинушку»³⁶⁰. В другой раз Л. Виноградов, Л. Лосев и М. Ерёмин, гуляя вечером по Невскому проспекту, решили, что стоит прилечь отдохнуть, что незамедлительно и сделали на тротуаре, шокировав тем самым прохожих³⁶¹.

Захваченные в сферу жизни андеграунда кафе превращались в места сбора неофициального сообщества, изначальное назначение мест общепита уходило на задний план. Самые популярные среди них – кафе на Малой Садовой и Сайгон. Площадками для чтения стихов становились сами кафе и близлежащие садики.

Проведение выставок, чтений на открытом воздухе тоже характерно для неофициального искусства. Яркий пример – «бульдозерная выставка», состоявшая 15 сентября 1974 года в Москве в лесопарке Беляево. Сведения о других художественных акциях предоставляли самиздатские журналы. В частности журнал «37» освещал «Коллективные действия» А. Монастырского. Например, в номере № 16 (1978) рассказывается о двух лозунгах, каждый размером 10 на 1 метр, размещённых в загородной местности. Первый появился на краю леса у посёлка Фирсановка и содержал следующее сообщение: «Я ни на что не жалуюсь и мне всё нравится, несмотря на то, что я здесь никогда не был и не знаю ничего об этих местах». Второй был вывешен более года спустя под Звенигородом: «Странно, зачем я лгал самому себе, что я здесь никогда не был и

³⁶⁰ Кондратов Э. М. Из книги «Университетская набережная. Нечто мемуарное» // К истории неофициальной культуры и современного зарубежья. С. 463–467.

³⁶¹ Лосев Л. В. Тулупы мы // НЛЮ. 1995. № 14. С. 211.

не знаю ничего об этих местах – ведь на самом деле здесь так же, как и везде – только ещё острее это чувство и глубже не понимаешь»³⁶².

Стоит акцентировать внимание на том, что данные акции художников проходили в Московской области. Но интерес к ним ленинградских авторов, освещение событий в самиздатовских журналах «неофициального движения» показывает отношение издателей к данным перформансам как к включённым в действия единой обширной группы.

В большей степени свойство *неупорядоченности* можно усмотреть в превращении частных квартир в места проведения выставок, семинаров, конференций и редакций журналов. Но в данном случае «нарушение пространственно-временного порядка» обусловлено необходимостью – отсутствием возможности проведения культурных мероприятий в предназначенных для этого помещениях, продиктованное игнорированием или запретом советским государством неканонического искусства.

Выдвигаемый Л. Иониным признак *детотализации* применим для характеристики «неофициального культурного движения» с некоторыми оговорками. Данное свойство определяется как отсутствие в культуре «какого-либо видимого, воспринимаемого единства»³⁶³. Нелегальное искусство 1950–1980-х годов представляет самый широкий спектр форм его воплощения, и говорить о его «видимом единстве» можно только в качестве противопоставления официальному канону. Но с конца 1970-х и по конец 1980-х, когда появляется стратегия «независимого движения», в среде андеграунда наблюдается стремление различными способами целиком охватить все проявления неподцензурного творчества и научных поисков, причём как в исторической перспективе, так и в качестве среза текущего состояния. Печатаются работы, в которых анализируются особенности поколений нонконформистских авторов. В

³⁶² Московский концептуализм. (Теория и практика). Группа Движение // 37. 1978. № 16. Без нумерации. № 16 журнала «37» цитируется по номеру, представленному в электронной библиотеке самиздата на сайте Университета Торонто (Канада).

³⁶³ Ионин Л. Г. Культура на переломе. С. 44.

журнале «Часы» публикуются статьи Б. Иванова («Возвращение парадигмы» (Часы. 1977. № 6), «По ту сторону официальности» (Часы. 1977. № 8), «Повторение пройденного» (Часы. 1978. № 12) и др.), Б. Останина и А. Кобака («Молния и радуга», Часы. 1986. № 61), рассматривающие современные литературные явления среды андеграунда в контексте этапов неофициальной литературы. В 1982 году выходит антология ленинградского поэтического самиздата «Острова», охватывающая 1950–1970-е годы (составители: В. Долинин, Ю. Колкер, С. Вовина, Э. Шнейдерман). Целью издания было подведение итогов тридцати лет существования независимой поэзии. В 1979 году С. Маслов начинает издавать реферативный журнал «Сумма», публикующий сводку выходящих машинописных журналов, с кратким обзором помещённого в них материала. Журнал «Часы» с двенадцатого номера содержит раздел «Хроники», отражающий события «независимой культуры».

Таким образом, неофициальное сообщество стремилось преодолеть признак *детотализации*. Можно говорить о формирующемся в 1970–1980-е годы едином общественном движении, неотъемлемой частью которого является свобода в творчестве. Но вряд ли можно говорить об обозримом единстве этого творчества.

Полистилистическая особенность, названная *включение*, «означает максимум культурной терпимости. Любые темы и сюжеты актуально либо потенциально включаются в культуру»³⁶⁴. Этот признак оказывается свойственен «независимому движению» вследствие противопоставления признанному государством советскому искусству. Механизмы цензуры оставляли ограниченное пространство для официального творчества, андеграунд автоматически включал в себя всё, выходящее за пределы канона соцреализма.

Следующим свойством полистилистической культуры Л. Ионин называет *диверсификацию*, предполагающую «разностороннее развитие, когда возникают и

³⁶⁴ Ионин Л. Г. Культура на переломе. С. 44.

складываются все более сложные системы взаимодействия традиций, культурных стилей, образов жизни, часто внутренне не связанных друг с другом»³⁶⁵.

Данный признак опять-таки обнаруживается в образе жизни независимого сообщества в связи с тягой его представителей к изучению всего, исключенного советской идеологией. Проявлением *диверсификации* оказывается, например, религиозный синкретизм, выделенный в книге С. Савицкого «Андеграунд: история и мифы ленинградской неофициальной литературы» как один из наиболее важных и характерных особенностей нонконформистской культуры: «Большинство авторов в своих религиозных взглядах сочетало элементы разных доктрин и учений. Неофициальное мировоззрение было органичным сплавом православия, экуменизма, теософии, буддизма, дзена, индуизма и некоторых эзотерических учений»³⁶⁶.

Эзотеричность как тенденция полистилистической культуры вряд ли может рассматриваться как характерный признак «независимого движения», хотя увлечением «тайными знаниями», распространение самиздата на эту тему, безусловно, присутствует во всём многообразии среды андеграунда на протяжении всей его истории. На заинтересованность в кругу Малой Садовой мистической литературой (Папюсом, П. Успенским, В. Шмаковым) указывает в своих воспоминаниях Н. Николаев³⁶⁷. Если воспринимать *эзотеричность* как создание собственных учений, то предположить их существование можно, но в литературном «подполье» они не обнаружили достаточно ярко. Куда больший интерес был проявлен к интерпретациям христианства, к 1970-м годам явно преобладающего над всеми прочими доктринами.

Категория *негативность* определяется как «отрицание или равнодушное непризнание существующего социально-культурного порядка»³⁶⁸. Данный признак можно считать причиной перехода автора в «подполье».

³⁶⁵ Ионин Л. Г. Культура на переломе. С. 44.

³⁶⁶ Савицкий С. А. Андеграунд. С. 109.

³⁶⁷ Николаев Н. И. Под знаком 1964-го // Сумерки «Сайгона». С. 35–49.

³⁶⁸ Ионин Л. Г. Культура на переломе. С. 44.

Последний выдвинутый признак – *ателеология* – поясняется как сопровождающий возникновение новых культурных форм и стилей отказ «признавать какую-либо цель развития культуры, общества, цель жизни, человеческого существования вообще»³⁶⁹. Данное свойство не может быть названо определяющим для «неофициальной культуры». Главный редактор журнала «Часы» как раз, напротив, утверждает необходимость культуры (под которой подразумевается именно независимое искусство) для общества вообще и для советского общества в частности, так как именно культура должна привести государство к преобразованию.

Л. Ионин описывает идеальную модель полистилистической культуры, поэтому в реальной исторической ситуации выделенные признаки могут приобретать специфическую трактовку или быть слабо выражены.

Таким образом, «неофициальное движение» можно считать частным проявлением полистилистической культуры, возникшей в качестве противовеса моностилистической.

Несмотря на отсутствие выдвижения авторами андеграунда чётких критериев независимого искусства, «неофициальная культура» приобрел ряд черт, выстраиваемых в противовес официальной культуре. Как раз разнообразие творческих поисков и эксперименты в преодолении канона (как цензурного, так и продиктованного стандартами жизни советского человека) стало одной из характерных черт литературно-художественного «подполья», что и отражается в термине «полистилистическая культура».

³⁶⁹ Ионин Л. Г. Культура на переломе. С. 44.

Глава 2. «Часы» как литературно-общественный журнал «неофициального культурного движения»

Журнал «Часы» выходил с 1976 по 1990 год и, по замыслу главного редактора Б. Иванова, должен был «стать изданием культурного движения в целом»³⁷⁰. Само название «культурное движение» было использовано Б. Ивановым для описания истории неофициального искусства и закреплено им в философских статьях, опубликованных в журнале «Часы»: «Возвращение парадигмы» (Часы. 1977. № 6), «По ту сторону официальности» (Часы. 1977. № 8), «Повторение пройденного» (Часы. 1978. № 12). Цели издания не ограничивались публикацией творчества независимых авторов и отражением событий в жизни «культурной среды», журнал «Часы» призван был формировать «культурную среду». Важными задачами журнала были осмысление происходящих в андеграунде событий и выработка терминов для их описания. Сам журнал олицетворял концепцию «неофициального движения» и, таким образом, выступил в качестве и инструмента, и результата собственной деятельности. Мировоззрение, которое утверждал журнал «Часы», во многом было продиктовано исторической ситуацией, но вынужденные условия существования неподцензурных авторов были интерпретированы редколлегией как естественные для человека искусства и закономерно возникающие во все эпохи.

Основополагающей идеей издания стало представление о независимости и самодостаточности нонконформистской культуры, отрицание необходимости взаимодействия с государственными институтами. Данный принцип выразил характерную для середины 1970-х годов тенденцию в настроениях литературно-художественного андеграунда. В статьях В. Долинина, Б. Иванова, В. Кривулина,

³⁷⁰ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати»). С. 85.

Д. Северюхина³⁷¹, посвящённых рассмотрению развития неподцензурной творческой жизни в Ленинграде, середина семидесятых обозначена как время становления «неофициального культурного движения» в качестве целостного явления – перехода от существования в разрозненных кружках и группах к формированию единой среды. В работе В. Долинина и Д. Северюхина «Преодоление немоты» этап 1970 – начала 1980-х годов получил название «Размежевание двух культур»³⁷²: в этот период представители андеграунда пришли к пониманию своей деятельности как не имеющей ничего общего с официальной линией развития искусства. Б. Иванов в статье «Эволюция литературных движений в пятидесятые–восемидесятые годы» пишет, что «писатель-семидесятник в отличие от шестидесятника связал свои представления о личной свободе с независимостью от официальных творческих и социальных структур, культурные потребности обособил от существования государственной культуры»³⁷³.

Журнал «Часы» стремился обеспечить читателей литературой, не печатавшейся в государственных издательствах; предоставить авторам возможность выхода к публике; отследить и проанализировать тенденции в истории и развитии андеграунда. Журнал взял на себя эти функции и смог их выполнить, о чём свидетельствует регулярность выпусков номеров и долгое существование издания.

Кроме того, что журнал отвечал запросу читателей, он формировал у аудитории представление о неконформистской литературе.

³⁷¹ Долинин В. Э. Ленинградский периодический самиздат середины 1950–80-х годов // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати»). С. 3–21 ; Его же. Неподцензурная литература и неподцензурная печать // История ленинградской неподцензурной литературы. С. 10–16 ; Иванов Б. И. Эволюция литературных движений в пятидесятые – восьмидесятые годы. С. 17–28 ; Кривулин В. Б. Золотой век самиздата. С. 342–354.

³⁷² Долинин В. Э., Северюхин Д. Я. Преодоление немоты // Самиздат Ленинграда. С. 25.

³⁷³ Иванов Б. И. Эволюция литературных движений в пятидесятые – восьмидесятые годы. С. 28.

При этом «Часы» постулировали отсутствие какого-либо конкретного направления. Но выбор и организация материала, так или иначе, показывают позицию редколлегии, поэтому, рассматривая журнал, вряд ли вообще можно говорить об отсутствии направления: если оно не сообщается прямо, то выражается косвенно через публикуемые статьи и художественные произведения. Стремление стать главным изданием «независимого культурного движения» уже определило направление «Часов». Во-первых, принципы, по которым формировалось содержание номеров и определялся порядок их выпуска, соответствовали идее «неофициального культурного движения». Во-вторых, сам публикуемый материал раскрывал концепцию «независимого культурного движения».

В данном разделе мы рассмотрим принципы издания журнала «Часы» и идеологию «независимого культурного движения», которую транслировал журнал.

2.1. Принципы издания журнала «Часы»

Машинописные журналы стали следствием идеи самодостаточности «неофициального движения». Б. Останин, один из редакторов «Часов», сформулировал цель журнала как восполнение недостающих элементов общественной культурной жизни, а именно тех, которые оказались недоступны для неподцензурных авторов: выход к читателям через публикацию текстов, возможности быть оценёнными критиками, получать премии и т. п. То есть журнал должен был сформировать «культурную среду» для неофициальных поэтов, писателей, художников, критиков и пр.³⁷⁴

Инициативная группа (И. Адамацкий, В. Долинин, А. Драгомощенко, Б. Иванов, С. Коровин, Ю. Новиков, Б. Останин, С. Шефф) – «часовщики» – взяли на себя функцию установить контакт между произведением и публикой. Тем

³⁷⁴ Интервью Е. В. Панкратовой с Б. В. Останиным. Санкт-Петербург. 15.12.2011.

самым редколлегией показывала возможность независимости от официальных институтов.

Одной из основных задач журнала было спасение непризнанной государством части культуры (с точки зрения основателя «Часов» Б. Иванова, культуру в её истинном смысле), причём спасение неподцензурных авторов могло даже трактоваться в буквальном смысле. Например, Б. Останин приводит анекдот: человек уже собрался топить из-за того, что оказался невостребованным его талант, но после того, как узнал, что его тексты попали в «Часы», передумал³⁷⁵. В данном рассказе важна не степень достоверности, а сведения об отношении к журналу как способному заменить официальное издание и, следовательно, выполняющему принятую на себя функцию.

При этом в задачи журнала входила не только публикация произведений, отражение текущей ситуации в различных сферах искусства, знакомство с современными зарубежными писателями, философскими трудами, но и аналитическое осмысление существования «неофициального движения». Оно, по идее Б. Иванова, должно было победить культурную отсталость общества, которую невозможно было преодолеть средствами официального искусства, которое занималось только воспроизведением готовых шаблонов и не обеспечивало развитие литературы и других видов творчества³⁷⁶. Именно развитие, с точки зрения основателя «Часов», является основной определяющей характеристикой культуры. В андеграунде, по мнению Б. Иванова, господствовала соревновательная основа: каждый автор стремился сделать что-то новое, всеми способами избежать повторения. Следовательно, именно неподцензурные писатели, поэты и художники являлись носителями культуры. Журнал был призван «институализировать» независимую литературно-художественную среду, то есть придать ей характер единого движения, понимающего свою задачу развития культуры.

³⁷⁵ Интервью Е. В. Панкратовой с Б. В. Останиным.

³⁷⁶ Интервью Е. В. Панкратовой с Б. И. Ивановым. Санкт-Петербург. 09.10.2011.

«Неофициальное движение» в своих целях оказывалось направлено как на конкретного человека, так и на государство. В концепции подразумевалось, что, с одной стороны, через творчество формируется отдельная личность. С другой стороны, распространение культуры в итоге должно вести к более масштабным изменениям, вплоть до изменения государственного строя³⁷⁷.

Таким образом, цели журнала не ограничивались потребностями текущего момента – налаживанием контакта между читателями и неофициальными авторами, а были направлены и на преобразование страны в будущем: на повышение духовного уровня каждого индивида, создание соответствующей среды для этого и на постепенное построение гражданского общества.

Глобальность идеи предполагала привлечение максимального количества авторов, выполнение большого объёма работы, значительный период времени для полной реализации проекта, поэтому Б. Ивановым были разработаны принципы общественно-литературного журнала, призванные обеспечить изданию максимально долгую жизнь при условии потребности в нём у читателей.

Первый принцип концепции издания заключался в том, что «Часы» призваны были «отражать естественным образом естественный ход литературного процесса»³⁷⁸. По словам Б. Иванова, «составитель журнала не должен “заказывать” материалы, <...> не должен подгонять произведения путём редактирования к какому-то воображаемому эталону. Он должен действовать так, как сборщик грибов, который не сеет и не поливает, а собирает среди них “хорошие”»³⁷⁹.

Данная позиция оказывалась противопоставленной официальному искусству, зависимому от цензурных требований. «Часы» стремились

³⁷⁷ Образ жизни неофициальных авторов и представления о задачах распространения культуры сказались на интерпретации произведений Б. Ивановым. Так он в «Пилигримах» И. Бродского видит метафорическое изображение неофициальных авторов, которые ходили от квартиры к квартире, рассказывая свои стихотворения (из интервью Е. В. Панкратовой с Б. И. Ивановым).

³⁷⁸ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати»). С. 85.

³⁷⁹ Там же. С. 84.

компенсировать созданные государством искажения картины современной культуры.

Кроме того, принцип, согласно которому составитель «не должен делать журнал направленческим»³⁸⁰, отличался от концепции журнала «37». Во многом именно позиция максимальной открытости всем темам, ориентация на «культурное движение» в целом во всех его проявлениях, выбранная Б. Ивановым, не позволила ему делать совместный журнал с В. Кривулиным и Т. Горичевой, как было задумано после осознания инициативной группой невозможности официальной публикации альманаха «Лепта», в результате чего и образовалось два журнала – «Часы» и «37». (После 10-го номера «Часов» опять возникла идея совместить два параллельных издания, но редакторы снова не смогли сойтись в единстве принципов работы).

Редколлегия «37» (Т. Горичева, В. Кривулин, Л. Рудкевич) во вступительном слове к первому номеру сообщает, что в разделы «Художественная проза» и «Стихи» будут входить публикации «наиболее интересных произведений современной русской литературы, которые почему-то не могут быть опубликованы в официальных изданиях»³⁸¹, и «наиболее интересных поэтов Ленинграда, Москвы и других городов»³⁸². То есть редакторы «37» предполагали отбор произведений, критерии которого не обозначались, но определялись интересами составителей номеров. В журнале преобладала религиозно-философская тематика материала, так как издание не стремилось, как «Часы», продемонстрировать широкий срез неподцензурной литературно-художественной жизни, а выражало её квинтэссенцию – лучших авторов и наиболее актуальные, с точки зрения основателей журнала, тенденции в среде андеграунда. Т. Горичева на конференции «Нравственное значение неофициальной культуры», состоявшейся 12 декабря 1977 года, высказала мысль,

³⁸⁰ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати»). С. 85.

³⁸¹ От редакции // 37. 1976. № 1. Без нумерации.

³⁸² Там же.

важную для понимания ориентации «37»: «Культурное движение в Ленинграде и Москве немыслимо без религиозного»³⁸³. В. Кривулин на «Первой конференции культурного движения», проведённой 16 сентября 1979 года, указал, что религиозно-философское направление является наиболее перспективным в развитии нонконформистского искусства: «...только религиозный путь и понимание культуры как явления “завербованного” верой, замешенного в веру и немыслимого без культа, немыслимого без канона, только такое понимание, на мой взгляд, и даёт свободу»³⁸⁴.

В «Часах» религиозно-философское направление представлено наравне с другими. В журнале достаточно регулярным был раздел «Религия», в отдельных номерах встречаются разделы «Теология» и «Богословие», статьи по вопросам веры и церкви помещаются и в других разделах, например, «Время и проблемы». Наличие в «Часах» статей по религиозным темам отражает стремление редакции передать неофициальную культуру во всей её полноте.

Кроме того, журнала «37» практически не публиковал прозу. В отличие от него, «Часы» как журнал, отражающий все стороны литературного процесса, имел разделы «Проза» и «Поэзия».

Журнал позиционировал себя как лишённый внутренней цензуры. Б. Останин следующим образом передал замысел главного редактора Б. Иванова: «“Часы” – это место между двумя картонками переплёта, которое сдаётся в аренду, им может воспользоваться любой желающий, а издатели создают условия для этого»³⁸⁵. На практике это означало, что любой автор мог принести десять страниц текста, и редколлегия обязательно принимала их к публикации. При этом хорошее качество журнала должно было обеспечиваться тем, что круг неподцензурных писателей, поэтов и публицистов обладал высоким уровнем

³⁸³ Цит. по: Материалы конференции «Нравственное значение неофициальной культуры». Поиски. 1978. № 1/2 // «Сумма» – за свободную мысль. С. 173.

³⁸⁴ Кривулин В. Б. Пять лет культурного движения. С. 227–228.

³⁸⁵ Интервью Е. В. Панкратовой с Б. В. Останиным.

профессионализма³⁸⁶. (По словам Б. Останина, за отсутствие отбора «Часы» критиковал В. Кривулин и называл журнал «помойной ямой». На данный момент и сам Б. Останин считает, что было напечатано много слабых произведений)³⁸⁷.

Для исследования литературы андеграунда рассматриваемый принцип журнала особенно значим: он делает материалы «Часов» наиболее репрезентативными, так как они демонстрируют наиболее широкий спектр направлений в неофициальной литературе 1970–1980-х годов.

Второй принцип проистекал из стремления сохранить издание от его закрытия правоохранительными органами. То есть печатаемый материал не должен был быть провокационным, а поведение членов редколлегии не должно было вызывать повода для внимания к ним со стороны КГБ. В отличие от «37» «часовщики» не искали контакта с «западом» и не пытались передать номера за границу. Содержание касалось исключительно культурной жизни и не затрагивало темы политики или правозащитной деятельности, характер материала в этом отношении отслеживался издателями. По сути, журнал призывал принять ситуацию в стране в том виде, в котором она существует, и сосредоточиться на собственной творческой деятельности. Данный принцип был продиктован исторически сложившимися условиями, но переосмыслен и подан в контексте всей философской системы главного редактора журнала как часть идеологии «независимого движения», основанной на утверждении собственной самодостаточности.

От вмешательства государственной цензуры редакторы решили формально обезопасить себя, поместив на титульном листе надпись «печатается на правах реферата», так как реферат, как узнали издатели, не подвергался обязательному цензурированию.

В. Топоров в статье «Когда тайное становится... скучным» называет рукописные журналы, выходившие в Ленинграде, (подразумевая в том числе

³⁸⁶ Интервью Е. В. Панкратовой с Б. И. Ивановым.

³⁸⁷ Интервью Е. В. Панкратовой с Б. В. Останиным.

журнал «Часы») в силу их аполитичности «самой серьёзной попыткой создать подлинно литературный самиздат»³⁸⁸ (В. Топоров говорит именно о «попытке» литературного самиздата, так как самиздат в целом автор считает оппозиционным политическим, а не литературным явлением.)

Третье положение концепции заключалось в строгой регулярности выхода журнала: «людям нужны лишь те “Часы”, которые “ходят”»³⁸⁹. Название метафорически выражало эту идею непрерывности издания. Журнал появлялся раз в два месяца и имел фиксированный объём – около 300 страниц. Максимальный тираж достигал 10–13 экземпляров.

При этом структура журнала не повторялась из номера в номер. Постоянными были разделы «Прозы» и «Поэзии». За исключением некоторых выпусков, всегда присутствовали «Переводы». Начиная с одиннадцатого, практически во всех номерах был раздел «Изобразительное искусство» и с чуть меньшей периодичностью (с № 12) – «Хроника». После № 27 частым стал уже упоминавшийся раздел «Религия». «Философия», «Литературоведение», «Проблемы культуры», «Публикации» и разделы, посвящённые музыке («Музыка», «Музыковедение»), повторяются в достаточно большом количестве выпусков. Есть разделы, только изредка встречающиеся в журнале, например, «Культурология», «Полемика», «Современная драматургия», и присутствующие только в единичных выпусках – «Документы», «Письма домой», «Проблемы науки», «Очерки» и др. Разные разделы могли включать в себя материалы по пересекающимся темам. Например, «всеядными» разделами были: «Хроника», «Публикации», «Проблемы культуры», «Полемика», «Проблемы и мнения» и др. То есть журнал не столько стремился выработать чёткую структуру, сколько охватить всё многообразие культурной жизни, которая меняется и не может укладываться в раз и навсегда установленную схему номеров.

³⁸⁸ Топоров В. Л. Когда тайное становится... скучным. С. 269.

³⁸⁹ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати»). С. 85.

Так как миссия «Часов» заключалась в развитии и организации «неофициального движения», раздел «Хроника», в соответствии с названием, был направлен на отражение последних событий в культурной жизни Ленинграда и отчасти других городов страны. «Хроника» включается в состав журнала с 12-го номера (1978). За время существования «Часов» несколько меняется характер наполнения и периодичность появления этого раздела.

Статьи в данном разделе в основном описывают:

- неофициальные мероприятия: выставки, семинары и т. п. (даже несостоявшиеся);
- официальные мероприятия в Ленинграде, где принимали участие неофициальные авторы;
- официальные мероприятия в других городах, где принимали участие неофициальные авторы;
- официальные мероприятия, посвящённые значимым для неофициального движения авторам.

Можно предположить, что изначально в «Хронике» редколлегия предполагала освещать одну-две ведущие темы, связанные с наиболее значительными событиями в культурной жизни. Так в 12-м номере (1978) в разделе «Хроника» напечатаны два отзыва на книгу С. Соколова «Школа для дураков», опубликованную издательством «Ардис» в США в 1976 году: отзывы Ф. Чирскова «Пропадёт-растет...»³⁹⁰ и А. Драгомощенко «В пятое время года на берегах Леты (По следам книги Саши Соколова “Школа для дураков”»)³⁹¹. Другой главной темой раздела «Хроника» в этом номере становится смерть А. Арёфьева – четыре статьи посвящены воспоминаниям о художнике: М. П. «Он был среди нас»³⁹², А. Басина «С Сашей Арёфьевым...»³⁹³, В. Видермана «Это было его большой ошибкой»³⁹⁴, О. К. «Из рассказов об Арёфьеве»³⁹⁵.

³⁹⁰ Чирсков Ф. Б. «Пропадёт-растет...» // Часы. 1978. № 12. С. 264–273.

³⁹¹ Драгомощенко А. Т. В пятое время года на берегах Леты. (По следам книги Саши Соколова «Школа для дураков») // Часы. 1978. № 12. С. 274–278.

³⁹² М. П. Он был среди нас : памяти Александра Арёфьева. Часы. 1978. № 12. С. 288–289.

В журнале после 12-го номера главные темы раздела «Хроника» прослеживаются менее чётко. В номерах 13 и 14 публикуются материалы, связанные с 150-летним юбилеем со дня рождения Л. Толстого. В № 13 – статья о художнике А. Розине (творческий псевдоним – Соломон Россин) в связи с окончанием им серии картин «Бородинское поле». В № 14 – материалы, озаглавленные «На религиозно-философском семинаре»: заседание семинара было посвящённого памяти Л. Толстого. В последующих номерах главная тема раздела «Хроника» появляется только после проведения важных для «неофициальной культуры» мероприятий, таких как вручение премии А. Белого или конференция «неофициального движения».

С самого начала образования раздела «Хроника» (1978. № 12) ряд публикуемых в нём материалов не имел хронологической привязки. Например, в № 18 помещена статья У. И. (псевдоним С. Шеффа), описывающая творческую манеру двух художников – Глеба Богомолова и Анатолия Басина³⁹⁶. Данный материал не связан с состоявшимся выставкам или другим событиям. Подобного рода статьи часто включаются в рубрику «Заметки на полях отсутствующих каталогов», которую ведёт С. Шефф. В основном его работы посвящены изобразительному искусству и могут описывать как происходившие в городе официальные и неофициальные выставки, так и рассказывать о независимых художниках.

В некоторых случаях расширение тематики, затронутой в разделе, или отсутствие чёткой соотнесённости материалов с прошедшими событиями ведёт к преобразованию названия раздела «Хроника» в «Хроника, заметки, письма» (1979. № 18), «Явления и идеи, хроника, отклики» (1979. № 20), «Хроника, заметки, сообщения» (1979. № 21), «События, идеи, отклики» (1980. № 24), «Хроника, рецензии, интервью» (1981. № 30), «Хроника, заметки, публицистика»

³⁹³ Басин А. Н. С Сашей Арефьевым... // Часы. 1978. № 12. С. 290–292.

³⁹⁴ Видерман В. С. «Это было его большой ошибкой» // Часы. 1978. № 12. С. 293–294.

³⁹⁵ О. К. Из рассказов об Арефьеве // Часы. 1978. № 12. С. 295.

³⁹⁶ У. И. Заметки на полях отсутствующих каталогов // Часы. 1976. № 18. С. 207–209.

(1985. № 53), «Рецензии, интервью, хроника» (1988. № 74) и т. п. Но данная тенденция не имеет обязательного характера.

Этот раздел в основном посвящен изобразительному искусству, литературе, философии, религии, музыке. Ряд статей рассматривает социальную жизнь и паранормальную науку. Кроме того, в «Хронике» помещаются некрологи на смерть деятелей неофициального искусства или людей, связанных с культурным движением: Д. Дара³⁹⁷, Л. Карамяна³⁹⁸, Ю. Васильева³⁹⁹, А. Губарева⁴⁰⁰, Э. Буряковской⁴⁰¹. Но подобного рода публикации могут стоять и в разделе «Сообщения».

До 26-го номера (1980) изобразительному искусству отводится наибольшее внимание в разделе «Хроника». Формируются постоянные рубрики: уже упомянутая – «Заметки на полях отсутствующих каталогов», которую ведёт У. И. (С. Шефф), и статьи Р. Скифа (псевдоним Ю. Новикова). В одном номере могут быть помещены отзывы обоих авторов на одно культурное событие, например, в № 25 (1980) – У. И. «Восемь на Рубиштейна»⁴⁰² и Р. Скиф ««Авангард-салун» Выставка на Рубинштейна»⁴⁰³; У. И. «Скульптура в голубой гостиной»⁴⁰⁴ и Р. Скиф «Выставка в голубой гостиной ЛОСХа»⁴⁰⁵. Часто при описании как официальных, так и неофициальных выставок не указывается, где и когда они происходили. С № 28 указанные рубрики из раздела «Хроника» перемещаются в раздел «Изобразительное искусство» (раздел «Изобразительное искусство» первый раз появляется в 1978 году в № 11).

³⁹⁷ Иванов Б. И. Д. Я. Дар // Часы. 1980. № 27. С. 299–301.

³⁹⁸ Б. К. Леон Карамян // Часы. 1980. № 28. С. 322–323.

³⁹⁹ В. В. Несколько слов о Юре Васильеве // Часы. 1981. № 29. С. 326–327.

⁴⁰⁰ Белкин А. П. Памяти А. В. Губарева // Часы. 1983. № 43. С. 265–266.

⁴⁰¹ Каломиров А. Энгелина Буряковская : запоздалый некролог // Часы. 1983. № 44. С. 288–292.

⁴⁰² У. И. Восемь на Рубиштейна // Часы. 1980. № 25. С. 283–287.

⁴⁰³ Скиф Р. «Авангард-салун». (Выставка на Рубинштейна) // Часы. 1980. № 25. С. 293–298.

⁴⁰⁴ У. И. Скульптура в голубой гостиной // Часы. 1980. № 25. С. 287.

⁴⁰⁵ Скиф Р. Выставка в голубой гостиной ЛОСХа // Часы. 1980. № 25. С. 299–302.

Ряд статей в разделе «Хроника» посвящены вопросам паранормальной науки: НЛО («Наблюдения НЛО в СССР» (отрывки из сборника под редакцией Ф. Ю. Зигеля)⁴⁰⁶; Ф. Ю. Зигель «Петрозаводское чудо»⁴⁰⁷), необычным способностям людей (В. В. Кушев «Мутация “Дельфин”: антропологическая fuga⁴⁰⁸»), положительному влиянию психоделиков на человека (Ч. Тарт «Специфическое состояние сознания и С-науки⁴⁰⁹»), поискам снежного человека и контакту с ним («О поисках “снежного человека” на Памире в августе 1982 г.⁴¹⁰») и т. п.

В № 18 в разделе «Хроника, заметки, письма» был помещён подраздел «Письма домой», посвящённый жизни русских эмигрантов. Здесь под заголовком «Материалы к изучению культурной ассимиляции» были опубликованы письма русских эмигрантов родным и друзьям⁴¹¹. Далее подраздел «Письма домой» в разных номерах «Часов» печатался в разделах «Публицистика»⁴¹², «События, идеи, отклики»⁴¹³, «Публикации»⁴¹⁴, «Переводы»⁴¹⁵, «Проблемы культуры»⁴¹⁶, даже в № 56 вышла отдельным разделом «Письма домой»⁴¹⁷.

⁴⁰⁶ Наблюдения НЛО в СССР / под ред. Ф. Ю. Зигеля // Часы. 1979. № 20. С. 235–243.

⁴⁰⁷ Зигель Ф. Ю. Петрозаводское чудо // Часы. 1979. № 20. С. 244–247.

⁴⁰⁸ Кушев В. В. Мутация «Дельфин» у homo sapiens : антропологическая fuga // Часы. 1980. № 24. С. 117–134.

⁴⁰⁹ Тарт Ч. Специфическое состояние сознания и С-науки // Часы. 1980. № 24. С. 101–117.

⁴¹⁰ О поисках «снежного человека» на Памире в августе 1982 г. : рассказ зам. начальника экспедиции по научной работе журналиста М. С. Ельцина / монтаж В. П. Амбросимова // Часы. 1982. № 38. Без нумерации.

⁴¹¹ Письма домой : материалы к изучению культурной ассимиляции / под ред. С. Осьмеркина // Часы. 1979. № 18. С. 211–231.

⁴¹² Письма домой : материалы к изучению культурной ассимиляции / под ред. С. Осьмеркина // Часы. 1979. № 22. С. 156–177 ; Письма домой : материалы для изучения культурной ассимиляции / под ред. С. Осьмеркина // Часы. 1981. № 30. С. 273–306 ; Письма домой : материалы к изучению культурной ассимиляции / под ред. С. Осьмеркина // Часы. 1984. № 48. С. 220–245.

⁴¹³ Письма домой : материалы к изучению культурной ассимиляции / под ред. С. Осьмеркина // Часы. 1980. № 24. С. 134–165.

⁴¹⁴ Письма домой : материалы к изучению культурной ассимиляции : письма Сони Соколовой / под ред. С. Осьмеркина // Часы. 1983. № 46. С. 149–172.

⁴¹⁵ Письма домой : материалы к изучению культурной ассимиляции : из писем К. К. К. // Часы. 1986. № 60. С. 180–203.

⁴¹⁶ Письма домой : материалы для изучения культурной ассимиляции / под ред. С. Осьмеркина // Часы. 1986. № 64. С. 247–275.

⁴¹⁷ Письма домой : из писем М. Г. // Часы. 1985. № 56. С. 130–154.

Данная тенденция – отсутствия чёткой закреплённости рубрики или темы за разделом – характерна для журнала «Часы». О подобного рода перемещениях уже говорилось в связи со статьями об изобразительном искусстве и о некрологах.

После 31-го номера (1981) раздел «Хроника» начинает заметно реже появляться в журнале. С 1985 года – присутствует только в трёх номерах (1985. № 55; 1986. № 62; 1988. № 74).

Обратная связь с читательской аудиторией обеспечивалась через четвёртый принцип издания – «журнал должен покупаться»⁴¹⁸. Подписка была платной и составляла 12–15 рублей за номер, деньги шли на оплату труда машинистки и покупку расходных материалов. По замыслу Б. Иванова, готовность вносить денежные средства для поддержания «Часов» свидетельствовала о заинтересованности в существовании журнала. В. Кривулин избрал в издательской деятельности противоположный принцип. Все работы по созданию «37», включая печатанье и переплетение, должны были производиться исключительно на основе добровольного бескорыстного участия. Если потребность в журнале есть, то, значит, будут те, кто готов трудиться над ним безвозмездно. Соответственно, и распространялся журнал свободно. На деле идея неоплачиваемой работы иногда преобразовывалась в работу по договору на основе взаимобмена. Н. Малаховская, секретарь «37», рассказывает, что она согласилась переплестать номера этого журнала при условии, что её произведение будет в нём напечатано⁴¹⁹.

Сведения о платной подписке на «Часы» доказывают действительную потребность в данном журнале у читателей, покупающих номера на протяжении их выхода все четырнадцать лет. Причём можно сделать вывод, что это издание предоставляло уникальный материал, который не мог быть получен из других машинописных журналов, распространявшихся бесплатно.

⁴¹⁸ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати»). С. 85.

⁴¹⁹ Интервью Ю. М. Валиевой с Н. Л. Малаховской. Санкт-Петербург. 01.2010.

Редколлегию «Часов» возглавлял Б. Иванов. Он обеспечивал регулярность выпусков, взяв на себя основную часть организационной работы и даже переплёт номеров. Именно благодаря его инициативе «Часы» выходили в рекордно долгий для самиздата срок – 14 лет.

Вскоре после появления первых номеров к подготовке журнала присоединился Б. Останин, сосредоточивший внимание на развитии раздела «Переводы». Многие тексты иностранной литературы, вошедшие в журнал, были в большей или меньшей степени доступны – их можно было взять в библиотеке или купить в букинистическом магазине, но на русском языке они впервые появились на страницах «Часов». В журнале публиковались произведения философов: Р. Барта, Э. Гуссерля, Э. Фромма, М. Хайдеггера; писателей: Х.-Л. Борхеса, С. Мрожека; драматургов театра абсурда: С. Беккета, Ж. Жене, Э. Ионеско; писателей и философов экзистенциалистов: А. Камю, Ж.-П. Сартра, К. Ясперса и др. Кроме того, Б. Останин привлекал к работе в журнале новых прозаиков и поэтов, журналистов, переводчиков, причём не только ленинградских, но и из других городов.

Освещением темы изобразительного искусства в журнале занимался Ю. Новиков. Благодаря ему появился раздел «Изобразительное искусство», в котором рассматривались события в сфере общественно-культурной жизни неофициальных художников.

Редколлегия «Часов» постепенно расширялась за счёт вступления в неё постоянных читателей. Так в неё вошли: И. Адамацкий, Д. Волчек, В. Долинин, А. Драгомощенко, С. Завьялов, С. Коровин, С. Стратановский, С. Шефф и др. Функция «часовщиков» в основном заключалась в том, что раз в два месяца они собирались для того, чтобы обсудить последний выпуск и определить направление нового номера. Члены редколлегии были не просто издателями, а представляли тип «общественного активиста»⁴²⁰. С целью способствовать

⁴²⁰ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати»). С. 82.

развитию неподцензурной литературы и стимулировать исследовательскую мысль они изобретали и воплощали новые формы культурной жизни, например, литературную премию имени Андрея Белого (присуждавшуюся за достижения в неофициальной прозе, поэзии и критике с 1978 года), конференции, семинары и т. п. Клуб-81, ставший первой легальной независимой литературной организацией, был естественным продолжением инициативной деятельности «часовщиков».

Так как журнал «Часы» оказался способен продержаться вплоть до отмены цензуры, избежав как насильственного закрытия, так и естественного затухания из-за потери интереса к нему у читателей или самих издателей, можно сделать вывод, что выбранная редакцией стратегия оказалась удачной и жизнеспособной.

Для издания журнала «Часы» Б. Иванов выработал принципы, которые во многом имели вынужденный характер, но при этом, переосмысленные им в философском ключе, выражали идеологическую позицию «неофициального движения».

2.2. Идеология журнала «Часы»

Принципы издания «Часов», сформулированные Б. Ивановым и применённые им на практике, проистекают из его мировоззренческих взглядов.

Журнал «Часы» как инструмент и результат тактики «независимого движения» взял на себя следующие функции: подведение итогов и осмысление истории неофициальной культуры, публикацию произведений, отражение событий в среде андеграунда и, кроме того, философское обоснование самого существования неподцензурного искусства. В издании не просто фиксируется сложившийся культурный феномен, а утверждается необходимость и неизбежность его исторического появления.

Б. Иванов на страницах журнала «Часы» выразил идеологию «независимого движения», которая утверждала культурную значимость искусства андеграунда и

доказывала, что неподцензурным авторам не требуется утверждать свой статус писателя, поэта, художника и т. п. в государственных институтах.

В разделах «Философия» и «Критика» были помещены статьи Б. Иванова, в которых обосновывается существование «независимого культурного движения», то есть выстраивается альтернативная по сравнению с государственной идеология: «Две ориентации. Общество» (Часы. 1976. № 1), «Возвращение парадигмы» (Часы. 1977. № 6), «По ту сторону официальности» (Часы. 1977. № 8), «Экзистенциализм?... Мимо» (Часы. 1978. № 10), «Повторение пройденного» (Часы. 1978. № 12) и др.

Перечисленные выше статьи образуют законченную философскую систему и выражают самосознание «неофициальной культуры». По слова Б. Иванова: «Само движение мы стремились анализировать и его развитию способствовать»⁴²¹. Теория главного редактора «Часов» основывалась на представлении, что при существовании цензурного контроля литературный и художественный андеграунд занимает место единственного носителя культуры. Статус искусства «подполья» объявлялся, по меньшей мере, равноправным любому государственному институту, а образ жизни независимых авторов оправдывался. Низкий социальный уровень участников самиздата рассматривался как закономерный, а выход к широкому кругу читателей – как необязательный.

В статьях Б. Иванова неизбежность разрыва искусства андеграунда с официальными структурами постулируется как проявление универсального закона разделения общества на две полярных ориентации – «социальную» и «культурную». Первая направлена на материальные ценности, вторая – на метафизические. При этом неизбежно вытеснение второго направления на периферию жизни общества, но «граница человеческого мира, таким образом, становится центром стяжения людей за-социальной ориентации, институализация

⁴²¹ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати»). С. 87.

людей этого типа духовности – и есть то, что называется культурой в узком смысле этого слова»⁴²².

Принадлежность автора к одному из двух направлений («социальному» или «культурному») объяснялась онтологическими установками, изначально присущими каждому человеку⁴²³.

«Социальная личность» в статье «Две ориентации. Общество» характеризуется набором следующих признаков.

Во-первых, она склонна к иерархической системе взаимодействий, основанной на авторитетах.

Во-вторых, социальная личность руководствуется уже сложившейся догмой, в которой мир уже познан и объясним. То есть представители данной ориентации не пытаются познать явления самостоятельно, а берут принятые большинством и закреплённые юридически или в качестве традиции определения и названия для построения картины реальности, благодаря чему она предстаёт понятной и стабильной: «Стремление к полной прозрачности окружающей действительности одновременно является и стремлением к полной вере и сосредоточенностью на знаковых системах, словесно, символически и другими способами выраженные нормы, правила, законы. Эта потребность, которая требует знать: что есть что – есть обретение ответа на вопрос в знаках, это переход к семантической действительности, а не вторжение вопрошающего интеллекта в “хаос”. Таким образом, второе “что” есть выбор авторитетного свидетельства, но не познание, постижение, проникновение»⁴²⁴.

Адаптация социального человека, «модус самочувствия себя в мире, степень веры в него, а, следовательно, и в свои возможности бытия в нем»⁴²⁵ проходит через убеждённость в том, что окружающая реальность уже исследована, причём известно, что она построена объективно и логично. Для

⁴²² Иванов Б. И. Две ориентации. Общество. С. 334.

⁴²³ Там же. С. 309.

⁴²⁴ Там же. С. 311.

⁴²⁵ Там же. С. 312.

данного типа личности «нужна организация самого значения, непротиворечивость во всех его звеньях, логическая выводимость одного смысла (единицы понимаемого) посредством другого, что в равной степени относится к изучению химии, юриспруденции, так и магии и мистических свидетельств»⁴²⁶. Таким образом, для успешного функционирования требуется только действовать по установленным схемам. В соответствии с этими установками «ясность, четкость, логичность» становятся «активным<и> принцип<ами> организации самих социальных институтов и оценки “продукции”»⁴²⁷.

Для поддержания устойчивости картины мира «социуму» требуется механизм устранения элементов, не укладывающихся в созданный порядок. Поэтому в стремлении к сохранению собственной идентичности данная часть общества отвергает всё, что не вписывается в норму, называя это «“грех”, “соблазн”, “отступничество”, “предательство”, “аномалия”, “аморальность”, “безыдейность”»⁴²⁸.

За-социальная личность обращена как раз на это «вытесненное содержание»⁴²⁹. (Обратим внимание, что эта идея Б. Иванова согласуется с положением интерпретационной теории В. Изера о направленности литературы на обойдённые доминирующей идеологией элементы и явления⁴³⁰.)

Если в социальном типе господствуют иерархические отношения, то «внутри неофициальной гуманитарии системы ценностей не заданы — они вынашиваются и создаются, то есть в сферу творчества вовлечено и то, что сам, например, поэт признаёт священным. <...> Художник сам выбирает традиции, к которым причисляет себя»⁴³¹.

Так как, по теории Б. Иванова, культурная ориентация отрицает любую систему иерархии, то и в журнале «Часы» редактор не мог занимать позицию

⁴²⁶ Иванов Б. И. Две ориентации. Общество. С. 312.

⁴²⁷ Там же.

⁴²⁸ Там же. С. 314–315.

⁴²⁹ Там же. С. 322.

⁴³⁰ Изер В. Рецептивная эстетика. Проблема переводимости: герменевтика и современное гуманитарное знание // Академические тетради. 1999. Вып. 6. С. 68.

⁴³¹ Иванов Б. И. Повторение пройденного. С. 237.

судьи по отношению к авторам и решать, чьи произведения достойны печати, а чьи нет. Этим объясняется, во-первых, принцип «Часов», согласно которому пространство журнала было предоставлено для публикации всем желающим. Во-вторых, – аполитичность «Часов», поскольку стремление участвовать в политике предполагает вступление в иерархические отношения.

Ориентации отличаются в способе контакта с реальностью. Для «социального» человека картина мира задана, одинакова для всех, устойчива. Люди «духовного» направления воспринимают действительность индивидуально через непосредственное её проживание, что порождает разнообразие в интерпретации бытия: «Культурную среду создаёт не единство ответов на множество вопросов, что мы наблюдаем в социальной среде, а множество ответов на один и тот же вопрос, что создаёт лавину информации, избыток проекций, что, в сущности, и образует цветение любой культуры и человека в культуре»⁴³². Готовые модели поведения для за-социального человека скучны, если принимаются, то только как вынужденная мера приспособления к условиям жизни, но их освоение не может стать целью жизни как у представителей противоположной ориентации. Как пишет Б. Иванов: «Всякая претензия “дать исчерпывающую оценку”, замкнуть реальность в интерпретации, исчерпать её программой действий и придать отношению к ней прозрачность и непротиворечивость инструкций, является не убеждающей»⁴³³.

«Духовный» тип не отвергает социум, не борется с ним, а игнорирует его в силу отсутствия интереса. Представители «за-социальной» ориентации не участвуют в каких-либо формах общественной жизни. Исходя из этого, Б. Иванов определяет принцип «культурного движения» как независимость от: «1). массовой информации (газет, радио, собраний и т. д.), 2). организационности (нечленство, незавербованность), 3). устойчивых форм быта,

⁴³² Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Часы. Без нумерации.

⁴³³ Иванов Б. И. Возвращение парадигмы // Часы. 1977. № 6. Без нумерации.

4). профессионализма (стремлений получить «правильное» образование, найти «интересную работу» и т. д.)»⁴³⁴.

Так как способность смотреть на мир, не принимая за истину его описание, сопряжена с анализом различных подходов к его интерпретации и с поиском собственных ответов на вопросы, то «философский дух неотделим от культурного движения»⁴³⁵.

Из неприятия общепринятых схем как характеристики за-социального направления проистекают литературные установки, поддерживаемые «Часами». В журнале публикуются произведения, в которых присутствует незавершённость и обрывочность повествования, вводится приём алогизма (например, в рассказах Марка Мартынова⁴³⁶ (один из псевдонимов Бориса Кудрякова), в произведении В. Эрля «Вчера, послезавтра и после послезавтра»⁴³⁷) и т. п.

С отрицанием однозначной трактовки действительности связан принцип «многоголосовости», который Б. Иванов считает одним из особенностей неофициальной литературы: «Многоголосовость текста – признак отсутствия ангажированности и свободного, раскованного выражения выбора как индивидуальной акции»⁴³⁸. (Б. Иванов в статье «Повторение пройденного» описывает эту черту на примере стихотворений В. Кривулина «Я Тютчева спрошу: в какое море гонит...».)

В прозаических текстах, опубликованных в «Часах», также можно усмотреть «многоголосовость», например, в повести А. Арьева «Долгота дня»⁴³⁹, в романе А. Драгомощенко «Расположение в домах и деревьях»⁴⁴⁰, у М. Мартынова (Б. Кудрякова) в повестях «Белый флаг»⁴⁴¹ (авторское определение

⁴³⁴ Иванов Б. И. Возвращение парадигмы. Без нумерации.

⁴³⁵ Иванов Б. И. Повторение пройденного. С. 237.

⁴³⁶ Мартынов М. Белый флаг ; Сияющий эллипс (или четыре предмета осенью) ; Короткие рассказы ; Время жатвы // Часы. 1977. № 8. С. 50–93 (страницы указаны по номеру журнала, представленного в фонде научно-информационного центра «Мемориал»).

⁴³⁷ Эрль В. Вчера, послезавтра и после послезавтра // Часы. 1977. № 8. С. 1–49.

⁴³⁸ Иванов Б. И. Повторение пройденного. С. 239.

⁴³⁹ Арьев А. Ю. Долгота дня // Часы. 1976. № 1. С. 42–84.

⁴⁴⁰ Драгомощенко А. Т. Расположение в домах и деревьях // Часы. 1978. № 12. С. 1–157.

⁴⁴¹ Мартынов М. Белый флаг. С. 50–62.

жанра – некропозма), «Сияющий эллипс (или четыре предмета осенью)»⁴⁴², «Время жатвы»⁴⁴³. В перечисленных текстах ведётся повествование от лица разных персонажей, в сносках даётся альтернативная точка зрения на изложенные события и т. п.

Присутствие «многоголосовости» в произведении Б. Иванов связывает с выбором, который всегда осуществляет автор неофициальной литературы в своем творчестве. Он не слепо следует предложенным социумом взглядам, а чувствует и фиксирует различные возможности, которые могут совпадать или не совпадать с представлениями читателя: «...авторское Я не только полифонично – автор совершает выбор, и читатель, зритель находит в произведении такие парадигмы выбора, в которых он узнаёт или не узнаёт собственные избирательные мотивы, хотя он мог и не прояснять (не вербализировать) то, что определяет его действительную ориентацию в мире»⁴⁴⁴. В независимой литературе Б. Иванов видит тенденцию совмещать в одном произведении множество точек зрения, ни одна из которых не является доминирующей. Отображение различного восприятия мира становится способом построения текста.

С позиции теории Б. Иванова, разделение авторов на официальных и независимых нельзя квалифицировать по факту того, что их произведение было напечатано в государственном издательстве или в самиздате. Это только следствие изначальной культурной или социальной предрасположенности человека. Поэтому критерий отсутствия официальных публикаций и наличие неофициальных не выполняет роль «допуска» в неконформистскую литературу: «Провести границу между “первой” и “второй” литературой трудно. Глеб Горбовский, В. Соснора, А. Битов, В. Попов, О. Охупкин, Д. Бобышев, А. Морев и многие другие, время от времени, публикуют свои произведения, но они известны и как авторы “второй” литературы. Публикации – часто адаптации, а иногда

⁴⁴² Мартынов М. Сияющий эллипс (или четыре предмета осенью). С. 63–79.

⁴⁴³ Мартынов М. Время жатвы. С. 85–93.

⁴⁴⁴ Иванов Б. И. Повторение пройденного. С. 243.

попросту варианты их произведений»⁴⁴⁵. То есть принадлежность к независимой литературе, исходя из концепции Б. Иванова, определяется метафизически, проявляется в ценностных внелитературных установках авторов, а они уже сказываются на выборе пути в андеграунд и на характере произведений.

Так как основной критерий сопричастности культуре проходит за пределами литературного текста, то произведение оценивается через обращение к фигуре автора: «Художественное произведение – это выражение выбора и веры»⁴⁴⁶.

Выделять литературные критерии в определении границ «культурного движения» для его идеологов не имело смысла, так как в советском искусстве, напротив, существовал цензурный канон. Поэтому в статье «Возвращение парадигмы» (Часы. 1977. № 6) Б. Иванов отрицает возможность классифицировать и оценивать тексты с «идейно-художественной» позиции, так как она предполагает наличие веры в авторитет, что противоречит установкам культурной ориентации. Задача автора – это воплотить своё уникальное восприятие действительности в тексте. Такой подход к творчеству Б. Иванов называет «реализмом».

О трактовке Б. Ивановым понятия «реализм», как об авторском индивидуальном подходе к реальности, из которого проистекает культура, говорит А. Житенёв в статье «Демаркация “советского” и “неофициального” как проблема: самоопределение “культурного движения” на страницах журнала “Часы”». А. Житенёв делает обобщения по трактату Б. Иванова «Реализм и личность», опубликованному в ряде номеров журнала «Часы» (№№ 32, 33, 35, 36, 38): «Для Иванова реализм – не обозначение одного художественного метода в ряду других, но наименование целостного мировоззрения, ориентированного на освоение бытия в его непредсказуемости и концептуальной незаданности. В этой связи реализм противостоит не столько романтизму и модернизму, сколько

⁴⁴⁵ Иванов Б. И. Возвращение парадигмы. Без нумерации.

⁴⁴⁶ Там же.

“традиционализму”, “каноническому искусству”, ориентированному на оперирование “готовым” словом и “авторитетом”. Личность “десакрализует” и “релятивизирует” форму, поскольку только таким образом оказывается способна выразить опыт “незаместимого” бытия, уникального, культурно не освоенного существования. В этом смысле между реализмом и авангардом не обнаруживается антагонистического противоречия: и то и другое ориентировано на “неконвенциональный” опыт, на перманентную новизну, не формально, но содержательно мотивированную»⁴⁴⁷.

О трактовке Б. Ивановым термина «реализм» также пишет В. Крейд в статье «Экзистенциальный философ» (опубликованной в «Антологии новейшей русской поэзии у Голубой лагуны», Т. 5 Б): «Мифы, специфически изложенные, становятся идеологиями. И культурные мифы, и человеческие роли – это модели, формируемые историей. “Жить реально – значит жить не в модели”. Путь освобождённости от моделей – реализм “как надтрадиционное образование, когда ироническое отношение к традиции уживается с ясным пониманием”»⁴⁴⁸.

Так как в основу представления о культуре был положен приоритет индивидуального авторского взгляда на реальность, а не описание формальных признаков, то подбор прозы в журнале «Часы» приобрёл принципиально эклектичный характер. Некоторые общие тенденции текстов, опубликованных в «Часах», в большей степени связаны с социально-историческим контекстом, чем с едиными художественными предпочтениями авторов самиздата.

К социальной ориентации Б. Иванов относил систему советского государства, точнее всех тех, кто признавал государственную иерархию ценностей. Культурой оказывалась среда андеграунда. Наличие самой официальной идеологии, основанной на соответствии канону, Б. Иванов объяснял в своей теории строения общества, которое, как он считал, предполагает

⁴⁴⁷ Житенёв А. А. Демаркация «советского» и «неофициального» как проблема: самоопределение «культурного движения» на страницах журнала «Часы». С. 116.

⁴⁴⁸ Крейд В. П. Экзистенциальный философ // Антология новейшей русской поэзии у Голубой лагуны. URL: <http://kkk-bluelagoon.ru/tom5b/kreid3.htm> (дата обращения: 18.02.2017).

обязательное сосуществование двух различных мировоззрений. Неприятие официальными институтами неподцензурного искусства становится следствием отнесённости их к противоположным ориентациям.

В концепции Б. Иванова оправданы оба направления – и социальное, и за-социальное – и их способы существования. В программной статье «Две ориентации. Общество» поясняется, что «работа написана с абсолютным приятием к людям той или иной ориентации. В каждой попытке утвердить иерархически ту, к которой тот или иной человек расположен, – в этом нет ничего, кроме претенциозности: “Каждому своё”»⁴⁴⁹. Согласно концепции Б. Иванова, неприемлемым является только подавление одного типа духовности другим. То есть антиобщественным Б. Иванов считает угнетение представителями социального направления за-социальных людей – попытки вторжения в нерегламентируемую социумом жизнь человека, преследование «за противоавторитетные высказывания, или просто за занятия, глубоко интимные, но идущие вразрез с теми, которые предписаны, или просто за осведомлённость в фактах, которые для престижа социальных авторитетов нежелательны»⁴⁵⁰.

Но при этом официальное искусство лишается права быть причисленным к культуре в силу своей принадлежности к «социальной ориентации». Наименование «поэт», «философ», «художник», «учёный» – обозначают в социуме «чиновников, служащих, исполнителей заказов»⁴⁵¹. Выбор автором пути в неподцензурную литературу объясняется онтологической направленностью человека, что означает априорную принадлежность к культуре представителей андеграунда. Отрицание Б. Ивановым за официальными писателями, поэтами и учёными этого статуса соответствует способу литературной борьбы, описанному П. Бурдые в статье «Поле литературы», где говорится о том, что

⁴⁴⁹ Иванов Б. И. Две ориентации. Общество. С. 309.

⁴⁵⁰ Там же. С. 350.

⁴⁵¹ Там же. С. 347.

противоборствующие группы отказываются признать, что противник «вообще существует как художник»⁴⁵².

Уход представителей «культурного» направления в непрестижные профессии (лифтёры, сторожа, кочегары, дворники и т. п.) объяснялся Б. Ивановым неспособностью функционировать в государственной системе: «Они изыскивают занятия, которые допускают значительные отступления от регламентации или такие, где регламентация элементарно проста: “сидеть и смотреть”, “включать и выключать”»⁴⁵³. Падение вниз по социальной лестнице трактуется не только как естественный, но и как желательный путь для представителя культуры: «Момент поражения на социальном поприще, которое объясняется в категориях социальной ориентации: “не понял... и не справился”, “не уважал...”, “не проявил готовности”, и т. д. является решающим событием для обнаружения своего типа направленности. <...> “Падение” как “освобождение”, как более полное нахождение себя, – экзистенциальный опыт за-социального человека. Он понимает, что, по мере продвижения от центра социальной иерархии к периферии, перед ним открывается “подлинный мир”»⁴⁵⁴.

Удаление от жизни социума – то есть отказ от вступления в иерархические отношения, от стремления к построению карьеры и к обретению успеха – и реализация в качестве носителя культуры находятся в диалектической зависимости. С одной стороны: «Стоит только отдаться своим “влечениям”, “странностям”, “кажущемуся”, как “путь вниз”, на периферию социального мира становится естественным продолжением его [за-социального человека] биографии»⁴⁵⁵. С другой стороны, именно попадание на периферию общества освобождает от обязанности соблюдать нормы и выявляет сущность личности духовного направления: «“Путь вниз” – это, если так можно выразиться, –

⁴⁵² Бурдые П. Поле литературы. С. 30.

⁴⁵³ Иванов Б. И. Две ориентации. Общество. С. 322.

⁴⁵⁴ Там же. С. 324–325.

⁴⁵⁵ Там же. С. 324.

профессионализация за-социально ориентированного человека, выход из двусмысленного положения и обретение самого себя»⁴⁵⁶.

Маргинализация независимых авторов в концепции Б. Иванова становилась закономерным путём для за-социальной личности: «Нищета, которая была следствием отказа от социальной ориентации, вскоре была осмыслена и как судьба, и как духовная необходимость, и как условие творческой свободы»⁴⁵⁷.

Журнал «37» тоже затрагивал тему ухода авторов андеграунда в профессии с низким статусом. Об этой тенденции упоминает в своём эссе «Поэт и прописка» В. Алексеев: «В том-то и дело, что в наше достопочтимое время скорее поверят, что ты дворник, а утверждение, что ты поэт, может вызвать лишь только смех. Вот и приходится поэту столь часто скрывать, что он поэт, и говорить, что он — никто иной, как сторож, что в свою очередь тоже может вызвать подозрения»⁴⁵⁸. То есть для среды андеграунда осмысление этой тенденции было актуально, но Б. Иванов её онтологизирует. Низкий социальный статус в официальной системе социума превращался в часть литературной манифестации.

Теория Б. Иванова предполагает универсальность деления общества на два типа и не ограничивается конкретной исторической ситуацией. Концепция описывает именно общую схему, а контекст издания позволяет неподцензурную литературу причислить к проявлению духовной ориентации. Вневременной характер описанного строения общества Б. Ивановым подтверждает, например, ссылкой на подобные мысли у Платона о месте поэта «на периферии социального мира»⁴⁵⁹. Человек, ориентированный на духовность, расценивается как отторгаемый системой государства во все исторические периоды.

Б. Иванов проводит аналогию между развитием неофициальной литературы в 1950–1960-е годы и общеевропейским движением XVI–XVIII веков, в рамках которого происходило «высвобождение опыта из раз навсегда данных

⁴⁵⁶ Иванов Б. И. Две ориентации. Общество. С. 328.

⁴⁵⁷ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Часы. Без нумерации.

⁴⁵⁸ Алексеев В. В. Поэт и прописка // 37. 1976. № 1. С. 32.

⁴⁵⁹ Иванов Б. И. Две ориентации. Общество. С. 324.

интерпретаций, доверительное отношение к чувственно-непосредственной достоверности и провозглашение примата “естественности”, утверждение независимости разума индивида»⁴⁶⁰. Таким образом, неподцензурная литература вводится в контекст мировой истории культуры.

Продолжая сопоставление с литературой прошлого, в статье «По ту сторону официальности» Б. Иванов указывает на схожесть ценностных установок «неофициального движения» с творчеством Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Тургенева, Н. Лескова.

В биографиях русских писателей XIX века внимание акцентируется на признаках, уже определённых как характеристики «духовной» ориентации, что позволяет включить современников автора – деятелей андеграунда – в единое с классиками культурное пространство: социальная неадаптированность становится показателем единых основ творчества. Таким образом, ценность творчества независимых литераторов повышается благодаря их объединению с классиками. В качестве примера личности, не вписывающейся в устройство социального мира, приводится Ф. Достоевский: «Николай I был прав, когда написал на полях дипломного проекта Ф. Достоевского, что-то вроде: “Дурак”, – выпускник военно-инженерного училища забыл в чертеже крепости предусмотреть хотя бы единственные ворота, и прав был Ф. Достоевский, который не менее решительно подал в отставку, не прослужив в военном ведомстве и года»⁴⁶¹. Таким образом, неофициальное творчество в концепции Б. Иванова трактуется как современный этап развития русской литературы.

В работе «Экзистенциализм?... Мимо» Б. Иванов на основе статьи Г. Померанцева «Некоторые особенности духовной модернизации Востока» рассматривает «Незападные» страны и пути их преобразования в государственные системы «Западного» типа. Необходимым условием этого процесса указывается наличие интеллигенции, которая определяется следующим

⁴⁶⁰ Иванов Б. И. Возвращение парадигмы. Без нумерации.

⁴⁶¹ Иванов Б. И. Две ориентации. Общество. С. 328.

образом: «это деятели культуры, отстаивающие право на предмет познания и свободу выражения – на неавторитарное творчество в социально-исторической ситуации, при которой культурное, неавторитарное, творческое не обладает институализированным статусом. Интеллигенты не проговорили 19 и 20 века, они создали русскую культуру»⁴⁶². Интеллигенция рассматривается как сила, приводящая государство к соблюдению демократических норм и прав личности, она создаёт культуру, а только при наличии последней в обществе возможно действительное следование демократическим нормам. При этом интеллигенция определяется через те же понятия, через которые в предыдущих статьях («Две ориентации. Общество», «Возвращение парадигмы», «По ту сторону официальности») обрисовывалось «независимое культурное движение»: через стремление к непосредственному исследованию жизни вне готовых схем. Таким образом, представители андеграунда понимаются как наследники интеллигенции XIX–XX веков.

Связь «независимого движения» с авторами XIX века и Серебряного века мыслилась не только как результат принадлежности к одной духовной ориентации, но и как осознанное следование и поддержание традиции. Советская литература, согласно рассматриваемой идеологии, не принадлежала культуре в её истинном смысле, и потому через неё не могла проходить преемственность литературных поколений: «И рефлексия современных русских гамлетов и их творчества, стержнем которого эта рефлексия является, выполняла и в огромной степени выполнила свою роль по связыванию “позвонков столетий” – ту задачу, которую принято вменять в обязанности историкам культуры»⁴⁶³.

Выбор между использованием для понимания мира готовых шаблонов и индивидуальным познанием реальности является критерием деления общества на типы и применяется к различным областям жизни. Этому, помимо статьи «Две ориентации. Общество», посвящены также опубликованные в «Часах» статьи

⁴⁶² Иванов Б. И. Экзистенциализм?... Мимо // Часы. 1978. № 10. С. 154–155.

⁴⁶³ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Часы. Без нумерации.

Б. Иванова: «Церковная вера и вера в миру» (1978. № 13), «Каноническое и неканоническое искусство» (1978. № 16). В самом общем виде данные работы выражают следующую мысль: в любой сфере выделяются два пути – следование образцу, чему-то признанному большинством, заданному извне, и самостоятельный выбор, основанный исключительно на непосредственном опыте соприкосновения с действительностью. Каждый раз оговаривается, что оба способа существования имеют право быть, ни один не лучше другого, но симпатии автора статьи явно отдаются второму направлению.

Важно, что «культура» в концепции Б. Иванова определяется не как совокупность произведений, а как некая часть общества, направленная на постижение истины, а самобытное искусство – это уже следствие деятельности этой части общества. При невозможности широкого выхода к читателю в центре рассмотрения оказывается не произведение искусства, а сам автор и интенции его творчества. Такой взгляд позволяет закрепить представление об отсутствии строгой необходимости публикации в государственных изданиях, что опять-таки способствует формированию идеи самодостаточности «независимого движения».

«Неофициальная культура» – это одновременно и авторы, выбравшие самиздат, и за-социальный принцип существования, который формирует данных авторов и организует их в единое движение. В таком ключе Б. Иванов анализирует творчество В. Кривулина как выразителя основных тенденций среды и пишет, что и сам поэт «понимает, что вторая литературная реальность явилась основным фактором его творческой биографии, он развивался внутри её и рядом с другими – “с другими клятвами родства”»⁴⁶⁴.

Но, кроме того, культура, по Б. Иванову, приобретает значение обобщённой аксиологической величины, метафизической по сути и строго неопределимой. В человеке она проецируется как способ отношения к миру, позволяющий создавать произведения искусства и организовывать свою жизнь вне ценностей социума: «Оно [культурное движение] утверждает одновременно свободного, творческого

⁴⁶⁴ Иванов Б. И. Возвращение парадигмы. Без нумерации.

человека и человека, который освобождается в культуре для бытия. Культура утверждает человека свободной речи и порождает сам язык, на котором говорит свобода. Культура – есть откровение об актуальном, как искусство в целом – откровение о мире. Культура преодолевает барьер немоты – барьер между людьми, между природой и человеком, личностью и обществом. Культура за неограниченный реализм – и в этой неограниченности – неограниченность человека. Но прежде всего культура овладевает эпохой и ситуацией интеллектуально и эмоционально. В произведениях культурного творчества видим не программы, не цели, а движение самой мысли, мы познаём более широкие жизненные структуры – реальность в её сложности. Культурное движение – это высший тип человеческой открытости»⁴⁶⁵.

В принципах издательской деятельности, выдвинутых Б. Ивановым, наблюдается некоторое противоречие, которое снимается при обращении к его концепции «культурного движения». С одной стороны, к публикации принимались все желающие, с другой – критерием допуска был объявлен «профессионализм» и «нонконформизм»⁴⁶⁶. Но при рассмотрении этих параметров в контексте философии «неофициального движения» эта несовместимость установок проясняется. Авторы, сделавшие выбор в пользу машинописного издания взамен официальному, обнаруживали тем самым свою принадлежность к за-социальной ориентации, что практически равнозначно принадлежности к культуре. Следовательно, любой представитель андеграунда априори оказывался и нонконформистом, и профессионалом.

Таким образом, теория, разработанная Б. Ивановым, закрепляет за андеграундом статус единственного носителя культуры в обществе, тем самым показывает не только ненужность включения в систему официальных отношений, но и невозможность этого в силу изначальных духовных установок.

⁴⁶⁵ Иванов Б. И. Культурное движение как целостное явление. С. 220.

⁴⁶⁶ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати»). С. 85.

Наличие свободной литературно-художественной среды как оформившегося социального феномена является, по мнению Б. Иванова, необходимым условием построения гражданского общества. «Демократические нормы пусты, если они, как соты, не заполнены “мёдом культуры”. Уважение прав личности остаётся формальным до тех пор, пока члены общества лишь преданно следуют отечественным или западным авторитетам, – значение личности доказывается преданностью истине, человечности, способностью открывать новые возможности бытия в рутинном и бесперспективном мире»⁴⁶⁷. Так как в теории Б. Иванова андеграунд становился носителем культуры, то его дальнейшее развитие должно было логически привести к демократизации государства. Парадоксальным образом в идеологии «независимого движения» одновременно постулируются дистанцирование от социально-политической жизни и глобальный проект преобразования устройства страны.

Исходя из этого, официальная позиция восприятия независимого искусства как антисоветского была отчасти справедлива: в контексте идей Б. Иванова о демократизации страны манифестирование аполитичности представителями «неофициальной культуры» выглядит как стремление преобразовать государственный строй «обходными путями».

О потенциальной политизированности «культурного движения» говорит тот факт, что Клуб-81, изначально организованный как исключительно литературное объединение, постепенно начал участвовать в политической деятельности. В книге «История Клуба-81» Б. Иванов, подводя итоги 1988 года, пишет: «Клуб, который непосредственно участвовал в создании Совета культурно-демократического движения, уже давно перестал быть узколитературным»⁴⁶⁸.

Всё же представляется, что действительная цель, которую преследовала редколлегия «Часов», не выходила за рамки отстаиваемой идеологии, в которой культура и искусство были высшими ценностями. В. Крейд в статье

⁴⁶⁷ Иванов Б. И. Две ориентации. Общество. С. 328.

⁴⁶⁸ Иванов Б. И. История Клуба-81. С. 464.

«Экзистенциальный философ» приводит строчку из письма Б. Иванова, характеризующую его мировоззренческие установки: «Личное творчество – вот центр, я никогда не жил вне этой ориентации»⁴⁶⁹. Говоря о той или иной тактике поведения неофициальных авторов, о необходимости изобретения оправдывающей их существование теории, мы хотим только указать на исторические условия, влияющие на формирование концепции. Идеи самодостаточности и аполитичности действительно соответствовали убеждениям активистов «неофициальной культуры», а не были способом смириться с неудачей на официальном поприще. Но при других внешних обстоятельствах, вероятно, понимание задач искусства воплотилось бы у тех же людей в других формах и других стратегиях. Идея самодостаточности андеграунда была не позой, а уверенностью.

Представление о «первичности» «независимой культуры» прочитывается в самом способе подачи любой проблемы Б. Ивановым – рассмотрение философских проблем, проблем религии, искусства (например, статьи об экзистенциализме, о вопросах церковной веры и т. п.) выглядит как рассуждения об общеизвестном материале. Можно сделать вывод, что для среды андеграунда эти темы были актуальны и обращение к ним уже стало привычным. Об этом отсутствии «комплекса “вторичности” или “провинциализма”»⁴⁷⁰ пишет Д. Северюхин, говоря о статьях, опубликованных в журнале «Часы».

Осведомлённость среды андеграунда в вопросах культуры даже подаётся в журнале «Часы» в юмористическом ключе. В статье В. Лапенкова, написанной под псевдонимом И. Непруха и В. Константиади, «Опыт ненужного исследования» рассказывается о якобы существовавшем авторе, от творческой деятельности которого остались только названия работ, такие как «Не могу не молчать», «Ницше, как композитор»⁴⁷¹, «Пришвин и Кант» и пр. Автор статьи пишет, что

⁴⁶⁹ Крейд В. П. Экзистенциальный философ.

⁴⁷⁰ Северюхин Д. Я. От издателя // Кобак А. В., Останин Б. В. Молния и радуга : литературно-критические статьи 1980-х годов. С. 8.

⁴⁷¹ Сохранена авторская пунктуация.

при том, что не известно ни одной строчки из сочинений автора, «они кажутся знакомыми до тривиальности»⁴⁷², и предлагает восстановить содержание произведений читателям, так как их знания и фантазия с лёгкостью помогут это сделать.

Поэты и писатели «неофициальной культуры» зачастую тоже оцениваются как вполне удовлетворённые своим положением: «загнанный на чердаки и в подвалы питерский художник 1960–1970 годов ощущал себя не Акакием Акакиевичем, а Ионой во чреве кита, и что ещё существеннее, это положение, эта несвобода были ему “милее, чем удел высокий”»⁴⁷³.

Другое дело, что создавая машинописные журналы, их редакторы понимали, что занимаясь противозаконной деятельностью, они так или иначе включаются в отношения с государством. Но характер этого взаимодействия был в своей глубинной основе скорее игровым или в широком смысле исследовательским, а не политическим. Такое понимание собственной нелегальной деятельности объясняется при обращении к концепции «культурного движения».

За-социальный человек склонен исследовать окружающую действительность, что предполагает проведение экспериментов с ней и над самим собой: «вся жизнь – опыт, в котором собственная жизнь – осуществляемый эксперимент»⁴⁷⁴.

Создание журнала «Часы» Б. Иванов также называл экспериментом⁴⁷⁵. Таким образом, в стране с политикой контроля за культурной жизнью независимая издательская деятельность также становится проверкой границ свободы, что можно трактовать как проявление за-социальной ориентации.

⁴⁷² Непруха И., Константиади В. Опыт ненужного исследования. С. 204.

⁴⁷³ Арьев А. Ю. Сквозь пейзаж // В Петербурге мы сойдёмся снова. СПб. : С.-Петербург. киновидеотехн. колледж, 1993. С. 6.

⁴⁷⁴ Иванов Б. И. Две Ориентации. Общество. С. 326.

⁴⁷⁵ Об этом Б. Иванов говорил на XLII Международной филологической конференций (Санкт-Петербург. СПбГУ. 14.04.2013).

Выпуск «Часов» в таком ракурсе рассмотрения – это не столько реакция на запрет, сколько его исследование.

Такое отношение к власти было свойственно не только редколлегии «Часов», но и другим активистам независимой среды. В. Кривулин при вручении ему премии Андрея Белого говорит об игровом характере «неофициального движения» и, в частности, данном награждении: «Очевидно, это игра: несерьёзность как жизненность. Здесь нереальность в каком-то смысле более реальна. Это и есть подлинное культурное бытие...»⁴⁷⁶.

Взаимодействие с государством на основе игры или эксперимента исключает признание иерархии, тем самым органично вписывается в общую концепцию Б. Иванова и, согласно ей, остаётся аполитичной.

В журнале «Часы» выстраивается история развития «неофициального движения» – Б. Иванов указывает этапы развития независимой культуры. Проявления неподцензурного творчества, начиная с 1950-х годов, постфактум вписываются в историю движения. Процесс представлен как логично развивающиеся и сменяющие друг друга периоды предпочтений авторами различных, но связанных между собой, ценностных ориентиров. История выстраивается не через рассказ о группах или кружках, а через описание поколений (приблизительно по десятилетиям), у которых усматриваются общие тенденции в творчестве. При издании трехтомника «Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]» Б. Иванов следует уже созданной линии развития – три книги соответствуют трём десятилетиям. В каждый том он помещает те произведения, которые должны выразить главное свойство периода, причём в первый том «1960-е» вошли «Адамчик» Р. Грачёва, «Летний день. Рассказ детёныша» О. Григорьева, которые были выделены в качестве показательных для характеристики поколений ещё в статье «Возвращение парадигмы» в 1975 году.

⁴⁷⁶ Присуждение премии А. Белого // Часы. 1978. № 15. С. 252.

В системе Б. Иванова ценностные ориентиры поколений писателей меняются по схеме: «СОЦИУМ – ПРИРОДА – ЛИЧНОСТЬ»⁴⁷⁷. Авторы конца 1950-х и начала 1960-х годов в основу своего творчества положили опыт непосредственного восприятия как противоположность идеологии, отделяющей человека с помощью наложенной системы отношений от реальной действительности: «происходило открытие мира такого, каков он есть, а не таким, каким он должен быть и каким должен представляться»⁴⁷⁸. Авторы данного периода отвергли социальные ценности и повернулись к естественности.

Позднее (на рубеже 1960–1970-х годов) возобладали христианские настроения: «Христианский аскетизм радикально порывал с естественным человеком как в простой чувственной форме его существования, так и с его духом – в йоге. Меняется “парадигма”, ценностные акценты перемещаются с восприятия бытийственности (материальности) жизни на духовный мир – “естественность предстаёт брэнностью”»⁴⁷⁹.

Как представителя 1970-х годов Б. Иванов рассматривает В. Кривулина и посвящает статьи, в первую очередь, его поэзии, но считает, что выявленные особенности могут быть характерны для всего «культурного движения»: «Наша задача – исследовать системы ценностей в творчестве поэта; выявив их, мы можем надеяться, что его ориентация в прошлой культуре обнаружит свои закономерности и устойчивость, а широкая известность поэзии Кривулина в культурном движении, очевидно, объясняется тем, что она созвучна времени и выражает некоторый итог поисков, по крайней мере, части представителей советского авангарда»⁴⁸⁰.

В «Часах» внимание уделялось сохранению имён первых неподцензурных авторов. 1950-е годы были представлены на страницах журнала материалами, посвященными художникам «арефьевского круга» и поэту Р. Мандельштаму. Для

⁴⁷⁷ Иванов Б. И. Повторение пройденного. С. 244.

⁴⁷⁸ Иванов Б. И. Возвращение парадигмы. Без нумерации.

⁴⁷⁹ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Часы. Без нумерации.

⁴⁸⁰ Иванов Б. И. Повторение пройденного. С. 238.

истории «культурного движения» эта группа была важна как пример отказа от построения карьеры и попыток добиться признания в социуме.

В № 1 и № 6 были помещены стихотворения Р. Мандельштама. Первая публикация сопровождалась воспоминаниями О. Покровского о последних днях жизни поэта («Положи мне руку на сердце...»⁴⁸¹). Вторая – предисловием, содержащим сведения биографического характера, написанным Ф. Коссом⁴⁸².

Статьи, посвящённые «арефьевцам», были опубликованы в номерах 12–13 (1978) в связи со смертью А. Арефьева (М. П. «Он был среди нас», А. Басин «С Сашей Арефьевым...», В. Видерман «Это было его большой ошибкой», О. К. «Из рассказов об Арефьеве», У. Истоков (псевдоним С. Шеффа) «Возвращение реализма»⁴⁸³, запись А. Басина «Нас пачкает не что входит, но что исходит»⁴⁸⁴).

Взгляды «арефьевцев» оказываются близки концепции издания. Статья «Нас пачкает не что входит, но что исходит» является записью А. Басиным слов А. Арефьева о Р. Мандельштаме, о принципах творчества «арефьевцев», истории группы и пр. В качестве разъяснения идейной концепции группы приводится сравнение двух способов существования в обществе. Успешный артист сопоставляется с балансировкой акробата ради аплодисментов публики, трагический – с балансировкой над ямой с нечистотами – сохранение равновесия становится способом спасти себя от бесчестия. Противопоставление двух типов артистов сходно с делением общества на социальную и за-социальную ориентацию. Представление Б. Иванова о творчестве как «личном эмоциональном переживании мира»⁴⁸⁵ согласуется с описанием А. Арефьевым процесса создания картины: «Увидеть объект (изображаемого) / “затрястись” от него / (получив вдохновение), / потом личными изобразительными средствами / и самым острым

⁴⁸¹ Покровский О. В. Положи мне руку на сердце : из воспоминаний о поэте Р. Мандельштаме // Часы. 1976. № 2. Без нумерации.

⁴⁸² Косс Ф. Роальд Мандельштам // Часы. 1977. № 6. Без нумерации.

⁴⁸³ Истоков У. Возвращение реализма // Часы. 1978. № 13. С. 179–187.

⁴⁸⁴ [Арефьев А. В.] Нас пачкает не то, что входит, а что исходит / запись и построение Анатолия Басина // Часы. 1978. № 13. С. 187–201.

⁴⁸⁵ Иванов Б. И. Реализм и личность // Часы. 1981. № 32. С. 226.

методом это выразить»⁴⁸⁶. То есть художники «арёфьевцы», группа которых существовала задолго до построения концепции «неофициального движения», в контексте издания включаются в «неофициальную культуру», причём их позиция внутрикружковой замкнутости поддерживает стратегию «Часов»: декларацию самодостаточности андеграунда и независимости от государственного признания.

А. Морев также стал фигурой, значимой для истории самиздата как жертва культурной политики СССР: ему было отказано в публикациях. В психическом расстройстве он сжёг свои стихи в конце 1960-х годов, а в 1979-м покончил с собой. Подборки его стихотворений были опубликованы в № 4 (1976)⁴⁸⁷, проза – в №№ 2 (1976), 13 (1978)⁴⁸⁸. Несмотря на то, что данный автор был более известен как поэт, в сборник «Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]»⁴⁸⁹ были включены его рассказы, что отражает представление Б. Иванова о А. Мореве как об авторе, характеризующем эпоху 1970-х годов.

Р. Грачёв – ещё один автор, которому уделяет внимание Б. Иванов при описании истории неофициальной литературы, причём как в статьях, опубликованных в «Часах», так и в позднейших работах, созданных уже после легализации независимой печати. В сборнике «История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы» Р. Грачёву посвящена отдельная статья «Рид Грачёв»⁴⁹⁰. В статьях по истории неофициальной литературы, имеющих обобщающий характер, ему уделено особое внимание⁴⁹¹.

Смеем предположить, что на формирование у Б. Иванова мировоззрения, которое воплотилось в концепцию «неофициального движения», оказали влияние идеи Рида Грачёва о принципах творчества.

⁴⁸⁶ [Арефьев А. В.] Нас пачкает не то, что входит, а что исходит. С. 193.

⁴⁸⁷ Морев А. С. Стихотворения // Часы. 1976. № 4. С. 113–127.

⁴⁸⁸ Морев А. С. Раненый и трус // Часы. 1976. № 2. Без нумерации ; Его же. Для радости // Часы. 1978. № 13. С. 104–112.

⁴⁸⁹ Морев А. С. Грибное лето ; Свет в окне ; Цвет японских гравюр // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1970-е. С. 23–66.

⁴⁹⁰ Иванов Б. И. Рид Грачёв. С. 49–59.

⁴⁹¹ Иванов Б. И. Литературные поколения в ленинградской неофициальной литературе: 1950-е – 1980-е годы ; Его же. На закате империи // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1980-е. С. 448–472.

Б. Иванов считал Р. Грачёва одним из главных выразителей тенденций неофициальной литературы 1960-х годов. Во вступительной статье к книге Р. Грачёва «Письмо заложнику» Б. Иванов повторяет мысль, ранее высказанную в работе «Возвращение парадигмы», напечатанной в «Часах» ещё в 1980-м году: в 1960-е годы авторами «стихийно исповедовалось» положение натурфилософии «человек изоморфен природе»⁴⁹². Среди авторов, придерживающихся этой концепции, помимо Р. Грачёва, Б. Ивановым названы Ю. Казаков, Б. Вахтин, В. Аксёнов, А. Битов, О. Базунова, Б. Сергуненков, Г. Горбовский, Л. Аронзон. В противовес данной направленности к «естественности» в официальной идеологии «оправдывалось насилие над природой, в том числе над природой человека»⁴⁹³. Б. Иванов считал, что Р. Грачёв в конце 1950-х и начале 1960-х своим творчеством «совершил переворот – показал жизнь, пренебрегая идеологическими клише»⁴⁹⁴ и раскрыл тему «естественного порыва души»⁴⁹⁵, после чего «идеология культурного движения взяла начало в понимании человеком себя частью природы – носительницей гармонии, а не воплощением каких-либо доктрин»⁴⁹⁶.

В статье «Возвращение парадигмы», говорится о том, что после периода «природной парадигмы» (которая была свойственна 1960-м) «культурное движение» переходит к парадигмам «социума» и «личности». Подобные изменения ценностных ориентиров Б. Иванов видит в творчестве Р. Грачёва: происходит постепенный уход от «природы» и перенос «в его мировоззрении центра тяжести с эстетики чувственной непосредственности (“адамизма”) на позицию гражданскую»⁴⁹⁷. Причём Б. Иванов упоминает о влиянии, которое оказала эта перемена в идейной направленности Р. Грачёва на «молодую

⁴⁹² Иванов Б. И. Легенда шестидесятых – Рид Грачёв. С. 24.

⁴⁹³ Там же.

⁴⁹⁴ Там же. С. 16.

⁴⁹⁵ Там же.

⁴⁹⁶ Там же.

⁴⁹⁷ Там же. С. 35.

питерскую литературу»⁴⁹⁸. То есть в концепции Б. Иванова опять постулируется, что Р. Грачёв воплощал главные тенденции в неофициальной литературе и воздействовал на творчество других неподцензурных авторов.

Б. Иванов видит в Р. Грачёве родоначальника культурного сопротивления. «Грачёв предпринимает одну из первых попыток шестидесятников противопоставить идеологической доктрине КПСС – доктрине социальных разделений и конфликтов, революций и войн – программу осмысленных нравственных коррекций на ход исторического развития»⁴⁹⁹.

В статье «Легенда шестидесятых – Рид Грачёв» Б. Иванов пересказывает идеи Р. Грачёва о значении просветительской деятельности интеллигенции⁵⁰⁰ для нравственного развития народа⁵⁰¹. Эти мысли сходны с высказываниями Б. Ивановым в статье «Экзистенциализм?... Мимо»⁵⁰², где интеллигенция представлена как основа культурного развития общества.

С точки зрения Б. Иванова, Р. Грачёв обладает свойством, которое отличает настоящего художника, – умением прорывается к «реальности»: «Сам автор переживает состояния в их *чистом* (“реактивном”) виде, отсюда эстетика освобождения от деталей, сложных психологических наслоений ради открытия забытого, занавешенного прежними культурными рефлексиями подлинного мира»⁵⁰³.

В 1960-е годы Р. Грачёв обратился к переводу очерков А. Сент-Экзюпери, что послужило поводом к написанию статьи «Присутствие духа». Характеристики, которые Р. Грачёв даёт творчеству писателя, сходны с названными Б. Ивановым признаками литературы реализма. Р. Грачёв писал, что А. Сент-Экзюпери «снимает ложные иллюзии и оставляет человека наедине с

⁴⁹⁸ Иванов Б. И. Легенда шестидесятых – Рид Грачёв. С. 35.

⁴⁹⁹ Там же. С. 40.

⁵⁰⁰ Там же. С. 41.

⁵⁰¹ Там же. С. 60.

⁵⁰² Иванов Б. И. Экзистенциализм?... Мимо.

⁵⁰³ Иванов Б. И. Легенда шестидесятых – Рид Грачёв. С. 21.

действительными проблемами жизни»⁵⁰⁴ и что «он писал “от себя”, раскрывал в своём творчестве свою духовную личность»⁵⁰⁵, и именно в этом Р. Грачёв видит отличие Сент-Экзюпери «от многих и многих писателей, использующих в качестве основы творчества те или иные философские системы, идеологии, пристрастия»⁵⁰⁶.

О взаимосвязи Б. Иванова и Р. Грачёва пишет В. Крейд в статье «Экзистенциальный философ»⁵⁰⁷, где упоминает о схожести мировоззренческих установок авторов. В. Крейд также описывает Р. Грачёва как значимую фигуру 1960-х годов и исключительную личность: «Грачев до того, как болезнь окончательно уловила его, был, конечно, ловцом человеков. Алхимик общения, он находил человека неискушенного, и через известное время из сырой материи получался интеллигент в лучших традициях, Грачев – универсалист»⁵⁰⁸. Говорит о некотором влиянии Р. Грачёва на Б. Иванова: «Инициация, исходящая от Рида, в чем-то коснулась и Б. И.»⁵⁰⁹.

История «неофициального движения» Б. Ивановым не только описывалась, но и формировалась. Поэтому работы, воспроизводящие хронологию развития независимой литературы, создаваемые позже, основываются на статьях главного редактора «Часов» и даже повторяю его терминологию⁵¹⁰. От этого проистекают некоторые неточности. Обращение к публикациям Б. Иванова в разделах «Философия», «Критика», «Время и проблемы» позволяют уточнить специфику понятий, используемых при описании андеграунда, в частности, слова «культура» и «институализация» вне контекста теории Б. Иванова трактуются в их общеупотребительном значении, что несколько искажает представление о

⁵⁰⁴ Грачёв Р. И. Присутствие духа // Грачёв Р. И. Письмо заложнику. С. 612–613.

⁵⁰⁵ Там же. С. 618.

⁵⁰⁶ Там же.

⁵⁰⁷ Крейд В. П. Экзистенциальный философ.

⁵⁰⁸ Там же.

⁵⁰⁹ Там же.

⁵¹⁰ Долинин В. Э. Ленинградский периодический самиздат середины 1950–80-х годов ; Его же. Неподцензурная литература и неподцензурная печать ; Долинин В. Э., Северюхин Д. Я. Преодоление немоты // Самиздат Ленинграда.

характере «культурного движения». Так, отсылка к идее о структуре общества и месте культуры в нём проясняет мотивацию названия «неофициальное культурное движение». Что касается «институализации», то в работе «Две ориентации. Общество» даётся следующее толкование: «Институализация культуры – это обретение статуса независимости от социальной ориентации как частью индивидов, так и некоторыми её консолидациями»⁵¹¹. В трактовке Б. Иванова определение данного процесса дополняется коннотацией, обусловленной как субъективной онтологией автора, так и частным, исторически продиктованным, характером становления движения. Институализация, во-первых, связывается именно с культурой, которая расценивается как некий общественный институт, во-вторых, наделяется дополнительной смысловой нагрузкой, а именно утверждением необходимости разрыва с государственными структурами. То, что Б. Иванов назвал «институализацией» «неофициального культурного движения» отражает процесс превращения среды неподцензурного творчества в объект собственного создания.

Как уже было рассмотрено в первой главе настоящей работы, «неофициальное движение» обладает полистилистическими чертами. Журнал «Часы» как непосредственная составляющая «независимой культуры» также воплотил в себе описанные признаки. Но, кроме того, выделенные Л. Иониным свойства полистилистической культуры оказались созвучны выраженной редакторами издательской позиции.

Так принцип *деиерархизации* полностью совпадает с отказом от системы иерархии, который входит в издательскую политику журнала «Часы», и, согласно концепции Б. Иванова, является характеристикой за-социальной личности, которая соотносится с представителем «неофициального движения».

Литературный материал, представленный в «Часах», подтверждает *деканонизацию* как характеристику полистилистической культуры. В идеологии журнала отсутствие канона было объявлено принципом издания и

⁵¹¹ Иванов Б. И. Две ориентации. Общество. С. 357–358.

поддерживалось статьями главного редактора. Самая показательная из них – статья Б. Иванова «Каноническое и неканоническое искусство» (Часы. 1978. № 16).

Детотализация не так однозначно согласуется с позицией «Часов». С одной стороны, Б. Иванов хочет представить «неофициальное движение» как единство. С другой – говорит о необходимости «цветения культуры». То есть «неофициальная культура» должна быть едина в своём стремлении к разнообразию.

Включение означает максимум культурной терпимости, что стало одним из принципов издания журнала «Часы». К публикации принимались тексты любой формы и содержания (отклонялись только явно «антисоветские» произведения ради сохранения журнала).

Таким образом, представление активистов «неофициального движения» о собственной деятельности как об исторически закономерной подтверждается, если рассматривать «независимую культуру» как полистилистическую культуру, возникшую как естественный противовес доминирующей моностилистической культуре.

Философия Б. Иванова позволяет увидеть «неофициальное движение» как продуманную мировоззренческую систему, связывающую, казалось бы, противоречащие друг другу тенденции. Важно при этом, что стратегия, питаемая этой философией, оказалась действенной. Вслед за журналом появились новые формы культурной жизни, организованные редколлегией, – литературная премия имени Андрея Белого, конференции. Клуб-81 стал естественным продолжением инициативной деятельности «часовщиков». Многие последующие журналы начали выходить при участии членов редколлегии «Часов». То есть «неофициальная культура», приняв собственную замкнутость, смогла не только развиваться, но и выступить конкурентом доминирующему искусству.

2.3. Сопоставление концепции «неофициального культурного движения»

Б. Иванова с теорией соцреализма

Чтобы изучить и понять стратегию поведения «независимого движения», особенности его философии, нужно рассмотреть не только его саморепрезентацию, но и определить характер его противопоставления с идеологией соцреализма как с доминирующей теорией в культуре.

Рассмотрим точки соприкосновения теорий и основные пункты их расхождения.

В работе Б. Иванова «Две ориентации. Общество» (Часы. 1976. № 1) разделение на официальную и неофициальную культуру преподносится как проблема онтологического характера, то есть объясняется неизменным наличием в обществе социального и за-социального типов. Исходя из этой концепции, независимая литература существовала не вопреки цензурному контролю, а как проявление естественного исторического закона.

В теории устройства общества Б. Иванова базовыми являются понятия «социум» и «культура», но используются они в авторской трактовке (которая и составляет ядро концепции). Интерпретация терминов противоречит их толкованию в «Философском словаре», вышедшем в «Издательстве политической литературы» в 1972 году, то есть наиболее приближенном по времени к появлению журнала «Часы». Словарь даёт следующее определение понятию «культура»: «совокупность материальных и духовных ценностей, созданных и создаваемых человечеством в процессе общественно-исторической практики и характеризующихся исторически достигнутой ступенью в развитии общества»⁵¹². Культура трактуется как историческое явление и ставится в зависимость от смены социально-экономических формаций, то есть оказывается вторичной по отношению к материальным условиям. Непосредственными и опосредованными

⁵¹² Философский словарь / под. ред. М. М. Розенталя. М. : Изд-во политической литературы, 1972. С. 196.

создателями культуры названы широкие трудящиеся массы. «Руководящую роль в создании и развитии социалистической культуры играет Коммунистическая партия»⁵¹³. Официальная идеология делит культуру по признаку соотношения с политическим устройством государства на буржуазную, демократическую, социалистическую и т.п. Но культура коммунизма становится синонимом общечеловеческой, так как включает в себя «все многообразие и богатство духовной жизни общества»⁵¹⁴.

Теория Б. Иванова с позиции идеологии государства может быть истолкована как типичная идеалистическая концепция в силу её отрыва от «материальной основы»⁵¹⁵ и трактовки культуры как продукта «элиты».

Если, с точки зрения официальной системы взглядов, культура неотделима от социалистического и коммунистического строительства, то, в интерпретации Б. Иванова, выраженной в работах «Две ориентации. Общество» (Часы. 1976. № 1), «Повторение пройденного» (Часы. 1978. № 12), «По ту сторону официальности» (Часы. 1977. № 8) культура не связана с политическими целями, а трактуется как универсальное выражение индивидуального взгляда на мир с целью познания, причём культура – это не столько «материальные и духовные ценности», сколько сами носители особого типа сознания, благодаря которому они и могут не копировать, а создавать произведения искусства, или даже метафизическая сила, находящая воплощение в творческом поиске людей. Как таковая, культура не может зависеть от государственного устройства, от него может зависеть только способ существования авторов – более свободный или угнетаемый.

Позиция Б. Иванова в понимании задач литературы и критериев её оценки противопоставляется официальной идеологии по ряду параметров.

⁵¹³ Философский словарь / под. ред. М. М. Розенталя. М. : Изд-во политической литературы, 1972. С. 197.

⁵¹⁴ Там же.

⁵¹⁵ Там же. С. 196.

В концепции Б. Иванова основополагающим параметром культуры является неприятие канона. Канон Б. Иванов в работе «Каноническое и неканоническое искусство» (Часы. 1978. № 16) определял как «принцип конструирования известного множества произведений»⁵¹⁶, указание границ, «в пределах которых текст воспринимается как эстетический»⁵¹⁷. Отрицание каких-либо требований извне по отношению к творчеству осмысливается как необходимое условие для создания культуры. Под настоящим искусством понимается только то, что найдено в ходе индивидуального непосредственного восприятия действительности. Противопоставление официальной идеологии пролегает не в отрицании тех или иных особенностей художественного стиля, а через отвержение возможности их регламентации и культивирования.

Таким образом, исходя из теории Б. Иванова, для произведений независимой литературы не могут быть определены характерные черты, отличающие неофициальное искусство от советского. Объяснение расхождений между ними переносится на личность автора, на изначальные установки его творчества и в целом на мировоззрение.

Кроме того, в теории Б.И. Иванова «люди культуры» как раз не могут принадлежать к «широким трудящимся массам» в силу другой духовной ориентации. Наличие руководящей роли в создании культуры отрицается как проявление иерархии и регламентации, то есть из тех же позиций, что и неприятие канона.

Некоторые моменты противостояния теорий прослеживаются не так очевидно. В статье «Возвращение парадигмы» (Часы. 1977. № 6), «По ту сторону официальности» (Часы. 1977. № 8), «Повторение пройденного» (Часы. 1978. № 12) Б. Иванов описывает историю неофициальной литературы как смену «парадигмы выбора», под которой подразумевается «ценностные отношения между тремя реальностями: природы, социума, личности»⁵¹⁸. Литературу 1960-х

⁵¹⁶ Иванов Б. И. Каноническое и неканоническое искусство. С. 144.

⁵¹⁷ Там же.

⁵¹⁸ Иванов Б. И. Возвращение парадигмы. Без нумерации.

годов характеризует стремление к «природной парадигме»⁵¹⁹, что означает внимание к частному опыту, связанному с восприятием материального мира, где «природа (в непосредственно-чувственной форме) заняла место сакральной реальности»⁵²⁰. Официальная литература при этом описывается как навязывающая обязательные установленные рамки для построения отношения ко всем аспектам действительности. Важным представляется само противопоставление, которое выстраивает Б. Иванов между авторами «подполья» и советской литературой, и характеристика последней как неприродной, искусственной.

Подобная трактовка советской культуры наблюдается в книге «Gesamtkunstwerk Сталин» Б. Гройса, которая была написана в 1987 году и впервые издана на немецком языке (Gesamtkunstwerk Stalin. München – Wien: Hanser Verlag (Edition Akzente), 1988). Б. Гройс публиковал статьи (в основном под псевдонимом И. Суицидов) в журнале «37» в №№ 2, 4, 9, 12, 16, 18, 20, 21 с 1976 по 1981 год и в журнале «Часы» с 1979 по 1983 год в №№ 21, 23, 25, 31, 37, 43, то есть находился в контексте «независимой культуры». В «Gesamtkunstwerk Сталин» он пишет, что главная цель советского эксперимента «заключалась в том, чтобы разорвать связь с природой, включая природу человеческую, и построить новое общество, представляющее собой полностью искусственную конструкцию»⁵²¹.

В данном случае нам важно свидетельство о представлении авторов «независимой культуры» о том, что «советская власть постоянно и на разных уровнях своей политической и экономической практики демонстрировала глубокое, почти инстинктивное отвращение ко всему естественному»⁵²². Обращение к «природной парадигме» в этом ракурсе становится ответом на официальную культурную политику.

⁵¹⁹ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Часы. Без нумерации.

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ Гройс Б. Е. Gesamtkunstwerk Сталин. М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. С. 7.

⁵²² Там же. С. 8.

Данное положение подтверждается и литературным материалом. В произведениях неофициальной литературы (ещё до появления работ Б. Иванова и Б. Гройса) обнаруживается представление об изначальной гармонии мира, которая поглощает в себя отдельные человеческие жизни, конфликты, войны и т. п. Наиболее полно это выразилось в повести Б. Вахтина «Одна абсолютно счастливая деревня»⁵²³. Данное произведение входило в сборник «Горожане», который Б. Вахтин, В. Губин, И. Ефимов, В. Марамзин подали в издательство «Советский писатель» в 1966 году. Сборник получил отрицательную рецензию Е. Наумова и не был принят к печати. Повесть «Одна абсолютно счастливая деревня» была отклонена из-за «философской и художественной несостоятельности»⁵²⁴. Рецензент посчитал, что «беспечно и бездумно автор говорит о событиях, которые оставили ничем не смываемый кровавый след в жизни и памяти нашего народа»⁵²⁵. Чаше предпочтение «природной парадигмы» проявляется в противопоставлениях города как отрицательного полиса и деревни как положительного. Например, данные тенденции можно заметить в произведениях С. Вольфа «Как-никак лето»⁵²⁶, Н. Коняева «Дерево Рая»⁵²⁷, И. Петкевич «Эники-беники»⁵²⁸, В. Попова «Ювоболь»⁵²⁹, Ф. Чирскова «Андромер»⁵³⁰ и др.

Подобные настроения свойственны и официальной литературе – писателям-деревенщикам. Те, в свою очередь, после разоблачения культа личности тоже строили литературную стратегию по отношению к сталинской

⁵²³ Вахтин Б. Б. Одна абсолютно счастливая деревня // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1960-е. С. 457–517.

⁵²⁴ Наумов Е. И. Рецензия на сб. «Горожане» от 5.07.1966 г. Л. 10.

⁵²⁵ Там же. Л. 9.

⁵²⁶ Вольф С. Е. Как-никак лето // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1960-е. С. 441–454.

⁵²⁷ Коняев Н. М. Дерево Рая // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1970-е. С. 193–196.

⁵²⁸ Петкевич И. Г. Эники-беники // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1960-е. С. 385–430.

⁵²⁹ Попов В. Г. Ювоболь // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1960-е. С. 433–438.

⁵³⁰ Чирсков Ф. Б. Андромер // Часы. 1976. № 1. С. 5–24.

культуре, антиприродной по своей манифестации: «писатели-“деревенщики” повели крестовый поход против индустриального прогресса, “духа потребления”, за сохранение природы и памятников старины»⁵³¹.

Единство неофициальных и официальных авторов в обращении к теме природы показывает условность её разделения, не литературный, а социальный и идеологический характер расхождения.

В работах Б. Иванова критерий опубликованности в государственных издательствах не называется показателем принадлежности к «первой» или «второй» культуре. Поэтому близость писателей-деревенщиков и неподцензурных авторов не является опровержением теории главного редактора «Часов». «Каноническое» и «неканоническое» в искусстве проистекает из мировоззрения автора.

Но, несмотря на акцентирование на разнице между отношением к творчеству со стороны государства и в среде неофициальной литературы, некоторые положения в концепциях обнаруживают сходство.

В теории Б. Иванова, несмотря на представление о культуре как о высшей ценности, искусство носит утилитарный характер.

Официальная культура неразрывно связана с представлением о дидактической функции искусства: «Соцреализм тоже не пытается понравиться массам: его задача – создать такие массы, которым он будет нравиться»⁵³². То есть назначение искусства – воспитать общество. Поэтому на съездах партии как одна из целей всегда обозначалась необходимость «всемерно повышать идейный уровень произведений литературы и искусства, добиваться последовательного осуществления принципов партийности и народности в художественном творчестве»⁵³³.

⁵³¹ Гройс Б. Е. Gesamtkunstwerk Сталин. С. 110.

⁵³² Там же. С. 10.

⁵³³ Обсуждение Отчетного доклада Центрального Комитета КПСС и Отчётного доклада Центральной ревизионной комиссии КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Речь товарища В. В. Гришина // XXIV съезд КПСС. Т. 1. С. 148.

В теории Б. Иванова основной ценностью является не материальный результат творчества, а личность. Поэтому, можно сказать, что искусство в его теории тоже имеет практическое применение и тоже служит преобразованию человека. Но цели противоположны целям официальной идеологии: индивид должен преодолеть давление тоталитарного государства, которое как раз хочет воспитать гражданина в нужном ему ключе.

Поскольку творчество важно как инструмент воздействия, то система ценностей произведения оказывается наиболее значимой его характеристикой. Данная установка существовала не только в официальной литературе, но и в философии «независимого движения». Б. Иванов писал, что критике следует анализировать тексты с позиции «мифа» автора, то есть с точки зрения его ценностных ориентиров⁵³⁴.

Б. Иванов считал, что настоящий художник отражает существующую действительность в соответствии с тем, как он её видит. Разница взглядов Б. Иванова с соцреалистической концепцией пролегает в подходе к оцениванию того, удалось ли автору точно запечатлеть внешний мир. С официальной точки зрения, критерием оказываются исторические законы развития общества. Например, Г. Лукач, анализируя достоинства произведений В. Скотта, пишет: «в лучших исторических романах Вальтера Скотта живет уже в образной форме та поэзия, которую вскрыли Морган, Маркс и Энгельс своими историческими и теоретическими трудами»⁵³⁵. То есть авторы соцреалистической литературы призваны были наиболее точно и верно отражать объективную реальность, которая развивается по историческим законам. В теории Б. Иванова абсолютной ценностью обладал индивидуальный взгляд автора, который не мог быть измерен формальными параметрами. Этот взгляд, если он является источником истинного искусства, должен был: «прорываться сквозь интерпретации к “голому факту”»⁵³⁶.

⁵³⁴ Иванов Б. И. Возвращение парадигмы. Без нумерации.

⁵³⁵ Лукач Г. Исторический роман. I. Классическая форма исторического романа // Литературный критик. 1937. № 7. С. 84.

⁵³⁶ Иванов Б. И. Возвращение парадигмы. Без нумерации.

Решение же, удалось ли писателю увидеть мир и изобразить его, остаётся субъективным. Но признание субъективности как единственно возможного отношения к искусству вообще снимает вопрос об исторической значимости андеграунда (как и любого другого искусства). Поэтому в теории Б. Иванова возникает абстрактная ценностная величина – культура, которая сама на себе замыкается. Если автор обладает способностью постигать реальность, как она есть, его творчество начинает принадлежать культуре. С другой стороны, если художник онтологически принадлежит к за-социальной, или культурной, ориентации (то есть к одному из двух онтологических типов личности, на которые Б. Иванов делит общество), он сможет передать неискажённую картину действительности.

Таким образом, разница между концепциями лежит в представлении о том, изучен ли уже мир: установлены ли основные его законы или мир никогда до конца не может быть познан (эти два подхода оговариваются в статьях Б. Иванова «Две ориентации. Общество», «По ту сторону официальности»). Но литература в любом случае находится в зависимости от действительности, является её воспроизведением, при том, что каждый может воспринимать её индивидуально.

Цель, к которой в будущем культура должна привести государство, также по функции сходна с задачей коммунистического строительства: это преобразование общества. Но задуманное общество, соответственно, различается в разных идеологиях. У Б. Иванова это гражданское общество на демократических основах.

То есть при внешнем противостоянии две культуры обнаруживают единство в отношении к задачам искусства. В обеих концепциях оно направлено на достижение утопического будущего, но различные представления о характере этого будущего – социалистическом или демократическом – вызывают дальнейшее их расхождение.

Также совпадения двух идеологий можно усмотреть в делении культуры на два вида. Концепция Б. Иванова о постоянном существовании «социального» и

«за-социального» направлений в обществе, выраженная в статьях «Две ориентации. Общество», «По ту сторону официальности», в объяснении происхождения независимой культуры обнаруживает сходство с представлением об одновременном присутствии во все эпохи реакционного и прогрессивного искусства, идущим ещё от трудов В. Ленина: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) – притом не в виде только “элементов”, а в виде господствующей культуры»⁵³⁷.

Но, как пишет Б. Гройс в книге «Gesamtkunstwerk Сталин», советская культура расценивала себя как наивысшую точку развития, которая вообще может существовать в творчестве (несмотря на то, что «нельзя мириться с отдельными фактами идейной нечёткости и серости в литературе и искусстве»⁵³⁸), то есть «чувствовала себя – не в проекте, а на самом деле – культурой после конца истории»⁵³⁹. Иерархически искусство СССР оказывается выше, чем существовавшее во все предыдущие эпохи.

Одним из основных пунктов теории Б. Иванова является непризнание иерархических отношений, от этого положения идёт принципиальная разница в обрисовке развития двух ветвей культуры. Концепция Б. Иванова, принимая постоянный характер деления искусства на два направления, не предполагает возможность исчезновения одного из них. Неофициальное творчество, в свою очередь, не трактуется как высшее достижение искусства, а только как один из периодов наряду с остальными.

⁵³⁷ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. С. 120–121.

⁵³⁸ Обсуждение Отчетного доклада Центрального Комитета КПСС и Отчётного доклада Центральной ревизионной комиссии КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Речь товарища П. Е. Шелеста. С. 215.

⁵³⁹ Гройс Б. Е. Gesamtkunstwerk Сталин. С. 66.

Б. Иванов анализирует советское искусство в статье «Повторение пройденного». Он рассматривает аксиологические установки официальной литературы. В его трактовке они формируют литературный канон. Социальная реальность в художественном произведении наделяется высшим значением: «Всё, что связано с категориями ценностей здесь не принадлежит художнику как таковому, но отослано к некоторым объектам: к героям, вождям, историческим событиям и т. д. — т. е. к объективному. Эта отосланность к чему-то вне художника, и определяется как реализм»⁵⁴⁰. Целью литературы является показать процесс приспособления к обществу и пример удачного функционирования в нём: «Именно в сфере социализации развёртываются все художественные темы, сюжеты и сам художник осознаёт свою значимость как активный деятель этого процесса»⁵⁴¹. То есть Б. Иванов указывает область применения и назначение официальной литературы, не отвергая право на существование таких произведений, но подразумевая ограниченность советского искусства. Таким образом, через анализ официальной литературы автор статьи встаёт на более отстранённую, более объективную позицию, благодаря которой с государственного культурного проекта снимается доминирование. В контексте истории он становится только проявлением общего закона деления на социальное и за-социальное.

Позиция журнала «Часы», таким образом, не отрицая, а наоборот, принимая все явления жизни, оказывалась противоположной по отношению к позиции власти.

Кроме теории Б. Иванова, в среде андеграунда в 1980-х годах появлялись и другие попытки описывать разделение культуры как исторический закон: у М. Берга в статье «Новый жанр»⁵⁴², у А. Кобака и Б. Останина в статье «Молния и радуга: пути культуры 60–80-х годов»⁵⁴³, в книге В. Паперного «Культура два»⁵⁴⁴.

⁵⁴⁰ Иванов Б. И. Повторение пройденного. С. 236.

⁵⁴¹ Там же.

⁵⁴² Берг М. Ю. Новый жанр (читатель и писатель) // Литературный А-я. 1985. № 1. С. 4–6.

⁵⁴³ Кобак А. В., Останин Б. В. Молния и радуга: пути культуры 60–80-х годов //

Такое представление для независимой литературы было значимо, так как оправдывало и легитимировало её место в историческом процессе.

Таким образом, связь между концепциями заключается в отношении к культуре как к явлению, развивающемуся по историческим законам, и к искусству как к отображению реальности, но расхождение идеологий проистекает из разницы в понимании внешней действительности и принципов её развития.

Глава 3. Конфликт «герой и коллективный антагонист» как выражение концепции независимой литературы журнала «Часы»

В первой главе настоящей работы мы говорили о том, что «неофициальное культурное движение» выстраивалась на фоне доминирующего соцреалистического искусства. Осмысление противостояния с официальной идеологией легло не только в основу теории «неофициальной культуры», но во многом определило тематику произведений андеграунда. В данной главе мы рассмотрим варианты реализации конфликта «герой и коллективный антагонист» как одного из ведущих конфликтов в построении произведений неподцензурной литературы, опубликованных в журнале «Часы».

3.1. Влияние литературно-критических взглядов Б. Иванова на особенности формирования раздела прозы журнала «Часы»

В статье «По ту сторону официальности», помещённой в сборник «Самиздат. По материалам конференции “30 лет независимой печати. 1950–80 годы”», Б. Иванов писал, что составитель журнала «не должен подгонять произведения путём редактирования к какому-то воображаемому эталону»⁵⁴⁵ и «не должен делать журнал направленческим»⁵⁴⁶.

Несмотря на то, что главный редактор манифестировал отсутствие в «Часах» направления, мы считаем, что редакция и, в первую очередь, сам Б. Иванов ожидали от произведений неподцензурных авторов выражения определённой позиции, согласующейся с теорией «неофициального культурного движения».

Концепция «культурного движения» была рассмотрены нами в главе 2. Напомним главные положения этой теории.

⁵⁴⁵ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати»). С. 84.

⁵⁴⁶ Там же.

Б. Иванов в статьях «Две ориентации. Общество», «Возвращение парадигмы», «По ту сторону официальности», «Повторение пройденного» и др. говорит о том, что независимая от соцреалистического канона литература, неизбежно возникает как одно из следствий постоянного действующего в обществе закона, согласно которому оно делится на людей социальной и за-социальной ориентации. Люди социальной направленности (к которым относятся и представители официальной литературы) руководствуются в повседневной жизни и в творчестве готовыми нормами и образцами. За-социальная личность не признаёт авторитетов и предпочитает выстраивать собственную систему ценностей, исходя из своего опыта. В отношении такого человека начинает действовать «закон, согласно которому, тот художник, который обречён остаться свободным, бежит из социального пространства, в котором не получает признания, по верёвочной лестнице времени»⁵⁴⁷. Социум, в свою очередь, вытесняет людей за-социальной ориентации как чуждые элементы. Таким образом, свободный художник отчасти вынужденно, отчасти сознательно оказывается внизу социальной иерархии, где влияние привычных правил поведения сведено к минимуму. Искусство, которое создаётся за-социальным человеком, не подчиняется принятым в социуме канонам и потому не принимается официальной культурой. Но именно такие отверженные художники создают настоящую культуру, так как, освободившись от давления общества, избавившись от навязываемых социумом трафаретов восприятия, авторы отражают действительную реальность, что, по мнению Б. Иванова, и является задачей искусства.

Для «неофициальной культуры» первостепенная задача, согласно концепции Б. Иванова, это осознание негативного влияния социума. Поэтому произведения, в которых в той или иной форме отражался конфликт человека с угнетающей его силой, трактовались главным редактором журнала «Часы» как соответствующие одной из наиболее актуальных тенденций в литературе.

⁵⁴⁷ Иванов Б. И. Реализм и личность // Часы. 1981. № 33. С. 219.

Таким образом, несмотря на то, что «Часы» должны были «отражать естественным образом естественный ход литературного процесса»⁵⁴⁸, редколлегия «Часов» ожидала от произведений неофициальной литературы воплощение конфликта героя и угнетающего его агрессора.

О существовании данного потенциального запроса говорит следующее:

1. В журнале действовало правило: любой автор мог принести 10 страниц текста, и журнал в обязательном порядке их печатал. В статье «Золотой век самиздата» В. Кривулин пишет, что, если публикация автора в «Часах» «признавалась успешной, он становился постоянным сотрудником»⁵⁴⁹. Как свидетельствует Б. Останин, после выхода номера редколлегия собиралась для обсуждения выпуска и давала оценку опубликованным текстам. То есть «успех» или «не успех» произведения определялся «часовщиками», а читательский отклик не отслеживался (хотя, учитывая, что редколлегия была сформирована из постоянных подписчиков, можно считать, что мнение редколлегии приблизительно отражало и читательский запрос).

Следовательно, у редколлегии «Часов» должны были существовать критерии оценки художественного текста, на основании которых принималось решение о дальнейшем сотрудничестве с автором.

2. В 2002–2004 годах вышел трёхтомник «Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]» («1960-е», «1970-е», «1980-е»), который составил Б. Иванов. По его замыслу сборник позволял «понять внутренние мотивы творчества независимых авторов»⁵⁵⁰.

Из сорока девяти произведений, отобранных Б. Ивановым для сборника, в тринадцати протагонистами являются герои, которые по тем или иным причинам не могут гармонично существовать в социуме. В повестях и рассказах, где действуют персонажи такого типа, в основе фабулы часто лежит сходный по

⁵⁴⁸ Иванов Б. И. По ту сторону официальности // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати»). С. 85.

⁵⁴⁹ Кривулин В. Б. Золотой век самиздата. С. 353.

⁵⁵⁰ Иванов Б. И. На закате империи. С. 448.

своему строению конфликт. В обобщённом виде его можно представить следующим образом: в противоборство вступает герой и некое угнетающее его или даже агрессивное начало, которое не сосредоточено в конкретном носителе, а представляет отрицательную силу, имеющую множественное воплощение, обладающую всезнанием и властью (для простоты будем условно именовать данного участника конфликта «угнетающей силой»). В текстах она может быть представлена как инопланетная раса, правительство, общество, организация, соседи, преступный мир и т. п. В некоторых случаях конфликт не имеет характер острого противоборства, а выражен в неспособности героя «вписаться» в социум.

В 1-ом томе («1960-е») в том или ином виде данный конфликт наблюдается у пяти (из одиннадцати) авторов в следующих произведениях: «Бездельник» А. Битова, «Поденок» Б. Иванова, «Продолжение следует» А. Кондратова, «Эники-беники» И. Петкевич, «Поражение» Ф. Чирскова.

Во 2-ом томе («1970-е») – у четырёх (из пятнадцати) авторов в следующих произведениях: «Таксидермист, или Охота на серебристоухого енота» И. Беляева, «Пять углов» Б. Дышленко, «Афоня с большой жёлтой папкой», «Настенька» Н. Коняева, «Крысолов» Т. Корвин.

Во 3-ем томе («1980-е») – у трёх (из тринадцати) авторов в произведениях: «Сокращение» А. Адамацкого, «Что говорит профессор» Б. Дышленко, «Сентиментальное путешествие вдоль реки Мойки, или Напиться на халяву» Е. Звягина.

Таким образом, состав «Коллекции: Петербургская проза [ленинградский период]» свидетельствует, что произведения, описывающие конфликт человека и угнетающей силы, трактовались Б. Ивановым как характерные для неофициальной литературы.

3. В литературно-критических статьях Б. Иванова при описании творчества некоторых неофициальных авторов сделан акцент на теме вытеснения человека из социума независимо от того, имеется ли в данных произведениях конфликт такого рода.

Так в энциклопедии «Самиздат Ленинграда» творчество Бориса Рохлина охарактеризовано следующим образом: «Проза посвящена жизни провинциальных низов, “маленьких” людей, простых работяг и пьяниц, которые не вписываются в советскую жизнь и потому оказываются на обочине»⁵⁵¹. Авторами-составителями данной энциклопедии являются представители редколлегии журнала «Часы» – В. Долинин, Б. Иванов, Б. Останин. Авторство статьи о Б. Рохлине, из которой была приведена цитата, не указано, но, по свидетельству В. Долинина, статья написана Б. Ивановым. В «Часах» были опубликованы следующие произведения Б. Рохлина: «Жизнь и вознесение Виталика», «Танька», «Рита, Маленький и мы», «Вертоград любви», «Жиганов и Шеманов, или Смута сердца»⁵⁵². В них, действительно, описываются люди невысокого социального ранга, часто опустившиеся, но утверждение, что они «не вписываются в советскую жизнь и потому оказываются на обочине», сложно признать истинным, так как среда, в которой пребывают герои, им соответствует. Социальное пространство, изображённое в текстах, однородно, в основе фабулы нет противостояния тех, кто «вписался» и «не вписался» в социум.

Персонажи Б. Рохлина не могут благополучно устроиться в жизни, но это происходит скорее потому, что действительность в произведениях представлена как угнетающая любого пребывающего в ней человека. Её негативная коннотация строится через описание нечистоплотного быта социальных низов, разрухи, плохой погоды и т. д.

В повести «Танька» показана жизнь персонажей на окраине Ленинграда 1950-х годов. Через всё повествование проходит образ талой мутной воды. Дом героини находится в месте, где протекает «дневная редкая жизнь улочек с талым снегом»⁵⁵³ и ходят «туманные влажные массы»⁵⁵⁴; вода в канале «маслянистая и

⁵⁵¹ Самиздат Ленинграда. С. 320.

⁵⁵² Рохлин Б. Б. Жизнь и вознесение Виталика // Часы. 1977. № 8. С. 34–49 ; Его же. Танька // Часы. 1978. № 11. С. 4–29 ; Его же. Рита, Маленький и мы // Часы. 1978. № 11. С. 30–35 ; Его же. Вертоград любви // Часы. 1978. № 11. С. 36–50 ; Его же. Жиганов и Шеманов, или Смута сердца // Часы. 1980. № 28. С. 20–31.

⁵⁵³ Рохлин Б. Б. Танька. С. 5.

мало склонная к движению»⁵⁵⁵; весна представлена как «хмурые месяцы с мокрым снегом»⁵⁵⁶, «мутная погода со снегом»⁵⁵⁷; отец Таньки вырос у мутной реки⁵⁵⁸; первая близость с возлюбленным у героини происходит у реки, от которой несёт «сыростью и снегом»⁵⁵⁹; даже электрический свет обозначается как «светлая муть»⁵⁶⁰; в финале рассказа героине снится сон, «что она идёт по пояс в холодной воде». Образ мутного потока прослеживается и в структуре повествования. Это имитация мыслительного процесса, который воспроизводится в длинных сложных по составу предложениях с обилием деепричастных и причастных оборотов, причём грамматически не связанных с ближайшими словами. Рассказ часто перескакивает с темы на тему. Логические связи в нём могут передаваться знаком тире («почудилось невероятное или почему – непонятно – внутри – вздрогнула вся разом»⁵⁶¹, «...было слышно отчётливо до замирания, до страха, что увидят, – такой вид – не для показа»⁵⁶²). Используется много уточняющих оборотов, содержащих синонимы и лексические повторы («к земле, к земной плоскости, поверхности»⁵⁶³), а запятые между однородными членами, соединёнными повторяющимся союзом «и», не ставятся («...и никакой возможности в неё вложить реки и куда впадают и разных писателей»⁵⁶⁴). В итоге получается скачкообразный или «спотыкающийся» стиль изложения, который, с одной стороны, передаёт мыслительный поток, с другой, поддерживает ключевой образ мутной реки.

Тема разлада героини с советским обществом может быть усмотрена разве что в том, что Танька не любит торжественных мероприятий в школе и не

⁵⁵⁴ Рохлин Б. Б. Танька. С. 5.

⁵⁵⁵ Там же.

⁵⁵⁶ Там же. С. 11.

⁵⁵⁷ Там же. С. 12.

⁵⁵⁸ Там же. С. 9.

⁵⁵⁹ Там же. С. 13.

⁵⁶⁰ Там же. С. 8.

⁵⁶¹ Там же. С. 12.

⁵⁶² Там же. С. 13.

⁵⁶³ Там же. С. 15.

⁵⁶⁴ Там же. С. 18.

понимает смены идеологической направленности после развенчания культа личности. Но и в этом случае интерпретация произведения, данная в энциклопедии «Самиздата Ленинграда», не будет полностью оправдана, так как мотива вытеснения из общества «на обочину» в произведении нет.

В рассказе «Рита, Маленький и мы» характер социальной среды передаётся через детали быта опустившихся людей: присущую им грязь одежды и обстановки, непристойное поведение, пьянство. Например: «Рука того уже по кисть исчезла под кофточкой, ядовито-зелёной, с тёмными пятнами вина, грязи и пищи. Из-за возникшего беспорядка из-под кофточки вылезла грязная белая рубашка, мужская и без пуговиц»⁵⁶⁵. Ощущение тесноты и захламлённости пространства передаётся через перечисление случайных предметов: «Рита копалась в своей сумочке, вытаскивая оттуда луковицу, бюстгальтер, шнурок, бляху от ремня...»⁵⁶⁶.

И в повести «Танька», и в рассказе «Рита, Маленький и мы» персонажи не противостоят социуму, а являются его частью.

Тема неумения приспособиться к жизни присутствует в рассказах «Жизнь и вознесение Виталика» и «Жиганов и Шеманов или Смута сердца».

В первом из этих произведений изображён своеобразный процесс обратной эволюции человека. После разрыва с женой герой дичает, теряет человеческий облик, он сравнивается с собакой (оставляет за собой «стойкий запах больной собаки»⁵⁶⁷, скулит и жалобно подвывает, «как самое натуральное животное из пород собак»⁵⁶⁸), с неодушевлённым предметом («постепенно Виталик стал походить на ветошь, которой протирают металлические части парохода. И если кто замечал его, то думал, что это негодная, вышедшая из употребления вещь»⁵⁶⁹), с плесенью («он должен был превратиться в другое – живущее и даже одушевлённое, но побочное человеку существо: грибок на стенках пароходика,

⁵⁶⁵ Рохлин Б. Б. Рита, Маленький и мы. С. 31.

⁵⁶⁶ Там же. С. 32.

⁵⁶⁷ Рохлин Б. Б. Жизнь и вознесение Виталика. С. 35.

⁵⁶⁸ Там же. С. 36.

⁵⁶⁹ Там же. С. 44.

речную водоросль или просто в заплесневелый налёт неизвестной по названию растительности»⁵⁷⁰). В финале герой распадается на элементы и сливается с космосом.

Действие рассказа «Жиганов и Шеманов, или Смута сердца» разворачивается на ферме, где «корма худые и малосильные и отсутствуют другие предметы первой необходимости»⁵⁷¹, сломана трамвайная печь, отключается электричество, коровы не дают молока, то и дело выходят из строя трубы и из-под земли бьют фонтаны прорвавшейся воды.

Все персонажи в произведении находятся в душевном смятении из-за нереализованности своих устремлений. Жиганов хочет починить печь, Бурыгин наладить хозяйство, спортсмен Шеманов усовершенствовать жизнь в стране (для чего изучает историю). Молодая жена Жиганова испытывает «чувство тоски и беспокойства»⁵⁷². Эта общая «смута сердца» и вынесена в названии как основная тема произведения.

С ключевым мотивом тоски связан мотив смерти: под действием душевных переживаний все обитатели фермы умирают или исчезают. Корова на ферме умирает «от холода и печали железобетонных конструкций»⁵⁷³. Бурыгин, который «в зимние месяцы находился в чуждой ему потрясённости и бесчувственности большинства наружных выражений здравствующего организма»⁵⁷⁴, умирает «от недостатка внешних радостей сердца»⁵⁷⁵. Потом исчезает Шеманов после того, как углубился «он в самую печаль и непосредственность прошедшей до него жизни, но света всё не было. А только мрак, скорбь, да неприютность сиротства и запустения»⁵⁷⁶. На ферме остаётся только Жиганов, который уже не пытается наладить печь, а завещает её починку «будущим людям»⁵⁷⁷, то есть тоже

⁵⁷⁰ Рохлин Б. Б. Жизнь и вознесение Виталика. С. 45.

⁵⁷¹ Рохлин Б. Б. Жиганов и Шеманов, или Смута сердца. С. 20.

⁵⁷² Там же. С. 27.

⁵⁷³ Там же. С. 24.

⁵⁷⁴ Там же. С. 26.

⁵⁷⁵ Там же.

⁵⁷⁶ Там же. С. 28.

⁵⁷⁷ Там же. С. 30.

отказывается от своих устремлений. На близкую кончину Жеганова намекает его письмо жене, в котором он отправляет «реестр даруемого ей имущества»⁵⁷⁸.

Рассказ «Жиганов и Шеманов, или Смута сердца» в наибольшей степени соответствует интерпретации, данной в энциклопедии «Самиздат Ленинграда», но изображённая в нём социальная среда не делится на центр и периферию. Идея рассказа скорее заключается в том, что действительность непереносима, но не вследствие её соотнесения с государственным устройством, а по своей экзистенциальной сути.

Таким образом, трактовка конфликта в прозе Б. Рохлина, данная авторами энциклопедии, выявляет потенциальный запрос к неофициальной литературе: представление о том, что произведения «культурного движения» должны изображать вытеснение из социума «не вписывающегося» в него человека. Повести и рассказы Б. Рохлина прочитывались редколлегией «Часов» в свете концепции Б. Иванова об уходе на границу жизни за-социальных личностей, поэтому в текстах усматривалось противостояние героев советской действительности.

В том же ключе Б. Ивановым трактовалась проза Александра Морева. Его творчество охарактеризовано как реалистическое «в том смысле, что как автор он относится с доверием лишь к тому, что обладает чувственной достоверностью, а не социальной ангажированностью»⁵⁷⁹. Данная цитата показывает, что в творчестве А. Морева Б. Иванов видит свойство, которое, согласно его теории, отличает настоящего писателя: восприятие действительности вне навязанных канонов. Рассказ «Цвет японских гравюр» Б. Иванов называет «романтическим монологом»⁵⁸⁰. И, обобщая, утверждает, что А. Морев «пытался нащупать в человеке то органическое ядро, которое существует вне официальных трафаретов морали и образцов»⁵⁸¹.

⁵⁷⁸ Рохлин Б. Б. Жиганов и Шеманов, или Смута сердца. С. 31.

⁵⁷⁹ Иванов Б. И. Александр Морев // Часы. 1979. № 20. С. 258.

⁵⁸⁰ Там же.

⁵⁸¹ Там же.

Герой рассказа «Цвет японских гравюр»⁵⁸² может быть истолкован как представитель культуры: он рассуждает о писателях, художниках и музыкантах, говорится о том, что он постоянно занят работой, ценит это качество в других, предпочитает дело пустым разговорам, при этом (как мы узнаём из реплик его возлюбленной) в спорах легко одерживает победу. Социум, однако, в рассказе не представлен, и упомянутые Б. Ивановым «официальные трафареты морали и образцы», вне которых герой существует, домыслены автором статьи, как то, чему должен, исходя из его теории за-социальной личности, противостоять подобного рода герой.

Приведённые примеры трактовок Б. Ивановым повестей и рассказов Б. Рохлина и А. Морева показывают, что главный редактор «Часов» привносил конфликт личности и социума в свой анализ творчества писателей, даже если в произведениях данное противостояние явно не было выражено.

4. Представление о том, какой должна быть литература «культурного движения», Б. Иванов раскрывал через понятие «реализм», но вкладывал в данный термин собственное значение. В работе «Реализм и личность» он писал: «Адекватность искусства экзистенциальному опыту художника – это и есть основа основ реализма»⁵⁸³. В статье «Культурное движение как целостное явление»⁵⁸⁴ Б. Иванов также объяснял, что он подразумевал под «реализмом» в искусстве: «Мне кажется, что творческая задача культурного движения – реализм. Говоря “реализм”, я не предполагаю возвращение к такому его пониманию, как “отражение действительности” и эстетику правдоподобия. Реализм это: 1. Экзистенциальная обоснованность духовных и социальных проектов;

⁵⁸² Рассказ «Цвет японских гравюр» не был напечатан в «Часах», хотя Б. Иванов даёт ссылку на публикацию в журнале, но без указания номера. Рассказ был помещён в сборник «Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]» – Морев А. С. Цвет японских гравюр // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1970-е. С. 42–66.

⁵⁸³ Иванов Б. И. Реализм и личность // Часы. 1982. № 36. С. 292.

⁵⁸⁴ Статья Б. Иванова «Культурное движение как целостное явление» была опубликована в журнале «Часы» в составе материалов «1-ой конференции культурного движения» (1-ая конференция культурного движения // Часы. 1979. № 21. С. 209–243). Конференция состоялась 16 сентября 1979 года.

2. Единство личной творческой направленности, биографии с историей, т. е. осознанная и ответственная корреляция с проблемами современности; 3. Близость к “языку”, которым мы говорим, как условие искренности и открытости пониманию»⁵⁸⁵.

Таким образом, реалистические произведения должны, с одной стороны, отражать личный экзистенциальный опыт художника, а с другой стороны, этот опыт должен касаться понимания основных проблем современности. То есть неофициальное искусство мыслилось Б. Ивановым как непосредственно откликающееся на внелитературную действительность: «Культурное движение духовно, идейно и экзистенциально решает проблему: становления личности в конкретных исторических условиях. В отличие от других форм самоутверждения личности, в культурном движении значимость личности утверждается не в голословности индивидуалистических заявлений, а в самобытном профессиональном творчестве»⁵⁸⁶. При этом реакция художника на историческую ситуацию, в которой он находится, может быть отрицательной: «И хотя мотивы творчества и его тематика коррелируются с социальным положением автора, общественным мнением, восприятием произведений другими, со степенью опасности свободного творчества, автор свободен осознавать эти мотивы и темы, как негативные»⁵⁸⁷.

Реалистическая литература, согласно Б. Иванову, призвана указывать социуму на существующие в нём негативные явления, тем самым помогая устранить их: «...социальность нуждается в этой текстуальности, как возможности разрешать проблемы, которые являются скрытыми и “как бы” социально несуществующими <...>. Поэтому между консервативным состоянием общества и противодействием культуре всегда существует видимая корреляция»⁵⁸⁸. То есть писатель-реалист, благодаря способности воспринимать

⁵⁸⁵ Иванов Б. И. Культурное движение как целостное явление. С. 218–219.

⁵⁸⁶ Там же. С. 213.

⁵⁸⁷ Там же. С. 212.

⁵⁸⁸ Там же. С. 214.

собственное положение в конкретных исторических условиях, основываясь на личном чувственном опыте, а не на предписанных социумом канонах, может раскрыть в своём произведении основные проблемы современности.

Представление о том, какими видит эти проблемы Б. Иванов, дают опубликованные в «Часах» материалы «1-ой конференции культурного движения»: «Очевидно, что культурное движение не может принять нормы, согласно которым оно существовать не должно. Между ценностями свободы, которое несёт культурное движение и схемами номинального мира – контраст, как контраст между познанием и сознанием»⁵⁸⁹. Следовательно, главная задача «культурного движения» – это противостояние социуму, как установленному взгляду на мир.

Таким образом, с точки зрения Б. Иванова, конфликт личности и угнетающей силы является отражением основной проблемы, которую решает «культурное движение», а произведения, повествующие об этом, являются реалистическими. Именно поэтому при составлении трёхтомника «Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]» заметная доля повестей и рассказов имеют в основе своей фабулы подобного рода противостояние.

Задача, поставленная Б. Ивановым перед неофициальной литературой, а именно необходимость отражать негативное влияние социума на личность, должна была сказаться на выборе авторов, с которыми сотрудничали «Часы». Повести и рассказы постоянных авторов журнала обнаруживают соответствие потенциальному запросу редколлегии к произведениям, отражая конфликт человека и угнетающей силы.

3.2. Варианты реализации конфликта «герой и коллективный антагонист» в произведениях Б. Дышленко

Одним из постоянных авторов «Часов», чьё творчество отвечало потенциальному запросу редколлегии журнала, является Борис Дышленко.

⁵⁸⁹ Иванов Б. И. Культурное движение как целостное явление. С. 219.

Его повести и рассказы печатались в разных выпусках «Часов» с № 7 (1977) по № 58 (1985), то есть в течение 9 из 15 лет существования журнала.

К творчеству Б. Дышленко Б. Иванов применял термин «условный реализм». Это направление в его трактовке отличается тем, что «автор воспроизводит реальные условия существования людей, а не уникальные приметы того или иного государства»⁵⁹⁰.

Б. Иванов упоминает творчество Б. Дышленко, когда говорит о наиболее характерных тенденциях в литературе конца 1970-х и начала 1980-х годов. Так, Б. Иванов считает, что произведения Б. Дышленко относятся к одному из важных тематических направлений неофициальной литературы 1960–1980-х годов – к антиутопизму. В материалах симпозиума «Пути культуры 60–80-х годов», опубликованных в № 62 (1986) журнала «Часы», приведены слова Б. Иванова об антиутопиях в неофициальной литературе. По сравнению с периодом 1960-х годов, когда «анти-утопии воспринимались многими как относящиеся к сфере чисто-политических реакций»⁵⁹¹, «антиутопические произведения, или мотивы антиутопии, появившиеся в конце 70-ых – начале 80-ых гг., имели другую основу»⁵⁹². Писатели 1970–1980-х годов показывали не то, что «этот социум жесток и несправедлив»⁵⁹³, а то, что «мир абсурден вообще по своей сущности»⁵⁹⁴. Среди авторов, поддерживающих эту тенденцию, названы Б. Дышленко, Б. Кудряков, Е. Бурнашева, М. Иоссель, М. Берг.

Повесть Б. Дышленко «Мясо» должна была войти в сборник «Круг» (Круг: литературно-художественный сборник. Л.: Сов. писатель, 1985), который известен как «единственная официальная коллективная публикация авторов самиздата, ставшая возможной благодаря деятельности Клуба-81»⁵⁹⁵. Составителями сборника были Б. Иванов и Ю. Новиков. Сам факт, что повесть

⁵⁹⁰ Иванов Б. И. История Клуба-81. С. 189.

⁵⁹¹ Материалы симпозиума «Пути культуры 60–80-х годов». С. 219.

⁵⁹² Там же. С. 220.

⁵⁹³ Там же.

⁵⁹⁴ Там же.

⁵⁹⁵ Самиздат Ленинграда. С. 415.

была отобрана составителями для первого официального сборника самиздатчиков, показывает отношение к этому произведению как к значимому для прозы «культурного движения». На одном из этапов прохождения цензурного контроля повесть была не допущена к печати.

Б. Иванов включил два произведения Б. Дышленко в трёхтомник «Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]» – повести «Пять углов»⁵⁹⁶ (во 2-й том «1970-е») и «Что говорит профессор»⁵⁹⁷ (в 3-й том «1980-е»).

Можно заметить, что при отборе писателей, показательных для неофициальной литературы 1970–1980-х годов, Б. Иванов неоднократно указывает Б. Дышленко.

В журнале «Часы» были опубликованы следующие произведения Б. Дышленко: «Антрну»⁵⁹⁸, «Виктимология»⁵⁹⁹, «Демаркационная линия»⁶⁰⁰, «Жернов и революция»⁶⁰¹, «Каскадер»⁶⁰², «Кромка»⁶⁰³, «Мясо»⁶⁰⁴, «Пять углов»⁶⁰⁵, «Что говорит профессор»⁶⁰⁶. Все перечисленные повести и рассказы так или иначе отражают конфликт личности с угнетающей силой.

Таким образом, прозу Б. Дышленко можно считать выражающей в литературном плане идеологию «неофициального культурного движения», как оно мыслилось Б. Ивановым. Анализ присутствующего в произведениях конфликта может служить показательным примером того, что редколлегия «Часов» ожидала от неофициальной литературы.

⁵⁹⁶ Дышленко Б. И. Пять углов // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1970-е. С. 69–110.

⁵⁹⁷ Дышленко Б. И. Что говорит профессор // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1980-е. С. 209–254.

⁵⁹⁸ Дышленко Б. И. Антрну // Часы. 1977. № 7. С. 1–81.

⁵⁹⁹ Дышленко Б. И. Виктимология // Часы. 1981. № 30. С. 1–82.

⁶⁰⁰ Дышленко Б. И. Демаркационная линия // Часы. 1979. № 18. С. 100–115.

⁶⁰¹ Дышленко Б. И. Жернов и революция // Часы. 1983. № 44. С. 55–68.

⁶⁰² Дышленко Б. И. Кромка // Часы. 1979. № 18. С. 116–134.

⁶⁰³ Дышленко Б. И. Каскадёр // Часы. 1979. № 18. С. 135–157.

⁶⁰⁴ Дышленко Б. И. Мясо // Часы. 1980. № 27. С. 1–57.

⁶⁰⁵ Дышленко Б. И. Пять углов // Часы. 1978. № 15. С. 99–145.

⁶⁰⁶ Дышленко Б. И. Что говорит профессор // Часы. 1985. № 58. С. 60–105.

Борис Иванович Дышленко (1941, Новосибирск – 2015, Санкт-Петербург) родился в семье учителей. В Ленинград переехал в 1959 году. Поступил на постановочный факультет Театрального института, откуда был отчислен в 1962 году за «антиобщественное поведение».

Работал художником-декоратором, машинистом станции подмеса, оператором газовой котельной.

Первая публикация – повесть «Антрну» – появилась в журнале «Часы» в 1977 году. В 1979 году она была опубликована за границей в журнале «Грани»⁶⁰⁷ (Франкфурт-на-Майне). Из самиздатских журналов помимо «Часов» Б. Дышленко печатался в «Обводном канале»⁶⁰⁸.

В официальных изданиях произведения Б. Дышленко начали появляться с 1986 года – в журнале «Нева» (№ 6) под названием «Правила игры»⁶⁰⁹ вышла повесть «Мясо», ранее отвергнутая цензурой при составлении сборника «Круг». В последующие годы публиковался в журналах «Родник»⁶¹⁰, «Черновик»⁶¹¹, «Вестник новой литературы»⁶¹², «Нева»⁶¹³, «Звезда»⁶¹⁴.

В конце 1990-х и в 2000-е издавались следующие книги писателя: «На цыпочках»⁶¹⁵, «Контуры и силуэты»⁶¹⁶, «Людмила»⁶¹⁷.

⁶⁰⁷ Дышленко Б. И. Антрну // Грани. 1979. № 114. С. 5–76.

⁶⁰⁸ Дышленко Б. И. Жернов и революция // Обводный канал. 1983–1984. № 5. С. 38–48 ; Его же. Жернов и баобабы // Обводный канал. 1985. № 7. С. 73–86 ; Его же. Людмила // Обводный канал. 1985–1986. № 8. С. 22–153. Выходные данные указаны по номерам, представленным в электронной библиотеке самиздата на сайте Университета Торонто (Канада).

⁶⁰⁹ Дышленко Б. И. Правила игры // Нева. 1986. № 6. С. 84–107.

⁶¹⁰ Дышленко Б. И. Демаркационная линия // Родник. 1988. № 5 (17). С. 25–28 ; Его же. Жернов и баобабы // Родник. 1990. № 2 (38). С. 75–79.

⁶¹¹ Дышленко Б. И. Rosa incognita // Черновик. 1989. № 1. С. 89–91.

⁶¹² Дышленко Б. И. Кромка // Вестник новой литературы. 1991. № 3. С. 103–117.

⁶¹³ Дышленко Б. И. Что говорит профессор // Нева. 1989. № 9. С. 28–49 ; Его же. Пробелы // Нева. 1995. № 8. С. 89–97 ; Его же. Ложный силуэт // Нева. 1999. № 11. С. 5–102.

⁶¹⁴ Дышленко Б. И. Генералиссимус // Звезда. 2005. № 8. С. 10–42 ; Его же. Порог // Звезда. 2005. № 11. С. 195–212 ; Его же. Из цикла «Жернов и общественные процессы» // Звезда. 2006. № 8. С. 6–56 ; Его же. Из цикла «Жернов и общественные процессы» // Звезда. 2008. № 4. С. 7–36 ; Его же. Созвездие Близнецов // Звезда. 2009. № 5. С. 5–59 ; Его же. Созвездие Близнецов // Звезда. 2009. № 6. С. 41–106 ; Его же. Малые Шведки и мимолётные упоминания о иных мирах и окрестностях // Звезда. 2010. № 7. С. 80–92 ; Его же. Жернов и увековечение // Звезда. 2011. № 8. С. 7–22 ; Его же. Словесный портрет фоторобота // Звезда. 2013. № 1. С. 7–70.

⁶¹⁵ Дышленко Б. И. На цыпочках: повести и рассказы.

В 1970-е годы Б. Дышленко написал несколько повестей, составивших прозаический цикл «Правила игры». Три повести из этого цикла, объединённые сквозными персонажами, были опубликованы в журнале «Часы».

В соответствии с общей фабулой цикла части должны располагаться в следующей очередности: «Мясо», «Виктимология», «Антрну», но порядок их появления в журнале не соответствует логике повествования. Сначала была напечатана последняя часть – «Антрну» (1977. № 7). После неё появились первая и вторая части – «Мясо» (1980. № 27) и «Виктимология» (1981. № 30), при публикации которых было указано, что повести относятся к циклу «Правила игры». «Антрну» не имеет такого обозначения, следовательно, читатели должны были воспринимать произведение вне контекста других частей цикла.

В цикле «Правила игры» Б. Дышленко рисует город-государство с диктатурой, основанной на силе и авторитете, но прикрывающейся мнимой законностью. При этом система управления и характер государства даются условно. Полковник Шедов, ведущий следствие по делу героя, говорит о соблюдении «законности и порядка»⁶¹⁸ в стране, но эти слова опровергаются событиями повести. Социум в изображаемом мире в действительности подчиняется прессе и десанту, о чём тоже сообщает полковник: «объявление по радио, это пресса, это крайне авторитетно»⁶¹⁹, «десант – это тоже достаточно авторитетно»⁶²⁰. В повести гиперболизируется доверие к данным источникам: нелепые, с точки зрения читателя, заявления радио и военных признаются персонажами произведения за правду. Верой в авторитет наделяется и герой, который осознаёт себя живым, вопреки сообщению, данному по радио о его смерти. Из органов государственного управления упоминаются только «инстанции». Причём военная власть и «инстанции» являются синонимами. Нет каких-либо указаний на размеры страны, в повести фигурирует только один

⁶¹⁶ Дышленко Б. И. Контур и силуэты: роман.

⁶¹⁷ Дышленко Б. И. Людмила: детективная поэма.

⁶¹⁸ Дышленко Б. И. Антрну // Часы. С. 43.

⁶¹⁹ Там же. С. 40.

⁶²⁰ Там же.

безымянный город, поэтому он интуитивно приравнивается читателем к государству.

Отметим роль топонимов в построении художественного мира произведения. Названия улиц в городе пародируют советскую топонимику: Четвёртая Степендиатская, Скипидарский Проток, улица Офицерской культуры и т. п. Она из улиц носит название проспект Торжества ретирады. Значение устаревшего слово «ретирада» – отступление. Парадоксальность этого сочетания добавляет абсурдности происходящим событиям.

Изображение государства нарочито условно, при этом ряд деталей позволяет ассоциировать его с советским: описание коммунального быта, идеология государства. Полковник Шедов призывает героя пожертвовать собой ради сохранения порядка в государстве, что напоминает постулат советской идеологии об обязанности «всегда ставить общественные интересы выше личных»⁶²¹. В статье «Литературные поколения в ленинградской неофициальной литературе: 1950-е – 1980-е годы» Б. Иванов, обращаясь к творчеству Б. Дышленко, называет место действия цикла «Правила игры» «вымышленным выморочным городом»⁶²² и далее пишет, что это «нереальная страна, но условия существования в ней человека такие же, как в СССР»⁶²³.

Повесть «Антрну» начинается с того, что герой слышит по радио, что его труп исчез. Героя обвиняют в том, что он убил похожего на него человека и присвоил себе его паспорт.

Несовпадение трактовок произошедшего события, даваемых героем и предлагаемых властью, становятся пружиной развития действия. Повествование строится таким образом, что для читателя должна быть очевидна нелогичность поведения обеих сторон конфликта, что формирует представление об абсурдности жизни в изображаемом социуме.

⁶²¹ Устав Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодёжи. М. : Молодая гвардия, 1975. С. 8.

⁶²² Иванов Б. И. Литературные поколения в ленинградской неофициальной литературе: 1950-е – 1980-е годы. С. 578.

⁶²³ Там же.

Сообщение, прозвучавшее по радио («репродуктор говорил, что каждый, нашедший мой труп, обязан сообщить об этом в соответствующие инстанции»⁶²⁴), ставит героя в затруднительное положение и с самого начала задаёт тему абсурда. Герою требуется опровергнуть информацию о собственной смерти, что автоматически исключило бы и пропажу тела. Но в изображаемом государстве объявление прессы о пропаже тела считается основанием для утверждения, что труп был. Для антагонистов героя его смерть и исчезновение трупа являются фактами. События, логическая последовательность которых предполагает только ряд «смерть=наличие трупа → пропажа трупа», преподносятся антагонистами следующим образом: «смерть=наличие трупа ↔ пропажа трупа».

Герой отрицает свою смерть, но признаёт пропажу трупа и хочет дать требуемые сведения, что вызывает у него затруднение: «Надо сказать, чтобы сообщили по радио, что труп нашёлся. Или вернее, что не труп, а недоразумение... или труп?»⁶²⁵.

Ситуация усугубляется тем, что власть не сомневается в наличии трупа человека с фамилией главного героя (предположение, что речь шла об однофамильце, полковник игнорирует). Следовательно, если герой жив, то, значит, он не тот человек, о котором говорилось по радио. При этом ему немотивированно приписывается убийство. Цепочка действий разрастается до трёх звеньев: «убийство ↔ смерть=наличие трупа ↔ пропажа трупа». Так как пропажа трупа по логике, которой придерживается полковник, подтверждает факт совершения убийства, герою, чтобы подтвердить собственную невиновность, требуется не только доказать, что он это он, и он жив, но и дать информацию по обнаружению собственного тела, что для него означает подтвердить, что труп его. Таким образом, ему одновременно приходится признать и что он труп, и что он жив, что априори невозможно. Запутавшись, герой восклицает: «Откуда я знаю, труп я или не труп»⁶²⁶. По сути же главный персонаж не может противостоять

⁶²⁴ Дышленко Б. И. Антрну // Часы. С. 1.

⁶²⁵ Там же. С. 2.

⁶²⁶ Там же. С. 45.

двум авторитетным источникам, давшим необоснованные утверждения: радио – о пропаже трупа и десанту – о совершённом героем убийстве.

Для полковника все три звена цепи являются истинными и доказывающими друг друга. Поэтому отрицание наличия мёртвого тела на основании того, что герой жив, опровергается тем, что труп пропал, а значит, был. То есть сообщения авторитетных источников становятся важнее действительности.

Повесть ведётся от первого лица, поэтому для читателя существование героя и его невиновность – это изначальная данность, а суждения полковника – очевидно ошибочны.

Таким образом, для читателя ситуация, описанная в произведении, абсурдна, во-первых, потому что логика военной власти «выморочного города» не соответствует изображаемой действительности, а во-вторых, именно потому, что для героя эта логика неопровержима.

Усиливает изображение атмосферы абсурда нелогичность и противоречивость высказываний персонажей. Например, герой при попытке опровергнуть для себя сообщение радио думает: «...даже одна знакомая говорила однажды моей жене, что у меня золотые руки. Вот уж действительно нелепость – сперва, “золотые руки” и вдруг, труп»⁶²⁷. В речи полковника смешиваются представления о персонаже как об убийце («кого же вы убили?»⁶²⁸, «вы же не труп»⁶²⁹ и т. п.) и как об убитом («ваш труп»⁶³⁰, «вы утверждаете, что являетесь разыскиваемым трупом»⁶³¹).

Первичность слова, сказанного авторитетом по отношению к действительности, делает зыбким само существования человека в социуме.

Нестабильность положения человека в государстве усугубляется тем, что изначально герой считает себя защищённым. Но именно то, в чём он видел знаки безопасности, скрывает в себе угрозу. В повести «Антрну» герой рад тому, что у

⁶²⁷ Дышленко Б. И. Антрну // Часы. С. 1.

⁶²⁸ Там же. С. 36.

⁶²⁹ Там же. С. 45.

⁶³⁰ Там же. С. 38.

⁶³¹ Там же. С. 61.

него «очень распространённая фамилия»⁶³² и уверен, что это гарантирует ему некоторую уверенность в жизни: «это мне здорово повезло, что у меня такая фамилия: с такой фамилией не пропадёшь»⁶³³. Наблюдение героем роты десантников вызывает сходные эмоции: «Я люблю, когда солдаты маршируют: смотришь на них и чувствуешь, что всё в порядке, чувствуешь себя в безопасности»⁶³⁴. Эти мысли сразу же опровергаются действиями командира, который приказывает арестовать героя. Распространённая фамилия также не спасает, а напротив, возможно, является причиной постигших его несчастий, если предположить, что убит был однофамилец.

В изображаемом мире личность человека удостоверяется высшими инстанциями, причём ему же самому. Так сержант Шпацкий говорит герою: «да кто тебе сказал, что ты это ты?»⁶³⁵. То есть власть в городе распространяется не только на физическую свободу человека, но и его самоидентификацию.

На протяжении всего повествования герою приписываются свойства, которыми он не обладает, и слова, которые он не произносит. Например, в начале повести в эпизоде, предвещающем очную ставку с женой:

«— Ладно, — сказал он мне, — раз уж ты так настаиваешь на очной ставке, устроим тебе очную ставку. Пошли.

Я не настаивал на очной ставке, тем более что не знал, с кем они хотят её устроить, но подумал, что уж лучше очная ставка, чем такая неопределенность, и потому пошёл»⁶³⁶.

Полковник, который ведёт следствие по делу, называет героя «крепким орешком» и считает стойким⁶³⁷, хотя сам арестованный совсем не чувствует себя уверенным.

⁶³² Дышленко Б. И. Антрну // Часы. С. 1.

⁶³³ Там же. С. 2.

⁶³⁴ Там же. С. 3.

⁶³⁵ Там же. С. 5.

⁶³⁶ Там же. С. 6–7.

⁶³⁷ Там же. С. 61.

Автор подчёркивает, что человек в изображённом им социуме не может принадлежать себе, он должен быть таким, каким ему приписывает власть (если человек сопротивляется этому, то общество его исключает).

Тема нестабильности существования человека перекликается и с темой относительности понятий лжи и правды, которая проходит через всё произведение. Десантник Шпацкий заявляет: «ложь всегда рядится в личину правды»⁶³⁸, на этом основании показания героя трактуются как ложные, потому как они выглядят слишком правдоподобно. Слова Шпацкого противоречат личному опыту героя, но он как член социума доверяет авторитету десантника, поэтому не знает, как трактовать истинность собственных показаний: «я говорю правду – а она правдоподобна, так что получается одновременно и правда и ложь»⁶³⁹.

Дискредитация понятий правды и лжи выражается в том, что полковник меняет свое мнение о виновности героя. При первом разговоре он говорит: «Я вижу, вы не хотите честной игры – вы вооружились ловкостью и изворотливостью, но в конечном итоге, я сильнее вас. И знаете почему? – полковник пронзительно посмотрел на меня. – Потому, – сказал полковник, – потому что в моих руках такое сильное оружие, как правда»⁶⁴⁰. Но ближе к финалу произведения полковник заявляет, что верит герою, и признаёт, что тот стал «жертвой ужасной ошибки»⁶⁴¹, но считает, что герой должен пожертвовать собой, дабы не разрушать авторитет прессы, а значит, и стабильности государства. То есть первичным оказываются даже не слова, произнесённые авторитетным источником, а сохранение авторитета самого источника, перед которым и существование человека, и понятия правды и лжи не важны.

Появление ошибочного сообщения о пропаже трупа не получает в тексте чёткого объяснения: не говорится, почему выбор пал на героя и зачем было дано

⁶³⁸ Дышленко Б. И. Антрну. С. 6.

⁶³⁹ Там же. С. 24.

⁶⁴⁰ Там же. С. 49.

⁶⁴¹ Там же. С. 62.

известие. Мир в произведении кажется иррациональным, что усиливает представление о незащищённости в нём человека. Если рассматривать событийный ряд повести в контексте общего сюжета цикла, то можно предположить, что мнимая смерть связана с событиями повести «Мясо», где после неудавшейся попытки десанта убить героя его отпускают, а в отчетах появляется запись об уничтожении человека, личность которого не установлена. Для героя сообщение радио и арест остаются немотивированными, что передано через рассуждения героя, он называет произошедшее недоразумением, нелепостью, ерундой. Высказывает предположение, что это злой умысел и козни противников, но сам же опровергает это, вспоминая, что у него нет врагов, так как он живёт «сам по себе, абсолютно независимо»⁶⁴².

Кажется необъяснимой и массовая агрессия со стороны социума, которую испытывает на себе герой после сообщения по радио. Его арестовывают и бьют десантники как «проклятого отщепенца»⁶⁴³. Причина этого остаётся для героя непонятна: «— за что он меня так ненавидит? — подумал я. — Ну, хорошо, пусть я их всех как-нибудь там не устраиваю, но за что же именно Понтила меня так ненавидит? Как будто я ему сделал что-то плохое?..»⁶⁴⁴. Обычные граждане включаются в травлю: «...все время, пока мы шли, прохожие оглядывались на нас и некоторые показывали пальцами, а один так даже всё время шёл параллельно по тротуару, делая вид, что ему всё равно и он сам по себе, но он почему-то исподтишка подмигивал мне, а потом так распоясался и обнаглел, что стал забегать вперёд, снимать шляпу и делать неприличные знаки»⁶⁴⁵. Когда арестованного запирают в камере, он даже радуется, так как избавляется «от агрессивного общества людей»⁶⁴⁶, но даже тюремщик начинает хихикать под дверь, пугая и раздражая героя. То есть против него ополчается не только

⁶⁴² Дышленко Б. И. Антрну. С. 1.

⁶⁴³ Там же. С. 11.

⁶⁴⁴ Там же. С. 17.

⁶⁴⁵ Там же. С. 7.

⁶⁴⁶ Там же. С. 14.

военная власть, но и все жители города, в то время как никаких направленных против общества деяний он не совершал.

Ситуация ареста и несправедливого преследования героя пародирует романтический тип конфликта. В тюрьме главный персонаж размышляет, что жизнь «сложна и прекрасна»⁶⁴⁷ несмотря ни на что, «свобода – это самое дорогое на свете: выше свободы ничего нет»⁶⁴⁸. Однако высокие идеи свободы снижаются упоминанием физиологических проявлений организма: «Свобода – это осознанная необходимость. И тут я почему-то стал икать»⁶⁴⁹.

Всё произведение построено как передача мыслительного процесса главного героя, что служит методом создания его образа. Действие повести начинается с реакции героя на объявление: «Я вздрогнул, потому что у меня над головой заорал репродуктор»⁶⁵⁰. Его дальнейшие ощущения передаются с помощью глаголов двух рядов, один (со снижением экспрессии) – относится к словам из репродуктора, второй – передаёт чувства героя (с нарастанием негативных эмоций): «заорал»-«рявкнул»-«произнёс»-«говорил» и «вздрогнул»-«вздрогнул»-«удивился»-«испугался»-«возмутился». Таким образом, сообщение по радио побуждает героя к скорым действиям, но они не реализуются, что выражается в особенности построения внутренних монологов, в которых дублируются отдельные слова и части предложений. Например: «Вот ведь как, – подумал я, – цену свободе познаёшь только в тюрьме. Да! – повторил я. Цена свободы познаётся только в тюрьме. Это красиво звучит, – подумал я, красиво звучит»⁶⁵¹ или «...очнулся я с такой мыслью, что сейчас что-то произойдёт.

– Сейчас что-то произойдёт, – подумал я...»⁶⁵². Из-за постоянного повторения в речи героя отдельных слов и частей предложений возникает

⁶⁴⁷ Дышленко Б. И. Антрну. С. 24.

⁶⁴⁸ Там же. С. 32.

⁶⁴⁹ Там же. С. 33.

⁶⁵⁰ Там же. С. 1.

⁶⁵¹ Там же. С. 32.

⁶⁵² Там же. С. 59.

ощущение замедленности его действий и реакций и даже скудности мыслей. Он предстаёт простым обывателем.

Герой чувствует свою вину за произошедшие с ним события, он обещает полковнику: «я теперь буду очень осторожен, и ни в коем случае не поставлю себя в такое двусмысленное положение, как это случилось на этот раз; и мне очень неудобно, что я так вас затруднил – ведь вам пришлось с таким трудом распутывать это сложное дело»⁶⁵³.

То есть герой, который в тюрьме размышляет о величии свободы, но при этом мыслит шаблонно, покорно терпит побои, испытывает в камере приступы страха, является скорее пародией на романтического героя.

Неспособность героя завоевать авторитет в городе-государстве проявляется и в его отношениях с женой, которые изображаются параллельно с историей его ареста. После сообщения по радио герой выходит из дома из-за волнения о жене, после задержания происходит очная ставка с женой, в тюрьме первым делом вспоминает, что супруга говорила, что его место в тюрьме, в камере думает о ней и говорит о ней с полковником. Можно увидеть сходство в отношениях героя с властью и героя с женой. Полковник и десант изначально считают его слова ложью, так как степень правдивости сообщения для них соотносится с авторитетом говорящего. В тюрьме главный персонаж вспоминает, что жена никогда не верила тому, что он говорит, так как не любила его. Но она поверила в то, что рассказывал некий джиу-джуски, так как полюбила его с первого взгляда. Таким образом, герой не может отстоять свою правду, потому как изначально не обладает какими-то свойствами, позволяющими заработать авторитет или любовь. Это подтверждает и то, что он тоже, как его одноклассник Шпацкий, хотел быть в школе десантником, но ему запретили⁶⁵⁴. То есть герой ещё с детства в силу внутренних качеств обладает низким статусом.

⁶⁵³ Дышленко Б. И. Антрну. С. 63.

⁶⁵⁴ Там же. С. 17.

Вставные эпизоды снов героя обыгрывают тему его неспособности понять правила жизни в государстве и следовать им (что вызывает агрессию по отношению к герою со стороны социума). В первом сновидении за героем гонится толпа. Во втором он не может сдать полковнику Шедову экзамен из-за того, что «никогда не поймёт сути вещей и явлений <...>, потому что он не следует правилам»⁶⁵⁵.

Герой повести внутренне изначально не соответствовал запросам социума. Сообщение радио как бы вытолкнуло его на всеобщее обозрение, а мнимая смерть обозначила прекращение его жизни в обществе. Поэтому финал произведения – изгнание – предсказуем.

Так как герой не может сознаться в убийстве ни под давлением, ни ради исполнения долга, его исключают из социума: «...вы нас не знаете, и мы вас тоже не знаем»⁶⁵⁶.

Альтернативой миру города-государства в повести «Антрну» становится общество глухих, которое принимает к себе героя. В противоположность прочим персонажам они «не проявляли никакой грубости – одну только вежливость и деликатность»⁶⁵⁷.

Уход к глухонемым становится знаком отказа от языка, который не соотносится с действительностью и не обеспечивает различение правды и лжи («...что слова? Пустой звук»⁶⁵⁸). Язык в данном государстве служит средством манипуляции – речь полковника должна убедить героя признаться в том, что он не совершал. Поэтому выход за пределы социума связан и с разрушением обычного языка: глухонемые говорят на другом языке, который герой называет «вежливым»⁶⁵⁹. Обретение нового способа общения ведёт к изменению взгляда на мир, персонаж упоминает о расширении кругозора⁶⁶⁰, о том, что ранее кое-что

⁶⁵⁵ Дышленко Б. И. Антрну. С. 57.

⁶⁵⁶ Там же. С. 75.

⁶⁵⁷ Там же. С. 78.

⁶⁵⁸ Там же. С. 63.

⁶⁵⁹ Там же. С. 80.

⁶⁶⁰ Там же. С. 79.

«видел предвзято, а на другое смотрел чужими глазами»⁶⁶¹. В финале произведения его речь разрушается. Буквы постепенно заменяются на знаки «ъ» и «х» таким образом, что сначала слова ещё угадываются, а постепенно весь текст, за исключением отдельных выражений, оказывается нечитаемым. Уход героя из общества сопряжен с утратой языка, на котором велось повествование, и обретением нового, который не передаётся буквами.

Повесть «Антрну» отражает тенденции неподцензурной литературы. Если с позиции официальной идеологии, как уже говорилось в первой главе настоящей работы, мир предстаёт устойчивым и безопасным, то в произведениях независимых авторов бытие изменчиво и потому может таить в себе опасность, которая только прикрыта картиной стабильности. Такое положение человека в мире показано в повести Б. Дышленко.

Угнетающая сила, которая действует против героя, в литературе андеграунда часто не персонифицируется в одном «носителе», а воплощается в образе коллективного антагониста, что проявляется и в «Антрну».

Внешняя немотивированность проявления агрессии также является характерной чертой в построении конфликта. В повести «Антрну», с одной стороны, не показаны причины постигших персонажа несчастий, а с другой стороны, есть некоторая предопределённость, заключающаяся в неумении завоевать место в социуме.

Как произведение, публикующееся в самиздатском журнале, повесть отвечает запросу читателей на «свободное слово», выражающее неприятие советской власти, но при этом не переходит в разряд откровенно антисоветской литературы. С одной стороны, невозможно из-за нарочитой нелогичности и немотивированности событий повести напрямую отождествить изображаемое здесь государство и СССР. С другой стороны, нельзя избежать такого сопоставления, поэтому абсурд устройства вымышленного социума переносится

⁶⁶¹ Дышленко Б. И. Антрну. С. 80.

на реальную жизнь и может быть закономерно интерпретирован как сатира на неё.

Как часть цикла «Правила игры» повесть «Антрну» раскрывает одно из «правил» построения жизни города-государства: главным в нём является сохранение авторитета власти, всё, что может помешать этому, из государства исключается. Несовпадение точек зрения рассказчика и читателя оказывается приёмом, характеризующим мир произведения. Для героя «правила игры» – угнетающая его, неподвластная и непонятная ему сила. Для читателя эти «правила» равнозначны абсурдному устройству изображённого социума. Из сочетания этих точек зрения появляется результирующая оценка: устройство «выморочного» города в силу своей абсурдности подавляет отдельного человека. Произведение Б. Дышленко в художественной форме воплощает мысль, сходную с философской концепцией Б. Иванова, об уходе за-социальных личностей на периферию жизни общества и обретении там нового независимого существования.

Действие первой повести цикла «Правила игры» – «Мясо» – разворачивается в том же государстве, что и в «Антрну», с тем же набором основных персонажей: десантники Шпацкий и Понтила, полковник Шедов, герой, его жена.

Если в повести «Антрну» опосредованно указывалось, что герой уже в детстве не имел качеств, позволяющих занять привилегированное положение в социуме, то в «Мясе» об этом прямо свидетельствуют воспоминания героя о школьных годах: «Я опять вспомнил игру в мясо и своё неумение играть в эту игру и ухмылки товарищей, и их отрицательные жесты, их единодушие – всё то, чего я старался не замечать, во что я старался не верить, потому что это давало лишнюю пищу моему страху. Тому самому страху перед ними, который в те времена не оставлял меня ни на минуту и с возрастом, перейдя в хроническую форму, затаился и, как будто, замолк, но каждый раз перед лицом опасности или конфликта, он обострялся и изматывал меня, как лихорадка, до потливой

слабости, до мерзкой дрожи в коленях»⁶⁶², или «Правила игры были строги, как тогда, в детстве, и, как тогда, только ко мне»⁶⁶³.

В повести «Мясо», как и в «Антрну», затрагиваются темы свободы, безопасности, взаимоотношения человека с социумом. Основной темой произведения становится раскрытие «правил игры».

Оказывается, что социум устроен таким образом, что законы для простого обывателя и для представителя власти действуют по-разному. «Штатский» всегда должен проигрывать, а десантник выигрывать, для этого первый должен соблюдать правила (быть честным, ответственным и т. п.), а второй может их нарушать («по этим правилам можно выиграть, только грубо их нарушая»⁶⁶⁴), но это и является правилом игры.

Для раскрытия этого закона в произведении сначала даются представления героя об устройстве социума, которые гласят, что: «нужно честно относиться к своим обязанностям, и уж если тебе оказано доверие, ты должен его оправдать»⁶⁶⁵; «Должны же быть правила, и они должны соблюдаться. Иначе, что же будет? Просто анархия»⁶⁶⁶; «человек тоже подвержен законам, множеству законов, и не только физическим законам природы, но и всяким другим»⁶⁶⁷. Герой размышляет на темы свободы и ответственности во время пути по холмам до железнодорожной станции, по замысловатому спиралевидному маршруту, указанному ему военным. Путешествие сопровождается усилением чувства опасности, которое связано с боязнью быть замеченным («налетаешь на них, как заяц на охотника»⁶⁶⁸), неприятным ощущением от пейзажа «защитного цвета, “хаки”»⁶⁶⁹, который тоже ассоциируется с военными, и стрёкотом, который раздаётся из их лагеря. Кульминацией становится преследование героя отрядом,

⁶⁶² Дышленко Б. И. Мясо. С. 24.

⁶⁶³ Там же. С. 57.

⁶⁶⁴ Там же.

⁶⁶⁵ Там же. С. 7.

⁶⁶⁶ Там же.

⁶⁶⁷ Там же. С. 8.

⁶⁶⁸ Там же. С. 1.

⁶⁶⁹ Там же. С. 3.

сопровожаемое пулемётными очередями и окончившееся задержанием героя. В процессе разговора героя с полковником Шедовым обнаруживается, что в «выморочном городе» действуют разные правила для обычных граждан и для военных. Последние могут не соблюдать имеющиеся в государстве запреты: Шедов восхищается дворянством (герой, как обязанный соблюдать правила, возражает полковнику); десант имеет право задерживать «штатского» на не принадлежащей военным территории; даже законы физики не действуют на десантников – герой встречает Шпацкого и Понтилу на всём протяжении своего пути в разных местах, быстрое перемещение между которыми невозможно.

После понимания правил для главного персонажа рушится стабильность мира и привычные ценности – он понимает собственную незащищённость («и вот безопасности не было. Её не было ни там, ни здесь. Её не было, несмотря на то, что десантники стояли на её страже и защищали от посягательств»⁶⁷⁰) и не ощущает любви к Родине («Не было чувства Родины – я был заброшенным и пустым»⁶⁷¹).

Как уже было сказано, повесть «Мясо» должна была войти в сборник «Круг», первую официальную коллективную публикацию авторов самиздата, членов Клуба-81, но была исключена цензурой на последнем этапе подготовки издания. В 1986 году произведение с названием, изменённым на «Правила игры», и с подзаголовком «фантастическая повесть» было напечатано в журнале «Нева» (№ 6)⁶⁷². Публикация сопровождалась вступительной заметкой Ю. Андреева, куратора Клуба-81 от Союза писателей. Он называет повесть Б. Дышленко «антимилитаристской притчей»⁶⁷³, которая направлена против превращения территории западноевропейских стран «в ракетные полигоны»⁶⁷⁴, а население «в

⁶⁷⁰ Дышленко Б. И. Мясо. С. 56.

⁶⁷¹ Там же.

⁶⁷² Дышленко Б. И. Правила игры. С. 84–107.

⁶⁷³ Андреев Ю. А. [Вступительная заметка к повести Б. Дышленко «Правила игры»] // Нева. 1986. № 6. С. 85.

⁶⁷⁴ Там же.

атомных заложников Пентагона»⁶⁷⁵. Ю. Андреев пишет, что страна, «в которой разворачивается действие повести, не названа автором. Но это и не существенно: мы знаем немало государств на разных континентах нашей планеты, где по воле правящих кругов происходит не только милитаризация экономики, но и милитаризация сознания»⁶⁷⁶. То есть вступительная заметка должна была подготовить читателей к тому, чтобы они воспринимали произведение как условное изображение заграничной страны и не ассоциировали государство в повести с Советским Союзом.

Ещё при подготовке публикации повести «Мясо» для сборника «Круг» Ю. Андреев «настаивал на внесении в описание места действия и имена персонажей признаков некой латиноамериканской страны»⁶⁷⁷. Б. Иванов в книге «История Клуба-81» пишет, что советовал Б. Дышленко согласиться, так как «если в повести даже будут прыгать кенгуру, читатель поймёт, что описывается там порядок наш – советский»⁶⁷⁸.

Вариант произведения, напечатанный в журнале «Нева», действительно отличается от публикации в «Часах». Автором были внесены правки: детали, которые указывали на русскоязычный характер изображаемого мира или на явления, характерные для советской действительности, заменены на нейтральные. Вместо рассуждения о том, что нельзя курить «в тамбуре вагона»⁶⁷⁹, говорится о том, что нельзя курить в «общественном месте»⁶⁸⁰, слова «Человек – это звучит гордо»⁶⁸¹ заменены на «Человек – венец творения!»⁶⁸², вместо «Суворов»⁶⁸³ написано «один полководец»⁶⁸⁴, вместо «дворянство»⁶⁸⁵ – «аристократия»⁶⁸⁶, вместо «буфетчица»⁶⁸⁷ – «женщина»⁶⁸⁸ и т. п.

⁶⁷⁵ Андреев Ю. А. [Вступительная заметка к повести Б. Дышленко «Правила игры»]. С. 85.

⁶⁷⁶ Там же.

⁶⁷⁷ Иванов Б. И. История Клуба-81. С. 189.

⁶⁷⁸ Там же. С. 152.

⁶⁷⁹ Дышленко Б. И. Мясо. С. 6.

⁶⁸⁰ Дышленко Б. И. Правила игры. С. 87.

⁶⁸¹ Дышленко Б. И. Мясо. С. 8.

⁶⁸² Дышленко Б. И. Правила игры. С. 88.

⁶⁸³ Дышленко Б. И. Мясо. С. 15.

⁶⁸⁴ Дышленко Б. И. Правила игры. С. 91.

Изменена фамилия полковника Шедова на Шедоу (хотя десантник Шпацкий остался с первоначальной фамилией).

Главным признаком того, что действие повести происходит где-то за границей, стало появление в описании пейзажа кактусов. Б. Дышленко добавил следующее начало, которого не было в самиздатовской публикации:

«Поражённый, я остановился.

“Откуда здесь кактусы? – подумал я. – Ведь меня об этом никто не предупреждал”.

Их здесь не может быть, – сказал я, просто не может. Их здесь нет! – уже совсем громко закричал я, но, увы, они были. Я думал, они там, за бугром, но они были здесь.

Я ничего не соображал»⁶⁸⁹.

Слова «их здесь не может быть...» подчёркивают странность наличия кактусов в изображаемом мире. Таким образом, признак, который должен был указывать на то, что действие происходит в каком-то южном иностранном государстве, не создаёт экзотический пейзаж, а показывает условность места действия повести. При этом выражение «за бугром» может трактоваться как «за границей». Если учесть, что именно по настоянию Ю. Андреева в описании холмов появились кактусы, то в контексте вступительной статьи они приобретают символическое значение чего-то отрицательного, что должно быть свойственно зарубежным странам, но обнаруживается «здесь». Тогда всё, что было сказано в заметке, предваряющей повесть, о политике зарубежных стран переадресовывается СССР.

В некоторых сделанных Б. Дышленко правках присутствует ирония: они делают повествование не столько нейтральным, сколько указывают на наличие произведённой ради прохождения цензурного контроля маскировки признаков,

⁶⁸⁵ Дышленко Б. И. Мясо. С. 35.

⁶⁸⁶ Дышленко Б. И. Правила игры. С. 99.

⁶⁸⁷ Дышленко Б. И. Мясо. С. 55.

⁶⁸⁸ Дышленко Б. И. Правила игры. С. 107.

⁶⁸⁹ Там же. С. 84.

характерных для отечественной культуры. Вместо фразы: «Как народная мудрость утверждает: “Знал бы где упасть – соломки подстелил”»⁶⁹⁰ в версии для журнала «Нева» автор пишет: «Как народная мудрость утверждает: “Мог бы предвидеть место падения – произвёл бы соответствующие приготовления”»⁶⁹¹. Сочетания ссылки на «народную мудрость» с выражением, которое не является фразеологизмом и более напоминает книжное высказывание, но по содержанию соответствует известной русской пословице, делает для читателя заметным произведённую подстановку.

Можно привести и другой, менее явный пример: пословица «бережёного Бог бережёт»⁶⁹² изменена на «оберегающего проведение оберегает»⁶⁹³. Пословица «назвался груздем – полезай в кузов»⁶⁹⁴ в версии журнала «Нева» получила уточнение «как говорят в России»⁶⁹⁵.

Таким образом, внесённые в текст правки не отводят читательское восприятие от ассоциаций с советской действительностью, а подчёркивают само наличие сделанных по требованию цензуры изменений, а значит, указывают, что параллели с СССР действительно присутствовали в изначальном варианте повести.

Повесть «Виктимология» посвящена ещё одному закону социума: «жертва есть соучастник преступления»⁶⁹⁶. Жертвами, то есть потенциальными преступниками, становятся в произведении двое: герой и его кот.

Герой в поисках своего пропавшего питомца обращается за помощью к десанту. В ходе повествования выясняется, что военными проведено «экологическое наступление», состоящее в уничтожении котов, обвиняемых властью города в их бесполезности.

⁶⁹⁰ Дышленко Б. И. Мясо. С. 6.

⁶⁹¹ Дышленко Б. И. Правила игры. С. 87.

⁶⁹² Дышленко Б. И. Мясо. С. 18.

⁶⁹³ Дышленко Б. И. Правила игры. С. 87.

⁶⁹⁴ Дышленко Б. И. Мясо. С. 43.

⁶⁹⁵ Дышленко Б. И. Правила игры. С. 102.

⁶⁹⁶ Дышленко Б. И. Виктимология. С. 54.

Повесть построена таким образом, что различные детали, включённые в текст, являются косвенными свидетельствами этой военной операции. Например: на улицах пропали все коты («Я вышел во двор, но и там кота не обнаружил, вообще ни одного кота, не только своего»⁶⁹⁷), а трое замеченных героем животных убежали от него «как от очевидной опасности»⁶⁹⁸; старухи и старичок-будочник, к которым герой обращается с расспросами, ничего не отвечают; дети во дворе инсценируют убийство кота и т. д. При этом герой не увязывает увиденное с пропажей животного, хотя мысленно постоянно возвращает к этим наблюдениям. В разговорах с военными проскальзывают выражения, которые косвенно указывают на причастность десанта к исчезновению котов и на то, что животные убиты. Например, полковник Шедов произносит фразу: «Беда с этими котами, <...> лишняя забота»⁶⁹⁹. Шпацкий ещё до начала разговора понимает, что герой пришёл по поводу кота: «– Ага-а, кот! – радостно осклабился Шпацкий. – То-то я думаю, что это он?»⁷⁰⁰; «Что кот пропал?

– Пропал, – подтвердил я. – Ты откуда знаешь?

– Я много чего знаю, – сказал Шпацкий, – это не твоего ума дело, откуда»⁷⁰¹; «когда ты пришёл со своим глупым заявлением, полковник был уже в курсе дела»⁷⁰². Кроме того, десантник даёт понять, что искать кота бесполезно, так как он мёртв: «– А на кой он тебе чёрт?»⁷⁰³; «– Брось ты это дело, – скривился Шпацкий. – Зачем он тебе? На шапку не хватит»⁷⁰⁴; «Ты уверен, что тебе он так уж необходим, этот кот?»⁷⁰⁵; «А кота твоего найдём, – сказал Шпацкий. – Живого или мёртвого»⁷⁰⁶. Об этом же и о том, что случай с котом героя не единичный, говорят слова старичка-будочника (которого Шпацкий называет бывшим

⁶⁹⁷ Дышленко Б. И. Виктимология. С. 4.

⁶⁹⁸ Там же. С. 6.

⁶⁹⁹ Там же. С. 8.

⁷⁰⁰ Там же.

⁷⁰¹ Там же. С. 9.

⁷⁰² Там же. С. 50.

⁷⁰³ Там же. С. 9.

⁷⁰⁴ Там же.

⁷⁰⁵ Там же. С. 58.

⁷⁰⁶ Там же. С. 68.

десантником): «Что с возу упало, то пропало»⁷⁰⁷; «Может, не только у тебя, – сказал старик, – может, у кого-нибудь ещё...»⁷⁰⁸.

История даётся через восприятие героя, но большая часть виденного и замеченного им, неся информацию для читателя, как бы остаётся нераспознанным для самого героя, даже напротив, его комментарии демонстрируют недогадливость. Например, он принимает описанные маленьким мальчиком подвалы с трупами котов за «фантазию ребёнка»⁷⁰⁹. Так же, как и в повести «Антрну», сочетание точек зрения читателя и героя выстраивает характеристику изображаемого мира: помимо абсурдности действий власти, которые для героя становятся трагедией, автор показывает, что в городе-государстве царит атмосфера грубо скрываемой лжи.

Таким образом, для читателей журнала «Часы» две последующие повести более подробно проясняли устройство социума, обрисованного в «Антрну». При хронологически правильном прочтении цикла, события повестей «Мясо» и «Виктимология» постепенно подводят к неизбежности изгнания героя из общества как чуждого ему элемента.

В цикле Б. Дышленко «На цыпочках» также присутствует конфликт героя и угнетающей силы. В данном случае в роли коллективного антагониста выступают соседи по квартире.

При этом во всех трёх рассказах цикла конфликт преимущественно носит скрытый характер. Герой считает, что нейтральное отношение к нему людей на самом деле скрывает их агрессию: «когда все они хлопчут, и это не имеет как будто прямого отношения к тебе, но само твоё присутствие выдаёт тебя, и достаточно одного неосторожного движения, достаточно всего лишь подавить вздох, чтобы любой из них указал на тебя и крикнул: это он!»⁷¹⁰.

⁷⁰⁷ Дышленко Б. И. Виктимология. С. 28.

⁷⁰⁸ Там же. С. 29–30.

⁷⁰⁹ Там же. С. 34.

⁷¹⁰ Дышленко Б. И. Кромка // Часы. С. 131.

В первом рассказе «Демаркационная линия» степень проявления конфликта героя и социума выражена через категорию пространства. Приближение к «своему» пространству, то есть к дому, усиливает страх героя перед людьми.

Дорога на работу угнетает героя тем, что «мимо торопливо идут и исчезают в утренней мгле испуганные, чужие, загадочные люди»⁷¹¹, а потом приходится ехать в переполненном общественном транспорте, где «никогда не чувствуешь такого одиночества, как в автобусе»⁷¹². Из конторы герой уходит последним, «чтобы потом, когда уже никто не спешит никуда, спокойно отправиться домой»⁷¹³. На обратном пути он выбирает малолюдные улицы, но боится «собирающихся в подворотнях подростков»⁷¹⁴, хотя они его «никогда не трогали, но вдруг...»⁷¹⁵. В коммунальной квартире страх вызывает возможность быть увиденным соседями. На полу в своей комнате герой чертит «демаркационные линии», которые ограничивают пространство, попадающее в обзор из замочной скважины, и решает не ступать в эту область.

В рассказе «Кромка» (центральном в цикле) композиционным приёмом построения является семантическая лакуна, заполнение которой могло бы объяснить поведение героя. Рассказ начинается со слов: «Я не сразу понял, что произошло»⁷¹⁶. То, что случилось что-то значительное, передано через реплики героя: «я посмотрел на окна кафе, пытаюсь найти всему этому оправдание»⁷¹⁷; «все гораздо хуже, чем на самом деле, то есть хуже, чем до сих пор мне казалось»⁷¹⁸; «выпутаться из этого трудного положения мне не удастся»⁷¹⁹; «ничто мне не поможет»⁷²⁰ и пр., но контекст не даёт намёков на восстановление события.

⁷¹¹ Дышленко Б. И. Демаркационная линия // Часы. С. 100–101.

⁷¹² Там же. С. 101.

⁷¹³ Там же.

⁷¹⁴ Там же.

⁷¹⁵ Там же.

⁷¹⁶ Дышленко Б. И. Кромка // Часы. С. 116.

⁷¹⁷ Там же. С. 117.

⁷¹⁸ Там же.

⁷¹⁹ Там же. С. 119.

⁷²⁰ Там же. С. 130.

Произошедшее становится причиной мании преследования, овладевшей героем. Он считает, что все встречаемые им люди теперь наблюдают за каждым его движением. Например, герой думает: «...едва только я выйду. Они, притаившись на время в парадных, и сквозь низвергающуюся водную толщу по движению моего силуэта, хоть и смутного, хоть и размытого ливнем, но узнают меня, узнают и придадут этому значение»⁷²¹.

Паническому состоянию героя противоречит описание действий других персонажей, которые не проявляют к нему повышенного внимания. При этом герой необоснованно трактует действия соседей по квартире и случайных прохожих как проявление всеобщей слежки. Например, он говорит об увиденном на улице человеке, что тот «продолжал идти под слабеющим дождём <...>, не взглянув»⁷²² на героя, после этого озвучивается, как он понимает поведение прохожего: «я был уверен – отметил меня и уже сделал вывод на мой счёт»⁷²³, и далее герой решает, что человек уже начал слежку.

Таким образом, конфликт героя с обществом предстаёт как мнимый. Невозможность восстановить лакуну в завязке произведения показывает немотивированность поведения героя. Его страхи можно объяснить проявлением душевной болезни.

На контрасте с паническим состоянием героя нейтральное поведение других персонажей формирует образ «нормального» общества. Однако в финале произведения автор разрушает это представление: соседи по квартире начинают произносить несвязные монологи, напоминающие речь сумасшедших. Оказывается, что все персонажи в равной степени «ненормальные». Таким образом, внешнее спокойствие и взаимная вежливость прикрывают не конфликт между героем и социумом (как герой думает), а иррациональность внутренней жизни общества.

⁷²¹ Дышленко Б. И. Кромка // Часы. С. 122.

⁷²² Там же. С. 124.

⁷²³ Там же.

Во всех трёх рассказах особое значение имеет образ соседа Антона Ивановича. В рассказе «Демаркационная линия» главный герой испытывает зависимость от соседа – почему-то именно его дожидается весь день. В рассказе «Кромка» «холодный и напряжённый»⁷²⁴ страх вызывает Антон Иванович, который с «недоброй улыбкой»⁷²⁵ встречает героя на пороге квартиры, отчего ему хочется «уничтожиться, стать невидимкой и самому не видеть его»⁷²⁶. После встречи с Антоном Ивановичем герой начинает подозревать, что за ним следят: «я знал, что он уже закрыл дверь и идёт за мной»⁷²⁷; «я вышел и стал спускаться по лестнице, но спускаясь, не переставал чувствовать затылком его зоркие глаза»⁷²⁸ и т. д.

В последнем рассказе цикла – «Каскадёр» – под наблюдением Антона Ивановича оказывается «своё» пространство героя, проникновение соседей в которое (как известно из рассказа «Демаркационная линия») вызывает у него страх.

Рассказ начинается с того, что соседи будят героя, чтобы предупредить, что вокруг дома возвели строительные леса для косметического ремонта. Трижды повторённое слово «предупредить»⁷²⁹ акцентирует на себе внимание читателя. Кроме того, визит в комнату главного персонажа всех соседей квартиры и рабочих не соответствует степени важности сообщения. Впоследствии при воспоминании об утреннем посещении у героя портится настроение. Всё это указывает, что предупреждение включает в себе нечто большее, чем объявление о ремонте.

Герой выходит из состояния своего обычного страха перед людьми благодаря знакомству с девушкой. Но придя домой, обнаруживает, глядя в окно, смотрящих на него двух соседей – Антона Ивановича и Ивана Ивановича

⁷²⁴ Дышленко Б. И. Кромка // Часы. С. 119.

⁷²⁵ Там же.

⁷²⁶ Там же.

⁷²⁷ Там же.

⁷²⁸ Там же. С. 122.

⁷²⁹ Дышленко Б. И. Каскадёр. С. 136.

(видимо, стоящих на строительных лесах), обоих в морских фуражках. Морская фуражка фигурирует всегда в описании Антона Ивановича, даже становится главной деталью, определяющей его образ. В рассказе «Кромка» прохожий на улице из-за морской фуражки принимается героем за Антона Ивановича. Следовательно, Иван Иванович в морской фуражке становится столь же грозен для героя, как и Антон Иванович. При этом соседи через стекло могут видеть всю комнату героя. В первом рассказе «Демаркационная линия» герой боится попасть в поле зрения других людей, во втором – «Кромка» – герой предполагает, что за ним все следят и, в первую очередь, Антон Иванович. Получается, что ракурс из окна и удвоение главного следящего указывают, что герой попадает в невозможное для себя положение. Это объясняет его восклицание: «Какой там стол, занавески, шампанское, девушка в серых брюках!.. Всё это стёрлось, пропало как в кино, провалилось»⁷³⁰.

Таким образом, в финале конфликт между героем и обществом из исключительно внутреннего переходит во внешний.

В № 44 (1983) журнала «Часы» был опубликован рассказ из цикла Б. Дышленко «Жернов и общественные процессы» – «Жернов и революция». Герой данного произведения несколько отличается от героев циклов «Правила игры» и «На цыпочках»: Жернов – бывший военный, начальник над «конторскими», то есть скорее представитель власти, чем «маленький человек». В качестве коллективного антагониста выступают подчинённые Жернова – «конторские». Отношения героя с ними характеризуется как «не жизнь – борьба»⁷³¹. Сообщается, что «конторские тайно враждовали с Жерновым, надеялись, что однажды он умрёт»⁷³². Герой презирает «конторских» «за их

⁷³⁰ Дышленко Б. И. Каскадёр. С. 157.

⁷³¹ Дышленко Б. И. Жернов и революция // Часы. С. 57.

⁷³² Там же.

неумелость»⁷³³, ненавидит за то, что они шелестят газетами, которых он не читает, но больше всего «за суетливость»⁷³⁴.

В рассказе описывается пять дней из жизни Жернова, во время которых в городе назревает революция, что выражается в увеличении изо дня в день возбуждения и недовольства граждан на улицах, а на работе героя – в том, что «конторские» начинают «свободничать».

Противопоставление героя и «конторских» в произведении выражается через изображение с помощью приёма повтора ежедневного поведения Жернова, а через приём градации – поведения «конторских».

Рассказ разделён на пять частей, соответствующих дням недели. Изображение каждого дня строится по одной схеме: описание утра, обеденного перерыва, ухода «конторских». В течение рабочей недели поведение Жернова остаётся приблизительно одинаковым (он открывает с утра окно, моет руки, наливает портвейн и т. д.), «конторские», напротив, с каждым днём начинают вести себя более вольно, выказывать большее пренебрежение к начальнику.

Поведение Жернова соотносится с регулярным распорядком дня и остаётся стабильным. Говорится о постоянстве героя: «Как всегда Жернов пришёл вовремя – он всегда приходил вовремя»⁷³⁵; «Каждое утро он первым открывал <...> дверь»⁷³⁶; «Всю жизнь он действовал одинаково и не хотел действовать как-нибудь иначе»⁷³⁷; «Каждый вечер, уходя, он выливал в стакан остатки портвейна»⁷³⁸.

Изменения в поведении «конторских» даются параллельно с усилением революционных волнений в городе: в каждой из пяти частей рассказа, соответствующих пяти дням рабочей недели в трёх временных отрезках – утром, в обеденное время, в конце рабочего дня – обозначаются происходящие в городе

⁷³³ Дышленко Б. И. Жернов и революция // Часы. С. 66.

⁷³⁴ Там же. С. 58.

⁷³⁵ Там же. С. 56.

⁷³⁶ Там же.

⁷³⁷ Там же.

⁷³⁸ Там же.

события и / или действия «конторских». Нарастание протестных настроений представлено в Таблице 1.

Таблица 1

		1 день	2 день	3 день	4 день	5 день
Утро / приход «конторских»	Город	—	«...на балконах вывешены транспаранты...» ⁷³⁹ .	«К транспарантам на улицах добавились кое-где флаги» ⁷⁴⁰ .	«В этот день весь транспорт без дозволения ездил на красный свет» ⁷⁴¹ ; на улицах звучала громкая музыка.	«С утра было уже совсем ничего не разобрать: народу на улицах почти не было, зато транспарантов и флагов было столько, что уже и балконов было не видеть» ⁷⁴² .
	«Конторские»	«Здоровались, угожливо улыбались, проходили» ⁷⁴³ .	—	«Сегодня шушукались и почти без стыда заглядывали в газеты. Жернов прикрикнул на них, и они на минуту притихли, но потом опять принялись за своё, газета ходила по рукам» ⁷⁴⁴ .	«Гордо и вызывающе посматривали на Жернова со своих мест, почти не притворялись» ⁷⁴⁵ .	—

⁷³⁹ Дышленко Б. И. Жернов и революция // Часы. С. 59.

⁷⁴⁰ Там же. С. 62.

⁷⁴¹ Там же. С. 64.

⁷⁴² Там же. С. 67–68.

⁷⁴³ Там же. С. 57.

⁷⁴⁴ Там же. С. 62.

⁷⁴⁵ Там же. С. 65.

Продолжение таблицы 1

		1 день	2 день	3 день	4 день	5 день
Обед и после обеда	Город	—	«...какое-то возбуждение, как будто все были недовольны и чего-то ждали» ⁷⁴⁶ .	—	«Уже с обеда на улицах было полно народу, как в законные выходные. Сговаривались сразу человек по десять, все вместе шли в магазин пить» ⁷⁴⁷ , «...все балконы в транспарантах и кое-где вот-вот начнутся драки...» ⁷⁴⁸ .	«“Главная Газета” сообщала о полной победе вооружённого восстания» ⁷⁴⁹ .
Обед и после обеда	«Конторские»	—	Судят кошку, намереваясь её повесить.	Подсунули на стол «Главную Газету», призывающую «ко всеобщей забастовке» ⁷⁵⁰ , с обеда пришли «с независимым видом» ⁷⁵¹ .	Подложили на стол «Главную газету», «после обеда конторские затеяли маршировать» ⁷⁵² .	«Конторские притихли, сидели весь день за столами, даже не шелестели» ⁷⁵³ .
Уход «конторских»	«Конторские»	«...зашелестели газетами...» ⁷⁵⁴ .	Говорят во дворе под окнами между собой: «Целый день сверлит глазами, людоед проклятый!» ⁷⁵⁵ ; «Ничего. Скоро всем таким шею скрутим» ⁷⁵⁶ .	«Сегодня конторские совсем обнаглели: защёлкали замками раньше, чем обычно, не досидели точно до конца» ⁷⁵⁷ .	—	—

В образе «конторских» как коллективного антагониста присутствуют характеристики, которыми наделяется угнетающая сила и в других произведениях Б. Дышленко (которые будут рассмотрены далее):

⁷⁴⁶ Дышленко Б. И. Жернов и революция // Часы. С. 61.

⁷⁴⁷ Там же. С. 65.

⁷⁴⁸ Там же.

⁷⁴⁹ Там же. С. 68.

⁷⁵⁰ Там же. С. 63.

⁷⁵¹ Там же.

⁷⁵² Там же. С. 66.

⁷⁵³ Там же. С. 68.

⁷⁵⁴ Там же. С. 58.

⁷⁵⁵ Там же. С. 62.

⁷⁵⁶ Там же.

⁷⁵⁷ Там же. С. 64.

- немотивированная агрессия по отношению к герою;
- постепенное усиление проявлений агрессии;
- стремление нарушить распорядок жизни героя.

Изменения в настроениях «конторских», как и изменения на улице, не оказывают на Жернова серьёзного влияния. Нарастание в подчинённых «свободничания» полностью исчезает в последний день после свершения революции, так как перемена власти в государстве не привела к изменению власти Жернова.

Таким образом, действия коллективного антагониста оказываются бесполезными в отношении героя, сохраняющего стабильность в поведении.

Сама фамилия героя становится в контексте рассказа говорящей: жернов как вращающийся круглый камень, применяемый для перемола, актуализирует идею регулярного вращательного движения, что метафорически указывает на способность героя всё «перемолоть», то есть на его невосприимчивость к любым изменениям, в том числе к революции.

Образ жернова, противопоставленного угнетающей силе, используется Б. Дышленко и в повести «Мясо»: когда герой решается на отчаянную попытку прорваться через засаду десантников, он бежит с холма, чувствуя себя «жёстким, тяжёлым, как колесо или камень, наверное, камень, такой большой круглый камень с дыркой посередине»⁷⁵⁸, и вспоминает, что видел такой камень на экскурсии, где ему сказали, «что это мельничный жернов»⁷⁵⁹.

Повесть «Пять углов» была напечатана в 1978 году в № 15 журнала «Часы». Эпиграфом к произведению служит загадка: «Умылся не так, нарядился не так, поехал не так, заехал в ухаб, и не выехать никак»⁷⁶⁰. Ответ на неё – «покойник»⁷⁶¹. Эпиграф указывает, что в повести будут присутствовать тема отгадывания загадки и тема смерти.

⁷⁵⁸ Дышленко Б. И. Мясо. С. 28.

⁷⁵⁹ Там же.

⁷⁶⁰ Дышленко Б. И. Пять углов // Часы. С. 99.

⁷⁶¹ Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. СПб. ; М., 1879. Т. 1. С. 397.

Герой «Пяти углов» – скромный пенсионер Исайя Андреевич. О нём сказано, что «всю жизнь Исайя Андреевич был тих, уживчив; не только с начальством, но и с сослуживцами никогда в споры не вступал»⁷⁶², имеет «слабые силы своего характера»⁷⁶³, не наделён стремлением к власти («Я никогда начальством не был – я не сумею, нет»⁷⁶⁴), имеет субтильное телосложение (с трудом снимает «с плеч узенький кремовый, купленный в детском отделе, плащик»⁷⁶⁵). Празднование ухода на пенсию вместе с двоюродным братом демонстрирует мягкость характера героя: он «робко приветствовал брата»⁷⁶⁶, обращался к нему «Шурочка». Образ строится на контрасте с родственником, который был «высок, костист, самоуверен, твёрд характером и имел свою точку зрения»⁷⁶⁷, «резкий, энергичный. Все войны прошёл и в том числе революцию»⁷⁶⁸. Двоюродный брат говорит с Исайей Андреевичем «строго»⁷⁶⁹, пренебрежительно смотрит на его памятные подарки, не одобряет уход на пенсию, говорит о своей нужности людям и т. д.

Как и в циклах «Правила игры» и «На цыпочках» герой «Пяти углов» – «маленький человек»: тихий, слабый физически и духовно.

К конфликту с угнетающей силой приводит то, что Исайя Андреевич решает выйти на пенсию. Реплики сослуживцев героя и его брата показывают их представление о бесцельности существования человека без коллектива: «Да и вам ведь как? Нужность свою, полезность чувствовать...»⁷⁷⁰; «Как же вы будете без нас? Скучать станете: делать-то нечего будет»⁷⁷¹; «Иди-ка ты, и правда, в домовый комитет: все при деле будешь. Уже не лишний человек»⁷⁷².

⁷⁶² Дышленко Б. И. Пять углов // Часы. С. 101.

⁷⁶³ Там же.

⁷⁶⁴ Там же. С. 105.

⁷⁶⁵ Там же. С. 103.

⁷⁶⁶ Там же.

⁷⁶⁷ Там же.

⁷⁶⁸ Там же. С. 105.

⁷⁶⁹ Там же. С. 104.

⁷⁷⁰ Там же. С. 100.

⁷⁷¹ Там же. С. 101.

⁷⁷² Там же. С. 105.

Заданную загадкой-эпиграфом тему смерти поддерживает напоминающее похороны описание выхода героя на пенсию: «В пятницу Исайю Андреевича с почётом проводили на пенсию, а на следующий день была чёрная суббота, и о нём все забыли»⁷⁷³. Пара «проводили»-«забыли» в соседстве со словом «чёрная», придающим негативную коннотацию событию, вызывает ассоциацию с погребением. Неоднократно говорится о том, что герой желает покоя: «Исайя Андреевич почувствовал, что давно уже ему хочется на покой»⁷⁷⁴, «а мне покоя хочется»⁷⁷⁵ и пр. Тема смерти актуализируется через слово «покой» как однокоренное со словом «покойник» – отгадкой эпиграфа.

Открытого конфликта между героем и обществом нет, он присутствует имплицитно через указания на то, что само существование вне социума сопоставляется со смертью и представляется его членам бесполезным.

Причина ухода героя с работы заключалась в желании осуществить мечту – жить по «английскому плану», который сводился к соблюдению режима питания и прогулкам в каждый рабочий день недели по одной из улиц Пяти углов. В первый же день Исайя Андреевич встречает Марью Ильиничну, в которую был влюблен, будучи гимназистом, и к которой снова начинает испытывать чувства. Каждый день он случайно сталкивается с ней на улице и каждый раз обнаруживает, что её характер изменился, она по-разному говорит о том, как сложилась её жизнь, и не помнит предыдущую встречу.

В стремлении следовать строгому распорядку между Исайей Андреевичем и Жерновым из рассказа «Жернов и революция» устанавливается одновременно и сходство и оппозиция: герою «Пяти углов» не удаётся то, что воплотилось в образе Жернова. Исайя Андреевич, как и Жернов, пытается следовать режиму дня в течение рабочей недели. И повесть, и рассказ имеют похожую структуру: пять частей соответствуют дням недели, а каждый день описывается по повторяющейся схеме. В повести «Пять углов» это следующая схема: завтрак,

⁷⁷³ Дышленко Б. И. Пять углов // Часы. С. 100.

⁷⁷⁴ Там же.

⁷⁷⁵ Там же.

выход на прогулку, встреча с Марией Ильиничной. Отметим, что в творчестве Б. Дышленко индивидуальный образ жизни связан с соблюдением выбранного героем чёткого режима (это отражается не только в поведении Жернова и Исая Андреевича, но и профессора из повести «Что говорит профессор»).

Встреча героя с Машенькой оказывается столкновением с угнетающей силой, свойства которой сначала проявляются опосредованно или распознаются через сопоставление с другими произведениями автора. Как и «конторским» из рассказа «Жернов и революция» для Машеньки характерно постепенное усиление проявлений негативного отношения к герою. В первую встречу она узнаёт Исая Андреевича. Во вторую видит, что он «хорошего воспитания товарищ»⁷⁷⁶, но не сразу понимает, кто он. В третью – общается доброжелательно, но как с посторонним. Во время четвёртого случайного свидания разговаривает неприветливо как с чужим, потом решает, что узнала, переходит на панибратский тон, но по её воспоминаниям ясно, что она принимает Исая Андреевича за другого человека. На пятый день не узнаёт и не хочет вступать в диалог.

Таким образом, в основанный на повторении распорядок жизни героя вторгается угнетающая сила, которая характеризуется изменчивостью и усилением агрессии. Исайя Андреевич, в отличие от Жернова, не выдерживает воздействия антагониста, не может сохранить постоянный ритм жизни и в итоге умирает.

Тема загадки, на которую указывает жанр эпиграфа, проявляется в повести в том, что Исайя Андреевич считает, что должен понять причину перемен характера своей возлюбленной: «Однако тайну эту так или иначе надо раскрыть: за счастье надо бороться»⁷⁷⁷.

Тема смерти, как и тема загадки, связана в повести с образом Машеньки. Ближе к финалу, после пяти встреч, герою снится сон, где она «предъявляет» Исая Андреевичу свои пять характеров и далее говорит: «Есть ещё и шестой,

⁷⁷⁶ Дышленко Б. И. Пять углов // Часы. С. 120.

⁷⁷⁷ Там же. С. 138.

<...> пассажный» и добавляет: «Вот тебе, Сашенька, загадка. Попробуй – отгадай»⁷⁷⁸, после чего повторяют загадку, вынесенную в качестве эпиграфа. Слова «попробуй – отгадай» могут трактоваться как относящиеся и к предложению отгадать шестой характер, и к загадке-эпиграфу. Две загадки практически сливаются в одну. В качестве ответа Исая Андреевич во сне говорит новую загадку: «деревянный пирог с мясной начинкой»⁷⁷⁹, отгадка которой согласно книге «Пословицы русского народа» В. Даля – «гроб с телом»⁷⁸⁰. Тема смерти усиливается тем, что в конце сна герой считает, что он «убитый путиловскими немцами красноюнкер»⁷⁸¹, плачет о «безвременной гибели»⁷⁸², понимает, «что не дожил до пенсии»⁷⁸³.

Таким образом, финал повести предсказуем, повесть заканчивается похоронами героя. Оказывается, что Исая Андреевич всё это время встречал пять разных женщин, которых на шестой день видит вместе и, не выдержав этого, умирает.

Разгадка странного поведения Марии Ильиничны обнаруживает основной признак угнетающей силы – коллективный характер её воплощения. Намёк на это присутствовал и во сне героя, где Машенька появлялась как чудовище «ужасая, многоликая, точнее, не многоликая, а о пяти главах, пяти руках, пяти ногах и пяти углах»⁷⁸⁴. Во время случайных свиданий в разговоре с возлюбленной ряд фраз может быть истолкован как указание, что перед пенсионером не Марья Ильинична. Во вторую встречу старушка говорит: «Вы меня не за ту принимаете»⁷⁸⁵. В четвёртую два раза произносит: «Я вам не Машенька»⁷⁸⁶, в пятую: «Это Вы меня не узнаете»⁷⁸⁷.

⁷⁷⁸ Дышленко Б. И. Пять углов // Часы. С. 140.

⁷⁷⁹ Там же.

⁷⁸⁰ Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. 1. С. 397.

⁷⁸¹ Дышленко Б. И. Пять углов // Часы. С. 141.

⁷⁸² Там же.

⁷⁸³ Там же.

⁷⁸⁴ Там же. С. 140.

⁷⁸⁵ Там же. С. 121.

⁷⁸⁶ Там же. С. 133, 135.

⁷⁸⁷ Там же. С. 139.

Появление коллективного антагониста, во-первых, связано с уходом Исайи Андреевича на пенсию. По сути, именно решение жить вне социума приводит героя к гибели. Перед смертью эта мысль озвучивается Исайей Андреевичем: «Нелепо, глупо строить планы, имея шестьдесят пять лет от роду жизни и неизжитую в сердце любовь. Седина в бороду – бес в ребро, и нет коллектива, чтобы удержать от соблазна. Это от одиночества, от индивидуального образа жизни начинается воображение»⁷⁸⁸.

Во-вторых, угнетающая сила выступает против героя в ответ на его решение следовать английскому плану: «Это его же собственный план осуществился для него таким роковым и непостижимым образом»⁷⁸⁹.

То есть героя, вышедшего из социума и живущего по неизменному распорядку, начинает преследовать коллективный антагонист, постепенно усиливая проявление агрессии. Данная схема противостояния героя и угнетающей силы является характерной для построения произведений Б. Дышленко. Отчасти она используется в построении рассказа «Жернов и революция». Также на ней основывается повесть «Что говорит профессор», которая будет рассмотрена далее.

Как уже было сказано, произведения Б. Дышленко легко интерпретируются в контексте концепции Б. Иванова об уходе за-социальной личности на периферию жизни общества. Если в ранее рассмотренных произведениях угнетающая сила может быть сопоставлена с самим социумом, который вытесняет из себя чуждые элементы, то в повести «Пять углов» угнетающая сила в большей степени представлена как «кишение хаоса»⁷⁹⁰, который всегда существует «за инструкциями и ролями, должностями и нравами»⁷⁹¹, о чём пишет Б. Иванов в статье «Две ориентации. Общество».

⁷⁸⁸ Дышленко Б. И. Пять углов // Часы. С. 144.

⁷⁸⁹ Там же. С. 145.

⁷⁹⁰ Иванов Б. И. Две ориентации. Общество. С. 327.

⁷⁹¹ Там же. С. 327.

В повести «Что говорит профессор» также присутствует конфликт человека с угнетающей силой, но герой в данном случае не «маленький человек», как в циклах «Правила игры», «На цыпочках» и повести «Пять углов», а «известный учёный»⁷⁹². Многие свойства, которыми были наделены стороны противоборства в рассмотренных произведениях Б. Дышленко, сохраняются и в повести «Что говорит профессор», но при этом герой получает ряд черт угнетающей силы, а агрессор, наоборот, приобретает черты героев из циклов «Правила игры», «На цыпочках», повести «Пять углов».

Угнетающая сила в данном случае представлена некой организацией экстрасенсов, преследующей профессора. Это собирательный образ, сходный по следующим характеристикам с образом десанта из цикла «Правила игры»:

1. Изображается в виде коллективного антагониста.

Это свойство угнетающей силы является постоянным в произведениях Б. Дышленко 1960–1980-х годов. Агрессором является совокупность персонажей (десант, «конторские», соседи, общество). В повести «Что говорит профессор» эта особенность конфликта выражена напрямую: «для нас поединок – это “все на одного”»⁷⁹³, – говорит рассказчик, один из экстрасенсов. Помимо основного противника – группы экстрасенсов – в травле профессора принимают участие и обычные граждане: «коллеги и начальство отчасти по доброй воле, отчасти из зависти, что то же, а отчасти из соображений высшего порядка, гадили и пакостили ему как могли, и хотя все их гадости были слишком мелки и ничтожны против этой величины, я понимаю, что кому-то может и не доставляет удовольствия работать в такой среде. Короче, они своего добились: едва достигнув шестидесяти лет, профессор, как говорится, ушёл на заслуженный отдых»⁷⁹⁴. К работе экстрасенсов подключаются и профессионалы из различных областей («отчего все эти специалисты, все эти психологи и парапсихологи, социологи и режиссёры, электротехники, сантехники и музыковеды, – отчего все

⁷⁹² Дышленко Б. И. Что говорит профессор // Часы. С. 66.

⁷⁹³ Там же. С. 96.

⁷⁹⁴ Там же. С. 67.

они с такой охотой брались помогать нам?»⁷⁹⁵). То есть в противнике героя объединено множество лиц, которые не столько преследуют собственные цели в травле героя, сколько служат этому неосознанно.

2. Обладает неограниченной властью.

Если в цикле «Правила игры» десант является представителем власти в городе, то в повести «Что говорит профессор» организация экстрасенсов обладает двойственным статусом. С одной стороны, члены группы подчёркивают неофициальность своей деятельности: «мы ведь и не юридические лица – так, шутники, экстрасенсы, бескорыстные исследователи»⁷⁹⁶. С другой стороны, возможность обращения к специалистам в разных областях, влияние на социальные службы, указание, что экстрасенсы это «самая патриотическая организация в стране»⁷⁹⁷, показывает, что противник профессора выражает интересы власти и действует под её эгидой. Всесильность экстрасенсов подчёркивается тем, что ради воздействия на профессора они меняют «булочную и парикмахерскую местами»⁷⁹⁸, устраняют «всех продавцов в магазинах, где он отоваривался»⁷⁹⁹, неотрывно следят за профессором и прослушивают его квартиру, устраивают прорыв теплосети и канализации, отключают отопление и свет во всём квартале, разрывают телефонный кабель и в итоге добиваются смерти профессора.

3. Определяет свою деятельность как игру.

Название самого цикла «Правилах игры» вводит тему игры: законы города приобретают характер своеобразной игры между десантом и «штатскими». В повести «Что говорит профессор» игра как объяснение причины конфликта вводится прямо: «Мы вообще с самого начала не преследовали никакой цели – просто играли»⁸⁰⁰.

⁷⁹⁵ Дышленко Б. И. Что говорит профессор // Часы. С. 96.

⁷⁹⁶ Там же. С. 73.

⁷⁹⁷ Там же. С. 104.

⁷⁹⁸ Там же. С. 63.

⁷⁹⁹ Там же. С. 73.

⁸⁰⁰ Там же. С. 95.

4. Использует язык как средство манипуляции в «игре».

В цикле «Правила игры» язык служит десанту средством манипуляции, слова «правда», «ложь» теряют своё значение. И если в цикле «Правила игры» эта мысль выражена имплицитно, то в повести «Что говорит профессор» звучит явно: «он повернул дело так, что никаких убеждений у нас просто не было, а то, что мы считали убеждениями, на самом деле оказалось всё теми же нелепыми правилами нелепой игры, и в эти правила входили такие условия как Долг и Честь, только это не были настоящие Долг и Честь, потому что здесь это – жаргонные слова, в контексте этой игры они потеряли подлинный смысл и превратились в свою противоположность»⁸⁰¹.

Сопоставляя образы антагонистов, можно отметить не только черты их сходства, но и различия. Так, в «Что говорит профессор» экстрасенсы наделяются качествами, которые в повестях «Мясо», «Виктимология», «Антрну» были присущи герою:

1. Непонимание противника.

В цикле «Правила игры» герой старается понять устройство социума и законов, которыми руководствуются военные. В повести «Что говорит профессор», наоборот, угнетающая сила – экстрасенсы – пытаются разгадать природу необычных качеств профессора.

2. Потеря уверенности в подлинности себя.

Если в повести «Антрну» под давлением полковника Шедова герой начинает сомневаться в том, кем он является на самом деле, то в повести «Что говорит профессор» уже сам антагонист теряет уверенность в самоидентификации: «я постепенно переставал понимать, где подлинный я, а где описываемый, и что делаю я, а что тот. Я находил себя в том и переставал чувствовать свою собственную подлинность, и моё существование начинало казаться мне вымышленным и искусственным»⁸⁰².

⁸⁰¹ Дышленко Б. И. Что говорит профессор // Часы. С. 87.

⁸⁰² Там же. С. 82.

3. Роль жертвы.

В повести «Виктимология» десант считает героя жертвой (при этом военными постулируется, что жертва сама является соучастником совершенного против неё преступления). В повести «Что говорит профессор» экстрасенсы понимают, что профессор считает агрессоров жертвами их же игры: «он видел в нас не злых и жестоких негодяев, а скорее жертвы всё той же нелепой игры, жертвы в гораздо большей степени, чем он, потому что мы не понимаем этого»⁸⁰³.

В повести «Что говорит профессор» между противниками проходит перераспределение ролей:

«– Старик сам экстрасенс, – сказал однажды заводила, – только не такой, как мы. Настоящий экстрасенс, – вздохнул он, – и пожалуй, гений»⁸⁰⁴.

Таким образом, при столкновении не с простым обывателем, а с героем, обладающим выдающимися способностями, в угнетающей силе начинают проявляться признаки «маленького человека», каким он представлен к цикле «Правила игры».

Профессор наделяется качествами, которые в ранее рассмотренных произведениях Б. Дышленко: были присущи угнетающей силе; не были свойственны героям, хотя они стремились к обретению этих качеств; не были свойственны героям, хотя они считали, что обладают этими качествами.

Из свойств агрессивной силы, действующей в цикле «Правила игры», герою повести «Что говорит профессор» принадлежат следующие черты:

1. Авторитетность.

Это качество является признаком власти в цикле «Правила игры», но в повести «Что говорит профессор» авторитет героя признаётся экстрасенсами: «он стал для нас наивысшим авторитетом, причём почти во всех вопросах»⁸⁰⁵.

2. Принадлежность к военным.

⁸⁰³ Дышленко Б. И. Что говорит профессор // Часы. С. 87.

⁸⁰⁴ Там же. С. 85.

⁸⁰⁵ Там же. С. 88.

В произведениях Б. Дышленко выстраивается зависимость: чем прочнее связь персонажа с профессией военного, тем большей силой он обладает и, соответственно, тем легче его победа в конфликте с противником.

В цикле «Правила игры» десант имеет неограниченную власть, а «штатский» герой изгоняется из общества. В рассказе «Жернов и революция» герой – бывший военный, он является начальником над «конторскими», и их агрессия по отношению к нему оказывается безрезультатной. В повести «Что говорит профессор» герой только внешне «похож на отставного английского полковника»⁸⁰⁶, то есть в наименьшей степени сопричастен с военными. Он терпит поражение в «игре», но как говорит рассказчик-экстрасенс: «Это была позорна победа. Профессор уходил с развёрнутым знаменем»⁸⁰⁷, то есть за героем остаётся моральная победа.

3. Способность нарушать физические законы.

В повести «Мясо» десант перемещается на большие расстояния в течение короткого времени, практически оказываясь в разных местах одновременно. На этой черте в образе десанта не акцентируется внимание, более она не проявляется во всём цикле. Как раз у профессора мистические способности становятся определяющим свойством его образа: голос профессора, придумывающего вслух статьи и книги, и музыка, которую он слушает, звучат в его комнате сами по себе, даже после смерти героя, его работы публикуются без каких-либо его контактов с издателями или людьми, способными передать рукописи в печать. Этот феномен и пытаются разгадать экстрасенсы.

4. Множественность.

По теории экстрасенсов, профессор принадлежит к энергетической среде, состоящей из полей, которые «были созданы, накоплены разными людьми, такими, как тот философ или композитор, а потом затаились и только и ждали профессора, чтобы напитать его или, наоборот, ожить самим»⁸⁰⁸. То есть

⁸⁰⁶ Дышленко Б. И. Что говорит профессор // Часы. С. 62.

⁸⁰⁷ Там же. С. 95.

⁸⁰⁸ Там же. С. 102.

профессор оказывается сосредоточием культуры, как деятельности многих выдающихся людей. Таким образом, можно говорить, что в повести «Что говорит профессор» агрессивной силе противостоит не герой-одиночка, а другая воплощённая во множестве лиц сила, соотносимая с культурой. Причём она побеждает благодаря тому, что в агрессоре начинают проявляться свойства «маленького человека».

Обратимся теперь к признакам, которые не реализуются у героев-«маленьких людей», хотя они к ним стремятся, но которыми обладает профессор.

1. Неизменность распорядка жизни.

Попытка следовать «английскому плану», заключающемуся в повторении прогулок в пяти направлениях в соответствии с пятью днями рабочей недели, приводит к гибели героя повести «Пять углов». В образе профессора акцентируется внимание на его способности к нерушимой регулярности в организации быта: «всегда выходит в одно и то же время, чтобы каждый раз шаг в шаг и минута в минуту совершить соответствующий дню недели маршрут»⁸⁰⁹. Это свойство профессора противопоставляется игре экстрасенсов: «это вообще была его жизненная стратегия, заключавшаяся как раз в том, чтобы не играть. В общем, это была стратегия локомотива, идущего по рельсам – попытайтесь-ка с ним фехтовать»⁸¹⁰.

Неизменность распорядка жизни сближает профессора с Жерновым, для которого постоянство в соблюдении графика является одним из определяющих признаков, противопоставляющих его «конторским». (Даже другой основополагающий признак образа Жернова – его склонность к ежедневному употреблению портвейна – повторяется и в образе профессора, но уже не как алкоголизм, а как умение наслаждаться жизнью: один из трёх любимых напитков профессора – портвейн, который «пил он немного, но постоянно»⁸¹¹). Поведение «конторских» как раз напоминает игру экстрасенсов против профессора:

⁸⁰⁹ Дышленко Б. И. Что говорит профессор // Часы. С. 62.

⁸¹⁰ Там же. С. 92.

⁸¹¹ Там же. С. 63.

поэтапное усиление действий, направленных на разрушение стабильной жизни героя.

То есть на одном полюсе оказывается игра, причём в которой правила изменчивы, на другом – регулярность, которую пытается преодолеть игра. В случае со слабыми героями она побеждает. С персонажами, у которых циклическое повторение распорядка жизни является нерушимым свойством, игра бесполезна.

Интересно заметить, что умение героя соблюдать регулярный режим как показательная черта наличия в нём силы, способной противостоять коллективному антагонисту, согласуется с издательским принципом журнала «Часы» – строгим соблюдением сроков выхода номеров (о чем писалось в главе 2 настоящей работы).

2. Английская атрибутика.

Неудавшийся план Исаяи Андреевича из повести «Пять углов» именовался «английским». В образе профессора уделяется внимание «английскому» характеру его внешности: похож на английского полковника, в парикмахерской подправляет «английскую причёску»⁸¹², носит «английские усы»⁸¹³.

3. Особая значимость героя, вызывающая слезку, и способность распознать её.

Данное качество профессора позволяет провести параллель с циклом «На цыпочках». Герою рассказов мерещится постоянная слезка за ним, действия людей он расценивает как часть заговора против него. Но если в данном случае такие представления персонажа с большей вероятностью могут быть истолкованы как проявление душевного расстройства, то наблюдение за профессором – это неотъемлемая составляющая игры экстрасенсов, а все происходящие с героем неприятности действительно подстроены. То есть герой цикла «На цыпочках» приписывает себе особое значение, из-за которого подвергается преследованию,

⁸¹² Дышленко Б. И. Что говорит профессор // Часы. С. 63.

⁸¹³ Там же.

но которое, как он считает, умеет выявить. Профессор же этим значением обладает, потому вызывает на себя внимание угнетающей силы, и более того, осознаёт её присутствие в своей жизни.

4. Умение предугадывать действия противника.

Представление о слежке у героя цикла «На цыпочках» связано с тем, что он считает, что правильно растолковывает действия других персонажей, что по ходу повествования опровергается. Профессор же действительно обладает всеведением (что связано с его мистическими способностями), поэтому не только знает об игре экстрасенсов, но и предугадывает их поступки заранее: «Как выяснилось позже, и ошеломляюще выяснилось, профессор с самого начала знал о нашей игре. Мало того, он с самого начала занял правильную позицию, но мы пока об этом ещё ничего не знали»⁸¹⁴; «профессор видел нас насквозь и мог прогнозировать наши действия»⁸¹⁵. То есть то качество, которое у героя «На цыпочках» является мнимым, присуще профессору.

Если в повести «Пять углов» и в цикле «На цыпочках» герои стремятся иметь характеристики, которыми обладает профессор, то в цикле «Правила игры» через поведение героя распознаётся ряд качеств, стремление к которым в персонаже не выражено, но требуется для сопротивления агрессору.

1. Понимание абсурдности действий противника.

В повести «Антрну» трагедия героя связана с неспособностью увидеть, что логика противника абсурдна. В повести «Что говорит профессор» профессор пишет роман, где обнажает абсурдность игры экстрасенсов: «А если он зашифровал нечто реально существующее, то лишь коллизию, фабулу, типы же, действовавшие там, были всегда абсурдны, но со временем и реальные ситуации из нашей жизни стали мне казаться абсурдными. Абсурдной стала мне казаться и игра, которую мы вели, а ведь она очевидно не была абсурдной»⁸¹⁶.

2. Обладание «настоящим» языком.

⁸¹⁴ Дышленко Б. И. Что говорит профессор // Часы. С. 67.

⁸¹⁵ Там же. С. 88.

⁸¹⁶ Там же. С. 87.

В «Антрну» герой не может преодолеть логику полковника, хотя знает, что доводы Шедова противоречат фактам. Профессор жаргону экстрасенсов, который характеризуется как «язык, не рассчитанный на коммуникацию»⁸¹⁷, противопоставляет «добросовестное отношение к языку»⁸¹⁸. И уже неумение экстрасенсов взаимодействовать с профессором на «настоящем» языке не позволяет им вывести секрет профессора. Как догадывается рассказчик, тайна удивительных способностей профессора, которые экстрасенсы так и не смогли победить, «заклучалась как раз в совершенстве языка, а вовсе не в телепатии»⁸¹⁹.

Профессор становится в творчестве Б. Дышленко образом, который аккумулирует в себе свойства, потенциально заложенные в других его героях-индивидуалистах. Обладание этими качествами меняет характер конфликта – агрессору переадресуются черты «маленького человека». Сравнение героя с военным, а также английские черты в его облике можно рассматривать в контексте творчества автора как символические признаки обладания силой.

В произведениях Б. Дышленко прослеживается тенденция к построению конфликта между героем и внешним миром, который может воплощаться либо в устройстве общества (коллектива), либо в устройстве мироздания, определяющего судьбу. Образ главного персонажа варьируется: чаще это «маленький человек», но представлены и герои, обладающие силой – начальник и профессор.

В творчестве Б. Дышленко наблюдается стремление к построению циклов, развивающих и проясняющих различные аспекты взаимодействия героя и угнетающей силы.

В произведениях Б. Дышленко, опубликованных в журнале «Часы», присутствует конфликт героя и коллективного антагониста. Наличие данного противостояния позволяло редколлегии трактовать повести и рассказы автора как отражающие в художественной форме философскую концепцию

⁸¹⁷ Дышленко Б. И. Что говорит профессор // Часы. С. 98.

⁸¹⁸ Там же.

⁸¹⁹ Там же.

«неофициального движения». Благодаря этому Б. Дышленко считался «часовщиками» писателем, отражающим актуальные проблемы литературы. В 1980 году ему была присуждена учреждённая редколлегией «Часов» премия Андрея Белого.

Заключение

В диссертационном исследовании ставилась цель реконструировать концепцию независимой литературы как издательскую стратегию журнала «Часы». Цель была достигнута, во-первых, через рассмотрение контекста, который обусловил характер данной стратегии и саму необходимость её появления: были проанализированы историческая ситуация в стране, которая вызвала явление самиздата, и особенности самиздата как социально-культурного феномена. Во-вторых, при обращении непосредственно к самому журналу «Часы» была выявлена издательская позиция редколлегии и выраженная на страницах журнала концепция «неофициального культурного движения». В-третьих, литературная стратегия журнала «Часы» была проиллюстрирована анализом опубликованных в «Часах» произведений Б. Дышленко.

Причиной рождения самиздата стала проводимая государством политика всеобъемлющего идеологического контроля. Поэтому как социокультурный феномен самиздат сформировался именно в конкретную историческую эпоху – в 1950–1980-е годы в СССР. В условиях цензуры и применения уголовной ответственности за несанкционированную печатную деятельность самиздат из средства распространения информации и способа альтернативного выхода к читателю перерос в форму сопротивления режиму, причём даже без учёта намерения автора начал восприниматься не только как культурное, но и как политическое противостояние. Понятие самиздат расширилось и практически приравнивалось к синониму неофициальной культуры.

К этапу новой консолидации андеграунда, то есть к образованию «неофициального движения» привело игнорирование государственной идеологией проявлений литературной борьбы как невозможного явления в условиях утвердившегося социализма. Провал попыток вхождения независимых авторов в официальную культуру в качестве «второй литературы» привёл к образованию «неофициального движения», ответно манифестирующего

игнорирование государственной культуры. Характеристики «независимой культуры» образовались в процессе диалога с доминирующей идеологией во многом по принципу противостояния с ней.

Строясь на противоречии с советской моностилистической культурой, «неофициальная культура» приобрела полистилистические черты, что подтверждает неизбежность и естественность её появления в сложившихся исторических условиях.

Помимо общих для полистилистической культуры признаков «неофициальная культура» получила присущие только ей особенности: одновременное стремление к охвату как можно большего материала (авторов, событий, тем, проблем и т. п.) при минимальном количестве тиражируемой продукции, приближающейся к одному эксклюзивному экземпляру.

Журнал «Часы» вобрал в себя основные особенности «неофициальной культуры», выразив полистилистические черты в качестве манифестации принципов издания.

Существование журнала на протяжении 14 лет связано с верно выбранной стратегией поведения в условиях культурной политики государства — позиционированием отстранённости от советской действительности и советского искусства и провозглашением культуры в качестве главной ценности.

Данная тактика в сочетании с хорошо продуманной организацией издательской деятельности «Часов» позволила журналу выступить в роли и инструмента, и результата развития «независимого культурного движения».

В философских статьях Б. Иванова была сформулирована идеология «неофициальной культуры», придавшая всей стратегии издательской деятельности журнала онтологическое основание. Свободное творчество объявлялось единственным носителем культуры и должно было, по мысли Б. Ивановым, служить для постепенного построения нового гражданского общества.

В материалах, опубликованных в журнале «Часы», нашла отражение реакция деятелей «неофициального движения» на давление доминирующей идеологии. В концепции Б. Иванова это выразилось в теории вытеснения за-социальных личностей на периферию общества. В литературных произведениях – в воплощении сходного сюжетообразующего конфликта: противостояние героя и коллективного антагониста. Данная тенденция в неофициальной литературе была закреплена издательской политикой «Часов». Одновременно с установкой журнала на предоставление любому автору возможности публикации у редколлегии выработался потенциальный запрос к неподцензурной литературе: наиболее удачными признавались произведения, которые могли быть интерпретированы как отражающие конфликт человека и социума. Одним из писателей, воплотивших в своём творчестве данную тенденцию неофициальной литературы, стал Б. Дышленко. В его повестях «Антрну», «Мясо», «Виктимология», «Пять углов», «Что говорит профессор» и рассказах «Демаркационная линия», «Кромка», «Каскадёр», «Жернов и революция» представлены разные типы героев, противостоящих коллективному антагонисту, обладающему во всех произведениях автора набором сходных признаков.

Список литературы

Источники

1. Алексеев, В. В. Поэт и прописка / Владимир Алексеев // 37. – 1976. – № 1. – С. 28–37.
2. Арьев, А. Ю. Долгота дня / Андрей Арьев // Часы. – 1976. – № 1. – С. 42–84.
3. Басин, А. Н. С Сашей Арефьевым ... / Анатолий Басин // Часы. – 1978. – № 12. – С. 290–292.
4. Белкин, А. П. Памяти А. В. Губарева / Толя Белкин // Часы. – 1983. – № 43. – С. 265–266.
5. Б. К. Леон Карамян / Б. К. // Часы. – 1980. – № 28. – С. 322–323.
6. Бонч, И. Марсий в клетке : стенограмма доклада на летнем семинаре «Оредежские чтения» 17 июня 1977 года / И. Бонч // Часы. – 1978. – № 14. – С. 262–301.
7. Бруевич, А. Из разговоров Бонча и Бруевича / А. Бруевич // Часы. – 1979. – № 16. – С. 26–39.
8. В. В. Несколько слов о Юре Васильеве / В. В. // Часы. – 1981. – № 29. – С. 326–327.
9. Видерман, В. С. «Это было его большой ошибкой» / Владимир Видерман // Часы. – 1978. – № 12. – С. 293–294.
10. Горичева, Т. М. Евангельские диалоги / Виктор Кривулин, Татьяна Горичева // 37. – 1976. – № 1. – С. 1–27.
11. Драгомощенко, А. Т. В пятое время года на берегах Леты. (По следам книги Саши Соколова «Школа для дураков») / Аркадий Драгомощенко // Часы. – 1978. – № 12. – С. 274–278.
12. Драгомощенко, А. Т. Расположение в домах и деревьях : главы из романа / Аркадий Драгомощенко // Часы. – 1978. – № 12. – С. 1–157.

13. Дышленко, Б. И. Антрну / Борис Дышленко // Грани. – 1979. – № 114. – С. 5–76.
14. Дышленко, Б. И. Антрну / Борис Дышленко // Часы. – 1977. – № 7. – С. 1–81.
15. Дышленко, Б. И. Виктимология / Борис Дышленко // Часы. – 1981. – № 30. – С. 1–82.
16. Дышленко, Б. И. Генералиссимус / Борис Дышленко // Звезда. – 2005. – № 8. – С. 10–42.
17. Дышленко, Б. И. Демаркационная линия / Борис Дышленко // Родник. – 1988. – № 5 (17). – С. 25–28.
18. Дышленко, Б. И. Демаркационная линия / Борис Дышленко // Часы. – 1979. – № 18. – С. 100–115.
19. Дышленко, Б. И. Жернов и баобабы / Борис Дышленко // Обводный канал. – 1985. – № 7. – С. 73–86.
20. Дышленко, Б. И. Жернов и баобабы / Борис Дышленко // Родник. – 1990. – № 2 (38). – С. 75–79.
21. Дышленко, Б. И. Жернов и революция / Борис Дышленко // Обводный канал. – 1983–1984. – № 5. – С. 38–48.
22. Дышленко, Б. И. Жернов и революция / Борис Дышленко // Часы. – 1983. – № 44. – С. 55–68.
23. Дышленко, Б. И. Жернов и увековечение / Борис Дышленко // Звезда. – 2011. – № 8. – С. 7–22.
24. Дышленко, Б. И. Из цикла «Жернов и общественные процессы» / Борис Дышленко // Звезда. – 2006. – № 8. – С. 6–56.
25. Дышленко, Б. И. Из цикла «Жернов и общественные процессы» / Борис Дышленко // Звезда. – 2008. – № 4. – С. 7–36.
26. Дышленко, Б. И. Каскадёр / Борис Дышленко // Часы. – 1979. – № 18. – С. 135–157.

27. Дышленко, Б. И. Контурь и силуэты : роман / Борис Дышленко. – СПб. : ДЕАН, 2002. – 256 с.
28. Дышленко, Б. И. Кромка / Борис Дышленко // Вестник новой литературы. – 1991. – № 3. – С. 103–117.
29. Дышленко, Б. И. Кромка / Борис Дышленко // Часы. – 1979. – № 18. – С. 116–134.
30. Дышленко, Б. И. Ложный силуэт / Борис Дышленко // Нева. – 1999. – № 11. – С. 5–102.
31. Дышленко, Б. И. Людмила : детективная поэма / Борис Дышленко. – СПб. : Juolukka, 2012. – 740 с.
32. Дышленко, Б. И. Людмила : детективный роман / Борис Дышленко // Обводный канал. – 1985–1986. – № 8. – С. 22–153.
33. Дышленко, Б. И. Малые Шведки и мимолётные упоминания о иных мирах и окрестностях / Борис Дышленко // Звезда. – 2010. – № 7. – С. 80–92.
34. Дышленко, Б. И. Мясо : повесть / Борис Дышленко // Часы. – 1980. – № 27. – С. 1–57.
35. Дышленко, Б. И. На цыпочках : повести и рассказы / Борис Дышленко. – СПб. : Журнал «Звезда», 1997. – 320 с.
36. Дышленко, Б. И. Порог / Борис Дышленко // Звезда. – 2005. – № 11. – С. 195–212.
37. Дышленко, Б. И. Правила игры / Борис Дышленко // Нева. – 1986. – № 6. – С. 84–107.
38. Дышленко, Б. И. Пробелы / Борис Дышленко // Нева. – 1995. – № 8. – С. 89–97.
39. Дышленко, Б. И. Пять углов / Борис Дышленко // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1970-е / Михаил Берг [и др.] ; сост. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. – С. 69–110.
40. Дышленко, Б. И. Пять углов : повесть / Борис Дышленко // Часы. – 1978. – № 15. – С. 99–145.

41. Дышленко, Б. И. Словесный портрет фоторобота : из романа / Борис Дышленко // Звезда. – 2013. – № 1. – С. 7–70.
42. Дышленко, Б. И. Созвездие Близнецов : святочный роман / Б. Дышленко // Звезда. – 2009. – № 5. – С. 5–59.
43. Дышленко, Б. И. Созвездие Близнецов : святочный роман / Борис Дышленко // Звезда. – 2009. – № 6. – С. 41–106.
44. Дышленко, Б. И. Что говорит профессор / Борис Дышленко // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1980-е / Игорь Адамацкий [и др.] ; сост. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. – С. 209–254.
45. Дышленко, Б. И. Что говорит профессор : повесть / Борис Дышленко // Нева. – 1989. – № 9. – С. 28–49.
46. Дышленко, Б. И. Что говорит профессор : повесть / Борис Дышленко // Часы. – 1985. – № 58. – С. 60–105.
47. Дышленко, Б. И. Rosa incognita / Борис Дышленко // Черновик. – 1989. – № 1. – С. 89–91.
48. Е. М. Иван и Мастер : глава из монографии, посвящённой роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Е. М. // 37. – 1976. – № 1. – С. 111–121.
49. Зигель, Ф. Ю. Петрозаводское чудо / Ф. Ю. Зигель // Часы. – 1979. – № 20. – С. 244–247.
50. И. А. О пользе и необходимости цензуры / И. А., И. Б. // Часы. – 1985. – № 53. – С. 271–275.
51. Иванов, Б. И. Александр Морев / Борис Иванов // Часы. – 1979. – № 20. – С. 257–559.
52. Иванов, Б. И. Возвращение парадигмы : из книги «Часы культуры» / Б. Иванов // Часы. – 1977. – № 6. – Без нумерации.
53. Иванов, Б. И. Две ориентации. Общество / Б. Иванов // Часы. – 1976. – № 1. – С. 305–361.

54. Иванов, Б. И. Д. Я. Дар / Б. Иванов // Часы. – 1980. – № 27. – С. 299–301.
55. Иванов, Б. И. Каноническое и неканоническое искусство : из книги «Конфигурация динамической эстетики» / Борис Иванов // Часы. – 1978. – № 16. – С. 141–153.
56. Иванов, Б. И. Культурное движение как целостное явление / Борис Иванов // Часы. – 1979. – № 21. – С. 209–221.
57. Иванов, Б. И. Повторение пройденного : глава из книги «Часы культуры» / Борис Иванов // Часы. – 1978. – № 12. – С. 235–265.
58. Иванов, Б. И. По ту сторону официальности / Борис Иванов // Сочинение в 2-х т. Т 2 : Невской зимой. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – С. 384–494.
59. Иванов, Б. И. По ту сторону официальности : из книги «Часы культуры» / Б. Иванов // Часы. – 1977. – № 8. – Без нумерации.
60. Иванов, Б. И. Реализм и личность / Борис Иванов // Часы. – 1981. – № 32. – С. 207–240.
61. Иванов, Б. И. Реализм и личность / Б. Иванов // Часы. – 1981. – № 33. – С. 218–239.
62. Иванов, Б. И. Реализм и личность / Б. Иванов // Часы. – 1982. – № 36. – С. 272–293.
63. Иванов, Б. И. Сочинения в 2-х т. / Борис Иванов. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 2 т.
64. Иванов, Б. И. Экзистенциализм?... Мимо / Борис Иванов // Часы. – 1978. – № 10. – С. 144–173.
65. Интервью Ю. М. Валиевой с Н. Л. Малаховской. Санкт-Петербург. 01.2010.
66. Интервью Е. В. Панкратовой с Б. В. Останиным. Санкт-Петербург. 15.12.2011.

67. Интервью Е. В. Панкратовой с Б. И. Ивановым. Санкт-Петербург. 09.10.2011.
68. Интервью Е. В. Панкратовой с В. Ю. Порешем. Санкт-Петербург. 19.12.2011.
69. Интервью Е. В. Панкратовой с С. Г. Стратановским. Санкт-Петербург. 02.07.2013.
70. Истоков, У. Возвращение реализма / У. Истоков // Часы. – 1978. – № 13. – С. 179–187.
71. Каломиров, А. Энгелина Буряковская : запоздалый некролог / Александр Каломиров // Часы. – 1983. – № 44. – С. 288–292.
72. Косс, Ф. Роальд Мандельштам : [предисловие к подборке стихотворений Р. Мандельштама] / Ф. Косс // Часы. – 1977. – № 6. – Без нумерации.
73. Кривулин, В. Б. Пять лет культурного движения. Связь движения художников с движением поэтов / Виктор Кривулин // Часы. – 1979. – № 21. – С. 221–229.
74. Кушев, В. В. Мутация «Дельфин» у [homo sapiens] : антропологическая fuga / В. В. Кушев // Часы. – 1980. – № 24. – С. 117–134.
75. Мартынов, М. Сияющий эллипс (или четыре предмета осенью) ; Короткие рассказы ; Время жатвы / М. Мартынов // Часы. – 1977. – № 8. – С. 50–93.
76. Материалы симпозиума «Пути культуры 60–80-х годов» / Борис Иванов [и др.] // Часы. – 1986. – № 62. – С. 218–255.
77. Морев, А. С. Для радости / Александр Морев // Часы. – 1978. – № 13. – С. 104–112.
78. Морев, А. С. Раненый и трус / Александр Морев // Часы. – 1976. – № 2. – Без нумерации.
79. Морев, А. С. [Стихотворения] / Александр Морев // Часы. – 1976. – № 4. – С. 113–127.

80. Московский концептуализм. (Теория и практика). Группа Движение / А. Монастырский [и др.] // 37. – 1978. – № 16. – Без нумерации.
81. М. П. Он был среди нас : памяти Александра Арефьева / М. П. // Часы. – 1978. – № 12. – С. 288–289.
82. Наблюдения НЛО в СССР : [отрывки из сборника] / под ред. Ф. Ю. Зигеля // Часы. – 1979. – № 20. – С. 235–243.
83. Нас пачкает не то, что входит, а что исходит / [А. Арефьев] ; запись и построение Анатолия Басина // Часы. – 1978. – № 13. – С. 187–201.
84. Непруха, И. Опыт ненужного исследования / Игорь Непруха, Владимир Константианиди // Часы. – 1978. – № 13. – С. 201–210.
85. О. К. Из рассказов об Арефьеве / О. К. // Часы. – 1978. – № 12. – С. 295.
86. О поисках «снежного человека» на Памире в августе 1982 г. : рассказ зам. начальника экспедиции по научной работе журналиста М. С. Ельцина / М. С. Ельцин ; монтаж В. П. Амбросимова // Часы. – 1982. – № 38. – Без нумерации.
87. От редакции / [Татьяна Горичева, Виктор Кривулин, Лев Рудкевич] // 37. – 1976. – № 1. – Без нумерации.
88. Письма домой : из писем М. Г. / М. Г. // Часы. – 1985. – № 56. – С. 130–154.
89. Письма домой : материалы для изучения культурной ассимиляции / под ред. С. Осьмеркина // Часы. – 1981. – № 30. – С. 273–306.
90. Письма домой : материалы для изучения культурной ассимиляции / под ред. С. Осьмеркина // Часы. – 1986. – № 64. – С. 247–275.
91. Письма домой : материалы к изучению культурной ассимиляции : из писем К. К. К. / К. К. К. // Часы. – 1986. – № 60. – С. 180–203.
92. Письма домой : материалы к изучению культурной ассимиляции : письма Сони Соколовой / Соня Соколова ; под ред. С. Осьмеркина // Часы. – 1983. – № 46. – С. 149–172.

93. Письма домой : материалы к изучению культурной ассимиляции / под ред. С. Осьмеркина // Часы. – 1979. – № 18. – С. 211–231.
94. Письма домой : материалы к изучению культурной ассимиляции / под ред. С. Осьмеркина // Часы. – 1979. – № 22. – С. 156–177.
95. Письма домой : материалы к изучению культурной ассимиляции / под ред. С. Осьмеркина // Часы – 1980. – № 24. – С. 134–165.
96. Письма домой : материалы к изучению культурной ассимиляции / под ред. С. Осьмеркина // Часы. – 1984. – № 48. – С. 220–245.
97. Покровский, О. В. Положи мне руку на сердце : из воспоминаний о поэте Р. Мандельштаме / О. В. Покровский // Часы. – 1976. – № 2. – Без нумерации.
98. Присуждение премии А. Белого / Аркадий Драгомощенко, Борис Гройс, Виктор Кривулин ; вступление и послесловие члена жюри // Часы. – 1978. – № 15. – С. 248–252.
99. Рохлин, Б. Б. Вертоград любви / Борис Рохлин // Часы. – 1978. – № 11. – С. 36–50.
100. Рохлин, Б. Б. Жиганов и Шеманов, или Смута сердца / Борис Рохлин // Часы. – 1980. – № 28. – С. 20–31.
101. Рохлин, Б. Б. Жизнь и вознесение Виталика : рассказ / Борис Рохлин // Часы. – 1977. – № 8. – С. 34–49.
102. Рохлин, Б. Б. Рита, Маленький и мы / Борис Рохлин // Часы. – 1978. – № 11. – С. 30–35.
103. Рохлин, Б. Б. Танька / Борис Рохлин // Часы. – 1978. – № 11. – С. 4–29.
104. Скиф, Р. «Авангард-салун». (Выставка на Рубинштейна) / Р. Скиф // Часы. – 1980. – № 25. – С. 293–298.
105. Скиф, Р. Выставка в голубой гостиной ЛОСХа / Р. Скиф // Часы. – 1980. – № 25. – С. 299–302.
106. Тарт, Ч. Специфическое состояние сознания и С-науки / Чарльз Тарт // Часы. – 1980. – № 24. – С. 101–117.

107. У. И. Восемь на Рубинштейна / У. И. // Часы. – 1980. – № 25. – С. 283–287.
108. У. И. Заметки на полях отсутствующих каталогов / У. И. // Часы. – 1976. – № 18. – С. 207–209.
109. У. И. Скульптура в голубой гостиной / У. И. // Часы. – 1980. – № 25. – С. 287.
110. Христианский семинар по проблемам религиозного возрождения : [декларация семинара] / Пореш Владимир Юрьевич, Щипкова Татьяна Николаевна. – [СПб.?], 1978. – 1 с.
111. Христианство и гуманизм / Горичева Т. [и др.] // 37. – 1978. – № 7/8. – С. 3–21.
112. Чирсков, Ф. Б. Андромер / Фёдор Чирсков // Часы. – 1976. – № 1. – С. 5–24.
113. Чирсков, Ф. Б. «Пропадёт-растает...» / Фёдор Чирсков // Часы. – 1976. – № 12. – С. 264–273.
114. Электронный архив Центра Андрея Белого [Электронный ресурс] : архивы журналов и другие материалы самиздата. – Режим доступа : <http://samizdat.wiki>.
115. Эрль, В. Вчера, послезавтра и после послезавтра / Владимир Эрль // Часы. – 1977. – № 8. – С. 1–49.
116. Project for the Study of Dissidence and Samizdat. University of Toronto Libraries [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://samizdatcollections.library.utoronto.ca>.

Научная и критическая литература

117. Айзенберг, М. Н. Некоторые другие / Михаил Айзенберг // Театр. – 1991. – № 4. – С. 98–118.

118. Айзенберг, М. Н. «Это время для нас абсолютно не утрачено...» / Михаил Айзенберг, Лев Рубинштейн, Михаил Шейнкер // Критическая масса. – 2004. – № 1. – С. 119–124.
119. Алексеева, Л. М. История инакомыслия в СССР : новейший период / Людмила Алексеева. – М. : Моск. Хельсинк. группа, 2006. – 384 с.
120. Андреев, Ю. А. [Вступительная заметка к повести Б. Дышленко «Правила игры»] / Юрий Андреев // Нева. – 1986. – № 6. – С. 85.
121. Анненский, Л. А. Светлая тайнопись чумного барака / Лев Анненский // Самиздат века / сост. А. И. Стреляный [и др.] – М. ; Мн. : Полифакт. – С. 5–10.
122. Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны / Сост. К. Кузьминский, Г. Ковалев. – Т. 1. – изд. 2-е, стереотипное, испр. – М. : Владимир Орлов, 2006. – 538 с.
123. Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kkk-bluelagoon.ru>.
124. Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны = The Blue Lagoon anthology of modern russian poetry : в 5 т. / сост. К. Кузьминский, Г. Ковалев. – Ньютонвилл : Ориентал Резерч Партнерз, 1980–1986. – 5 т.
125. Арьев, А. Ю. Сквозь пейзаж / Андрей Арьев // В Петербурге мы сойдёмся снова / сост. и ил. В. И. Левитин. – СПб. : С.-Петерб. киновидеотехн. колледж, 1993. – С. 5–9.
126. Арьев, А. Ю. Современник метели / Андрей Арьев // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы : сборник статей / сост. Б. И. Иванов, Б. А. Рогинский ; ред. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во «Деан», 2000. – С. 79–84.
127. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики : Исследования разных лет / М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 502 с.
128. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 444.

129. Берг, М. Ю. Новый жанр (читатель и писатель) / Михаил Берг // Литературный А-я. – 1985. – № 1. – С. 4–6.
130. Бергер, А. С. Автобиография / Анатолий Бергер // К истории неофициальной культуры и современного зарубежья, 1950–1990-е : автобиографии, авторское чтение / сост., отв. ред., примеч. Ю. М. Валиева. – СПб. : Контраст, 2015. – С. 31–49.
131. Березовчук, Л. Н. / Лариса Березовчук // Лица петербургской поэзии, 1950–1990-е : автобиографии, авторское чтение / сост., отв. ред. Ю. М. Валиева. – СПб. : Искусство России, 2011. – С. 190–208.
132. Блюм, А. В. Запрещённые книги русских писателей и литературоведов, 1917–1991 : индекс советской цензуры с комментариями / Арлен Блюм ; М-во культуры Рос. Федерации, Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. – СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 2003. – 403 с.
133. Блюм, А. В. Как это делалось в Ленинграде : цензура в годы оттепели, застоя и перестройки, 1953–1991 / Арлен Блюм. – СПб. : Академический проект, 2005. – 294 с.
134. Бобышев, Д. В. Человекотекст : трилогия / Дмитрий Бобышев. – Idyllwild. CA. USA, 2014. – 3 т.
135. Борис Тайгин в воспоминаниях друзей / сост. А. Ф. Домашёв. – СПб. : Историческая иллюстрация Бэ-Та, 2012. – 200 с.
136. Браун, Н. Н. Дуэль и фронт – удел поэта... / Николай Ник. Браун // К истории неофициальной культуры и современного зарубежья, 1950–1990-е : автобиографии, авторское чтение / сост., отв. ред., примеч. Ю. М. Валиева. – СПб. : Контраст, 2015. – С. 50–67.
137. Британишский, В. Л. Выход в пространство / Владимир Британишский. – М. : Аграф, 2008. – 442 с.
138. Британишский, В. Л. Петербург – Ленинград : стихи, рассказы, эссе / Владимир Британишский. – СПб. : Алетейя, 2003. – 288 с.

139. Британишский, В. Л. Студенческое поэтическое движение в Ленинграде в начале оттепели / Владимир Британишский // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 14. – С. 167–180.
140. Буковская, Т. С. Письмо в Секретариат Правления ЛО Союза Советских писателей РСФСР от 23 октября 1973 г. / Т. Буковская // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 371. – Оп. 1. – Д. 640. – Л. 63–65.
141. Буковская, Т. С. Самиздат в России не может уйти в прошлое... / Тамара Буковская // АКТ : литературный самиздат. – Дек. 2000 – янв. 2001. – Вып. 1. – С. 1.
142. Буковский, В. К. И возвращается ветер... : автобиография / Владимир Буковский. – М. : Захаров, 2007. – 400 с.
143. Бурдые, П. Поле литературы / Пьер Бурдые // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 45. – С. 22–87.
144. Бурдые, П. Социология социального пространства / Пьер Бурдые ; общ. ред. пер. Н. А. Шматко. – М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. – 288 с.
145. Вахтин, Б. Б. Одна абсолютно счастливая деревня / Борис Вахтин // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1960-е / Андрей Арьев [и др.] ; сост. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. – С. 457–517.
146. Вахтин, Б. Б. Портрет незнакомца : сочинения / Борис Вахтин. – СПб. : Журнал «Звезда», 2010. – 928 с.
147. Войнович, В. Н. Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру. – AnnAbor (Mich.) : Ардис, 1976. – 112 с.
148. Вольф, С. Е. Как-никак лето / Сергей Вольф // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1960-е / Андрей Арьев [и др.] ; сост. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. – С. 441–454.
149. Вступительная статья «Голубой бутон» / [П. Афанасьев [и др.]] // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80

годы». С.-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.) / ред.-сост. В. Долинин, Б. Иванов. – СПб. : НИЦ «Мемориал», 1993. – С. 130–131.

150. Вступительное слово Н. Тихонова / Н. Тихонов // Съезд писателей СССР. Шестой съезд писателей СССР, 21 июня – 25 июня 1976 г. : стенографический отчёт. – М. : Советский писатель, 1978. – С. 3–7.

151. Время и слово : литературная студия Дворца пионеров / сост. и общ. ред. Ю. М. Валиева. – СПб. : Реноме, 2006. – 732 с.

152. «Вторая культура». Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы : материалы международной конференции (Женева, 1–3 марта 2012 г.) / сост. и науч. ред. Жан-Филипп Жаккар, Виолет Фридли, Йенс Херльт ; ред. Петр Казарновский. – СПб. : Росток, 2013. – 480 с.

153. Газаневщина / сост. А. Басин, Л. Скобкина. – СПб. : П.Р.П., 2004. – 321 с.

154. Гайворонский, А. В. Сладкая музыка вечных стихов. Малая Садовая : воспоминания, стихотворения / Андрей Гайворонский. – СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2004. – 86 с.

155. Герои ленинградской культуры, 1950–1980-е / авт.-сост., ред. Лариса Скобкина. – СПб., 2005. – 256 с.

156. Горичева, Т. М. О священном безумии : христианство в современном мире : философские эссе / Татьяна Горичева. – СПб. : Алетейя, 2015. – 581 с.

157. Грачёв, Р. И. Письмо заложнику : сочинения / Рид Грачёв. – СПб. : Журнал «Звезда», 2013. – 656 с.

158. Грачёв, Р. И. Присутствие духа / Рид Грачёв // Грачёв, Р. И. Письмо заложнику : сочинения / Рид Грачёв. – СПб. : Журнал «Звезда», 2013. – С. 599–634.

159. Грачёв, Р. И. Сочинения / Рид Грачёв ; сост. В. Н. Кузьмина, Б. А. Рогинский. – СПб. : Союз писателей Санкт-Петербурга, Журнал «Звезда», 2013. – 656 с.

160. Гройс, Б. Е. Gesamtkunstwerk Сталин / Борис Гройс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 168 с.
161. Гуревич, Л. Ю. Неофициальные художники 70-ых: время натиска / Любовь Гуревич // Звезда. – 1998. – № 8. – С. 201–203.
162. Даниэль, А. Ю. Истоки и смысл советского Самиздата / Александр Даниэль // Антология самиздата : неподцензурная литература в СССР 1950-е–1980-е / сост. М. Ш. Барбакадзе ; под общей редакцией В. В. Игрунова. – М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005. – Т. 1. – С. 17–33.
163. Даниэль, А. Ю. История самиздата / Александр Даниэль // Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР). – М.: Рудомино, 1994. – С. 93–104.
164. Доклад Г. Марков / Г. Марков // Съезд писателей СССР. Шестой съезд писателей СССР, 21 июня – 25 июня 1976 г.: стенографический отчёт. – М.: Советский писатель, 1978. – С. 7–23.
165. Долинин, В. Э. Ленинградский периодический самиздат середины 1950–80-х годов / Вячеслав Долинин // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы». С.-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.) / ред.-сост. В. Долинин, Б. Иванов. – СПб.: НИЦ «Мемориал», 1993. – С. 3–21.
166. Долинин, В. Э. Неподцензурная литература и неподцензурная печать / Вячеслав Долинин // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы : сборник статей / сост. Б. И. Иванов, Б. А. Рогинский ; ред. Б. И. Иванов. – СПб.: Изд-во «Деан», 2000. – С. 10–16.
167. Долинин, В. Э. Не столь отдаленная кочегарка : воспоминания, рассказы / Вячеслав Долинин. – СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2005. – 86 с.
168. Долинин, В. Э. Преодоление немоты / В. Э. Долинин, Д. Я. Северюхин // Самиздат Ленинграда, 1950-е – 1980-е : литературная энциклопедия / под общ. ред. Д. Северюхина ; авт.-сост. В. Долинин [и др.]. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – С. 7–51.

169. Долинин, В. Э. Преодоление немоты : ленинградский самиздат в контексте независимого культурного движения, 1953–1991 / Вячеслав Долинин, Дмитрий Северюхин. – СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2003. – 136 с.
170. Житенёв, А. А. Демаркация «советского» и «неофициального» как проблема: самоопределение «культурного движения» на страницах журнала «Часы» / Александр Житенёв // Танслит. – 2013. – № 10/11. – С. 112–118.
171. Житенёв, А. А. Порождающие модели и художественная практика в поэзии неомодернизма 1960-х–2000-х гг : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.01.01 / Житенёв Александр Анатольевич. – Воронеж, 2012. – 565 с.
172. Житенёв, А. А. Поэзия неомодернизма / А. А. Житенёв. – СПб. : Инапресс, 2012. – 480 с.
173. Житенёв, А. А. Философия культуры Бориса Иванова / Александр Житенёв // «Вторая культура». Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы : материалы международной конференции (Женева, 1–3 марта 2012 г.) / сост. и науч. ред. Жан-Филипп Жаккар, Виолет Фридли, Йенс Херльт ; ред. Петр Казарновский. – СПб. : Росток, 2013. – С. 160–173.
174. Жмудь, Л. Я. Студенты-историки между официозом и «либеральной наукой» / Леонид Жмудь // Звезда. – 1998. – № 8. – С. 204–209.
175. Жумати, Т. П. «Уктусская школа» (1965–1974). К истории уральского андеграунда / Т. П. Жумати // Известия Уральского государственного университета. – 1999. – № 13. – С. 125–127.
176. Загянская, Г. А. САМИЗДАТ и изобразительное искусство XX века / Галина Загянская, Никита Ордынский // Самиздат века / сост. А. И. Стреляный и [и др.]. – М. ; Мн. : Полифакт. – С. 11–16.
177. Заславская, О. В. Самиздат и тамиздат как культурно-коммуникационный феномен позднего социализма в странах восточной Европы (1960–1980 годы) : автореферат диссертации на соискание ученой степени

кандидата культурологии : 24.00.01 / Заславская Ольга Владимировна. – СПб., 2014. – 23 с.

178. Заславская, О. В. Самиздат и тамиздат как культурно-коммуникационный феномен позднего социализма в странах восточной Европы (1960–1980 годы): диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии : 24.00.01 / Заславская Ольга Владимировна. – СПб., 2014. – 309 с.

179. Иванов, Б. И. В бытность Петербурга Ленинградом : о ленинградском самиздате / Борис Иванов // НЛЮ. – 1996. – № 14. – С. 188–199.

180. Иванов, Б. И. История Клуба-81 / Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. – 496 с.

181. Иванов, Б. И. Легенда шестидесятых – Рид Грачёв / Борис Иванов // Грачёв, Р. И. Письмо заложнику : сочинения / Рид Грачёв. – СПб. : Журнал «Звезда», 2013. – С. 5–82.

182. Иванов, Б. И. Литературные поколения в ленинградской неофициальной литературе: 1950-е – 1980-е годы / Б. И. Иванов // Самиздат Ленинграда, 1950-е – 1980-е : литературная энциклопедия / под общ. ред. Д. Северюхина ; авт.-сост. В. Долинин [и др.]. – М. : Новое литературное обозрение, 2003. – С. 535–584.

183. Иванов, Б. И. На закате империи / Борис Иванов // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1980-е. / Игорь Адамацкий [и др.] ; сост. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. – С. 448–472.

184. Иванов, Б. И. По ту сторону официальности / Борис Иванов // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы». С.-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.) / ред.-сост. В. Долинин, Б. Иванов. – СПб. : НИЦ «Мемориал», 1993. – С. 82–89.

185. Иванов, Б. И. Рид Грачев / Борис Иванов // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы : сборник статей / сост. Б. И. Иванов, Б. А. Рогинский ; ред. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во «Деан», 2000. – С. 49–59.

186. Иванов, Б. И. Рид Грачёв – неизвестный солдат шестидесятых / Борис Иванов // Звезда. – 1994. – № 2. – С. 171–173.
187. Иванова, Б. И. Эволюция литературных движений в пятидесятые–восьмидесятые годы / Борис Иванов // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы : сборник статей / сост. Б. И. Иванов, Б. А. Рогинский ; ред. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во «Деан», 2000. – С. 17–28.
188. Игнатова, Е. А. Обернувшись : роман, повести / Елена Игнатова. – СПб. : Геликон Плюс, 2009. – 208 с.
189. Изер, В. Рецептивная эстетика. Проблема переводимости: герменевтика и современное гуманитарное знание / Вольфганг Изер ; пер. Д. Иванова // Академические тетради. – 1999. – Вып. 6. – С. 59–96.
190. Иконников-Галицкий, А. А. Пропущенное поколение / Анджей Иконников-Галицкий. – СПб. : Б&К, 2005. – 344 с.
191. Ионин, Л. Г. Культура на переломе (механизмы и направление современного культурного развития в России) / Л. Г. Ионин // Социологические исследования. – 1995. – № 2. – С. 41–48.
192. История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы : сборник статей / сост. Б. И. Иванов, Б. А. Рогинский ; ред. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во «Деан», 2000. – 176 с.
193. К истории неофициальной культуры и современного зарубежья, 1950–1990-е : автобиографии, авторское чтение / сост., отв. ред., примеч. Ю. М. Валиева. – СПб. : Контраст, 2015. 600 с. + 3 CD.
194. Кобак, А. В. Молния и радуга : литературно-критические статьи 1980-х годов / Александр Кобак, Борис Останин. – СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова. – 2003. – 176 с.
195. Кобак, А. В. Молния и радуга: пути культуры 60–80-х годов / Александр Кобак, Борис Останин // Кобак, А. В. Молния и радуга : литературно-критические статьи 1980-х годов / Александр Кобак, Борис Останин. – СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова. – 2003. – С. 9–37.

196. Кожин, В. В. Россия. Век XX (1939–1964) : опыт беспристрастного исследования / Вадим Кожин. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. – 448 с.
197. Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период] 1960-е / Андрей Арьев [и др.] ; сост. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. – 528 с.
198. Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1970-е / Михаил Берг [и др.] ; сост. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. – 576 с.
199. Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1980-е / Игорь Адамацкий [и др.] ; сост. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. – 480 с.
200. Кондратов, Э. М. Из книги «Университетская набережная. Нечто мемуарное» / Эдуард Кондратов // К истории неофициальной культуры и современного зарубежья, 1950–1990-е : автобиографии, авторское чтение / сост., отв. ред., примеч. Ю. М. Валиева. – СПб. : Контраст, 2015. – С. 458–467.
201. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. – Мн. : Беларусь, 1977. – 64 с.
202. Коняев, Н. М. Дерево Рая / Николай Коняев // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1970-е / Михаил Берг [и др.] ; сост. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. – С. 193–196.
203. Котова, Н. А. Духовная поэзия в современном литературном процессе / Котова Н. А. // Вестник МГУ. – Сер. «Русская филология». – 2007. – № 2. – С. 269–272.
204. Крейд, В. П. Экзистенциальный философ / Вадим Крейд // Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kkk-bluelagoon.ru/tom5b/kreid3.htm>.
205. Кривулин, В. Б. Золотой век самиздата / Виктор Кривулин // Самиздат века / сост. А. И. Стреляный [и др.]. – М. ; Мн. : Полифакт, 1997. – С. 342–354.

206. Кривулин, В. Б. Охота на мамонта / Виктор Кривулин. – СПб. : Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1997. – 333 с.
207. Кривулин, В. Б. Петербургская спиритуальная лирика вчера и сегодня / Виктор Кривулин // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы : сборник статей / сост. Б. И. Иванов, Б. А. Рогинский ; ред. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во «Деан», 2000. – С. 99–109.
208. Кузьмин, Д. В. Литературный периодический самиздат рубежа 80–90-х годов / Д. В. Кузьмин // Вопросы онтологической поэтики. Потаённая литература : исследования и материалы. – Иваново, 1998. – С. 208–214.
209. Кузьминский, К. К. Белые ночи и прочая карусель // Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kkk-bluelagoon.ru/tom5b/lepta1.htm>.
210. Кузьминский, К. К. Лепта // Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kkk-bluelagoon.ru/tom5b/lepta1.htm>.
211. Кулаков, В. Г. «Поэзия – это разговор самого языка» / Владислав Кулаков, Виктор Кривулин // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 14. – С. 223–233.
212. Лапенков, В. Б. Раман / Владимир Лапенков // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1970-е / Михаил Берг [и др.] ; сост. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. – С. 389–450.
213. Ленин, В. И. Критические заметки по национальному вопросу / В. И. Ленин // Ленин, В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. – М. : Изд-во политической литературы, 1973. – Т. 24. – С. 113–150.
214. Ленинград. 70-е : в лицах и личностях / авт.-сост., ред. Лариса Скобкина. – СПб., 1999. – 152 с.
215. Литературоведение XXI века. Анализ текста: метод и результат : Материалы Междунар. конф. студентов-филологов, Санкт-Петербург, 19–

21 апр. 1996 г. / редкол.: О. М. Гончарова (отв. ред.) [и др.]. – СПб. : Изд-во РХГИ, 1996. – 222 с.

216. Лица петербургской поэзии, 1950–1990-е : автобиографии, авторское чтение / сост., отв. ред. Ю. М. Валиева. – СПб. : Zamizdat Искусство России, 2011. – 720 с. + 5 CD.

217. Лосев, Л. В. Закрытый распределитель / Лев Лосев. – Ann Arbor (Mich.) : Эрмитаж, 1984. – 192 с.

218. Лосев, Л. В. Меандр : мемуарная проза / Лев Лосев. – М., 2010. – 430 с.

219. Лосев, Л. В. Солженицын и Бродский как соседи / Лев Лосев. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – 608 с.

220. Лосев, Л. В. Тулуны мы / Лев Лосев // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 14. – С. 209–215.

221. Лотман, Ю. М. Избранные статьи : в трёх томах / Ю. М. Лотман. – Таллин : Александра, 1992. – 3 т.

222. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М. : Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. – 272 с.

223. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.

224. Лукач, Г. Исторический роман. I. Классическая форма исторического романа / Георг Лукач // Литературный критик. – 1937. – № 7. – С. 46–109.

225. Лурье, Л. Я. Как Невский проспект победил Площадь пролетарской диктатуры / Лев Лурье // Звезда. – 1998. – № 8. – С. 210–213.

226. Мальцев, Ю. В. Вольная русская литература, 1955–1975 / Ю. Мальцев. – Frankfurt : Посев, 1976. – 474 с.

227. Материалы конференции «Нравственное значение неофициальной культуры». Поиски, 1/2, 1978 // «Сумма» – за свободную мысль / ред. и рук. проекта А. Вершик. – СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 2002. – С. 172–173.

228. Морев, А. С. Грибное лето ; Свет в окне ; Цвет японских гравюр / Александр Морев // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1970-е / Михаил Берг [и др.] ; сост. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. – С. 23–66.

229. Найман, А. Г. Рассказы о Анне Ахматова / Анатолий Найман. – М. : Zebra E АСТ, 2009. – 448 с.

230. Найман, А. Г. Славный конец бесславных поколений / Анатолий Найман. – М., 2011. – 384 с.

231. Наумов, Е. И. Рецензия на сборник «Горожане» от 5.07.1966 г. / Е. Наумов // ОР РНБ. – Ф. 1153. – Ед. хр. 557. – Л. 2–18.

232. Николаев, Н. И. Под знаком 1964-го / Николай Иванович Николаев // Сумерки «Сайгона» / сост. и общ. ред. Юлия Валиева. – СПб. : Zamizdat, 2009. – С. 35–49.

233. Обсуждение Отчетного доклада Центрального Комитета КПСС и Отчётного доклада Центральной ревизионной комиссии КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Речь товарища Вальтера Ульбрихта / Вальтер Ульбрихт // XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза : стенографический отчёт, 30 марта – 9 апр. 1971 г. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 1. – С. 214–218.

234. Обсуждение Отчетного доклада Центрального Комитета КПСС и Отчётного доклада Центральной ревизионной комиссии КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Речь товарища В. В. Гришина / В. В. Гришин // XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза : стенографический отчёт, 30 марта – 9 апр. 1971 г. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 1. – С. 141–148.

235. Обсуждение Отчетного доклада Центрального Комитета КПСС и Отчётного доклада Центральной ревизионной комиссии КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Речь товарища Е. П. Проскурина / Е. П. Проскурин // XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза :

стенографический отчёт, 30 марта – 9 апр. 1971 г. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 1. – С. 236–241.

236. Обсуждение Отчетного доклада Центрального Комитета КПСС и Отчётного доклада Центральной ревизионной комиссии КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Речь товарища П. Е. Шелеста // П. Е. Шелест // XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза : стенографический отчёт, 30 марта – 9 апр. 1971 г. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 1. – С. 149–156.

237. Останин, Б. В. Тридцать семь и один : схемы, мифы, догадки, истории на каждый день 2017 года / Борис Останин ; сост. Б. Мартынов. – СПб. : Торгово-издательский дом «Амфора», 2015. – 447 с.

238. Отчётный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущёва / Н. С. Хрущёв // XX съезд Коммунистической партии Советского Союза : стенографический отчёт, 14–25 февраля 1956 года. – М. : Государственное изд-во политической литературы, 1956. – Т. 1. – С. 9–120.

239. Отчетный доклад Центральной ревизионной комиссии КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад председателя комиссии товарища Г. Ф. Сизова / Г. Ф. Сизов // XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза : стенографический отчёт, 30 марта – 9 апр. 1971 г. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 1. – С. 133–141.

240. Охапкинские чтения : альманах № 1 / авт.-сост. Т. И. Ковалькова. – СПб., 2015. – 296 с.

241. Охапкинские чтения : альманах № 2 / авт.-сост. Т. И. Ковалькова. – СПб., 2018. – 238 с.

242. Паперный, В. З. Культура Два / Владимир Паперный. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 408 с.

243. Петербургская поэзия в лицах : очерки / сост. Б. Иванов. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 392 с.

244. Петкевич, И. Г. Эники-беники / Инга Петкевич // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1960-е / Андрей Арьев [и др.] ; сост. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. – С. 385–430.

245. Письмо в секретариат Правления Ленинградского отделения Союза советских писателей РСФСР от 3 декабря 1973 года / Виктор Кривулин, Олег Охапкин, Фёдор Чирсков // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 371. – Оп. 1. – Д. 640. – Л. 56–62.

246. Письмо инициативной группы в составе Ю. Вознесенской, Б. Иванова, В. Кривулина, Е. Пазухина в секретариат Ленинградского отделения Союза советских писателей РСФСР от 13 февраля 1975 года / Ю. Вознесенская [и др.] // Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kkk-bluelagoon.ru/tom5b/lepta3.htm>.

247. Письмо Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» Ефимову И. М. от 9 декабря 1970 г. / Г. Ф. Кондрашев, А. Н. Чепуров // ОР РНБ. – Ф. 1153. – Ед. хр. 558. – Л. 11.

248. Письмо Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» Ефимову И. М. от 11 сентября 1967 г. / М. Смирнов // ОР РНБ. – Ф. 1153. – Ед. хр. 558. – Л. 4.

249. Пихоя, Р. Г. Советский союз: история власти, 1945–1991 / Р. Г. Пихоя. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. – 684 с.

250. Положения о государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8188.htm.

251. Попов, В. Г. Ювобль / Валерий Попов // Коллекция: Петербургская проза [ленинградский период]. 1960-е / Андрей Арьев [и др.] ; сост. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. – С. 433–438.

252. Протокол № 4 заседания Секретариата писательской организации 6 марта 1975 г. / В. В. Топорыгин [и др.] // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 371. – Оп. 1. – Д. 657. – Л. 46–51.

253. Протокол от 16 апреля 1974 г. заседания рабочей части Секретариата вместе с приглашёнными членами Союза писателей и авторами, подавшими заявление в Секретариат / Б. Н. Никольский [и др.] // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 371. – Оп.1. – Д. 640. – Л. 52–55.
254. Рейн, Е. Б. Мне скучно без Довлатова / Евгений Рейн. – СПб., 1997. – 296 с.
255. Речь товарища Л. И. Брежнева при закрытии съезда / Л. И. Брежнев // XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза : стенографический отчёт, 30 марта – 9 апр. 1971 г. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 2. – С. 213–218.
256. Саббатини, М. Виктор Кривулин на переломе эпох. Заметки о смене поэтики во второй половине 1980-х годов / М. Саббатини // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 9. – 2014. – Выпуск 4. – С. 44–50.
257. Савицкий, С. А. Андеграунд : история и мифы ленинградской неофициальной литературы / Станислав Савицкий. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 153 с.
258. Савченкова, Н. М. К идее русского «нового романа» / Нина Савченкова // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы : сборник статей / сост. Б. И. Иванов, Б. А. Рогинский ; ред. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во «Деан», 2000. – С. 137–147.
259. Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы». С.-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.) / ред.-сост. В. Долинин, Б. Иванов. – СПб. : НИЦ «Мемориал», 1993. – 142 с.
260. Северюхин, Д. Я. От издателя : [вступительная статья к книге] // Кобак, А. Молния и радуга : литературно-критические статьи 1980-х годов / Борис Останин, Александр Кобак. – СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова. – 2003. – С. 5–8.
261. Столпы общества о самиздате / Лихачёв Дмитрий Сергеевич [и др.] // Юность. – 1989. – № 11. – С. 76–77.

262. Стратановский, С. Г. Религиозные мотивы в современной русской поэзии / Сергей Стратановский // Волга. – 1993. – № 6. – С. 142–145.
263. Сумерки «Сайгона» / сост. и общ. ред. Юлия Валиева. – СПб. : Zamizdat, 2009. – 832 с.
264. «Сумма» – за свободную мысль / ред. и рук. проекта А. Вершик. – СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 2002. – 720 с.
265. Сухих, И. Н. Сергей Довлатов : время, место, судьба / Игорь Сухих. – СПб. : Азбука, 2010. – 288 с.
266. Сухих, И. Н. Три урока самиздата // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы : сборник статей / сост. Б. И. Иванов, Б. А. Рогинский ; ред. Б. И. Иванов. – СПб. : Изд-во «Деан», 2000. – С. 154–158.
267. Тагер, Е. Б. О границах социалистического реализма // Актуальные проблемы социалистического реализма : сборник статей / ред. Н. К. Гей [и др.]. – М. : Советский писатель, 1969. – С. 539–551.
268. Терц, А. Литературный процесс в России / Абрам Терц // Континент. – 1974. – № 1. – С. 143–190.
269. Топоров, В. Л. Двойное дно. Признания скандалиста / Виктор Топоров. – М. : Захаров АСТ, – 1999. – 464 с.
270. Топоров, В. Л. Когда тайное становится... скучным / Виктор Топоров // Постскрипtum : литературный журнал. – 1998. – № 3 (11). – С. 260–274.
271. «Убежден, что работал на стабильность государства...» : интервью В. А. Солодина // Исключить всякие упоминания... : очерки истории советской цензуры / сост. Т. М. Горяева. – М. ; Минск : Старый Свет-Принт, 1995. – С. 315–331.
272. Уголовное законодательство Союза ССР и Союзных Республик : в 2-х т. / сост. Л. И. Мандельштам [и др.]. – М. : Государственно изд-во юридической литературы, 1963. – 2 т.

273. Уголовный кодекс РСФСР. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР / М-во юстиции РСФСР. – М. : Юрид. лит., 1979. – 256 с.
274. Успенский, Б. А. Поэтика композиции / Борис Успенский. – СПб. : Азбука, 2000. – 352 с.
275. Устав Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодёжи. – М. : Молодая гвардия, 1975. – 32 с.
276. Уфлянд, В. И. «Если Бог пошлёт мне читателя...» / Владимир Уфлянд. – СПб. : Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1999. – 264 с.
277. «Филологическая школа» : тексты, воспоминания, библиография / сост. В. Куллэ, В. Уфлянд. – М. : Летний сад, 2006. – 656 с.
278. Цензура в Советском Союзе, 1917–1991 : документы / сост. А. В. Блюм. – М. : РОССПЭН, 2004. – 602 с.
279. Чирсков, Ф. Б. Маленький городок на окраине Вселенной : роман, рассказ, стихи / Федор Чирсков. – СПб. : Журнал «Звезда», 2007. – 264 с.
280. Чудаки с Малой Садовой : литературный памятник вакуума / сост. А. Гайворонский, М. Юпп. – Филадельфия : Пространство, 2017. – 160 с.
281. Чуковская, Л. К. Процесс исключения : сборник / Лидия Чуковская. – М. : Междунар. ассоц. деятелей культуры «Новое время» ; Журн. «Горизонт», 1990. – 352 с.
282. Чурилин, А. С. Ирокез с белой тростью : приключенческий роман / А. С. Чурилин. – СПб. : Искусство России, 2012. – 288 с.
283. Чурилин, А. С. Носки Императора, Баден-Баден и... : повести, рассказы, новеллы, эссе / Александр Чурилин. – СПб. : Нестор-История, 2012. – 304 с.
284. Шварц, Е. А. Видимая сторона жизни / Елена Шварц. – СПб. ; М. : Лимбус Пресс, 2003. – 352 с.
285. Шкловский, В. Б. Гамбургский счет : статьи, воспоминания, эссе : (1914-1933) / Виктор Шкловский. – М. : Советский писатель, 1990. – 544 с.

286. Шкловский, В. Б. О теории прозы / Виктор Шкловский. – М. : Сов. писатель, 1983. – 383 с.
287. Шнейдерман, Э. М. Что я издавал, в чём участвовал / Эдуард Шнейдерман // Самиздат : (по материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы». С.-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.) / ред.-сост. В. Долинин, Б. Иванов. – СПб. : НИЦ «Мемориал», 1993. – С. 46–57.
288. Эпстайн, Т. Зияния, мгновения: проза Беллы Улановской / Т. Эпстайн // Вестник Санкт-петербургского университета. – Серия 9. – 2014. – Выпуск 4. – С. 38–43.
289. Юрий Динабург : сборник / сост. Л. В. Бондаревский, Р. Р. Пименов, О. В. Старовойтова. – СПб. : Норма, 2012. – 432 с.
290. Janjic, M. Leningrad's religious-philosophical seminar: a place of encounter between text and mission : a dissertation presented to The Faculty of the Graduate Theological Union in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy / Janjic Milutin. – Berkeley. California, 2015. – 268 p.
291. Lygo, E. Leningrad poetry 1953–1975. The Thaw Generation / Lygo Emily. – Oxford : Peter Land, 2010. – 362 p.

Справочные издания

292. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. / Владимир Даль. – СПб.; М., 1879. – 2 т.
293. Литературный Санкт-Петербург, XX век : прозаики, поэты, драматурги, переводчики : энциклопедический словарь : в 2 т. / С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 2 т.
294. Литературный Санкт-Петербург, XX век : энциклопедический словарь : в 3 т. / гл. ред. и сост. О. В. Богданова. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 2015. – 3 т.

295. Самиздат Ленинграда, 1950-е – 1980-е : литературная энциклопедия / под общ. ред. Д. Северюхина ; авт.-сост. В. Долинин [и др.]. – М. : Новое литературное обозрение, 2003. – 624 с.
296. Содержание журнала «Часы» №№ 1–80 (1976–1990 гг.) / [сост. Мария Зильбербург]. – [СПб. : ЗнакЪ, 2011]. – 124 с.
297. Философский словарь / под. ред. М. М. Розенталя. – М. : Изд-во политической литературы, 1972. – 496 с.